

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
УЗБЕКСКОЙ ССР
БУХАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. С. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Х. Г. Нигматов

Функциональная
морфология
тюркоязычных
памятников
XI—XII вв.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1989

В монографии ставится цель сознательного и последовательного применения диалектических принципов конструирования научного понятия об объекте при интерпретации функционирования морфологических категорий тюркских языков. Общее значение грамматической формы понимается как диалектическое единство противоречивых категориальных значений и выводится из многорядных оппозиций.

Для языковедов-тюркологов, философов, преподавателей и студентов вузов.

Ответственный редактор
академик А. Н. Кононов

Рецензенты:
доктора филологических наук Г. Абдурахманов, А. Абдуллаев, А. Ходжиев

Хамид Гуламович Нигматов

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ XI—XII вв.

Утверждено к печати Ученым советом Бухарского государственного педагогического института им. С. Орджоникидзе, Научным советом Министерства народного образования Узбекской ССР

Редактор Н. А. Шибина
Художник В. М. Мочалин
Технический редактор О. А. Бакалова
Корректор С. Л. Капустина

ИБ № 4438

1

Сдано в набор 2.11.88. Подписано к печати 14.02.89. Формат 60×90^{1/8}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 12,8. Усл. кр.-отт. 12,21. Тираж 1000. Заказ 270. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Н 4602010000—4028
М 355(04)—89 174—88 © Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1989 г.
ISBN — 5-648-00127-4

Введение

Углубленное внимание к семантико-функциональной стороне грамматических явлений обусловлено достаточной степенью изученности лишь внешней (формально-описательной) морфологии ряда языков, в том числе и тюркских. Содержательный анализ и вскрытие внутренних взаимоотношений грамматических форм (категорий) как элементов определенной микросистемы могут быть осуществлены более последовательно и глубоко при исследовании языка методами диалектической логики. Применение последней способствует адекватному изучению процесса развития, происходящего в объекте, позволяет обнаружить в нем противоречия, выявить «бесконечное количество других свойств, качеств, сторон взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром» [4, 289].

Лингвист, равно как и исследователь других объектов, должен пользоваться категориями, выработанными философией, исходя из правильного решения основного вопроса философии [89, 51]. В «Диалектике природы» Ф. Энгельс подверг жесткой критике ученых, которые утверждают, будто они стоят над философией: «Естествоиспытатели,— пишет Ф. Энгельс,— воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее... но, к сожалению,... те, кто больше всех ругают философию, являются рабами наихудших вульгаризованных остатков философских учений» [2, 524—525].

Сложный, многоаспектный характер языка требует диалектического подхода к изучению его единиц, так как это позволяет рассматривать их в объективности, в развитии и во всеобщих связях и отношениях [см. 170, 90, 89, 136]. «Применение диалектической логики позволяет при существующем уровне развития науки максимально адекватно отображать в логике понятий процесс движения, изменения и развития, происходящих в действительности» [90, 7].

Марксистская диалектическая логика обращает главное внимание на приемы и способы вскрытия содержания изучаемого явления, на принципы конструирования научного понятия и тре-

бует содержательного анализа объекта изучения [90, 66]. Именно такой подход, позволяющий охватить возможно большие стороны объекта изучения и свести их воедино, способен открыть перед исследователем сущность языка, его единиц, системной организации. Плодотворность изучения фактов тюркских языков методом диалектической логики подтвердили исследования С. Н. Иванова [119; 122; 123]. Поэтому в своей работе мы руководствуемся системными приемами исследования, существенно дополнив их диалектическим содержанием.

При системно-структурном подходе к изучению языка реальность его единиц (фонем, морфем и т. д.), форм и категорий не должна растворяться в их отношениях. Диалектическая логика рассматривает объект не только в его отношениях, но и как реальность, т. е. как нечто существующее независимо от исследователя и являющееся носителем всех своих качеств свойств и отношений. Объективность самой вещи, т. е. объекта изучения, была выдвинута В. И. Лениным в качестве первого и важнейшего элемента диалектики [5, 202, 170, 57—87]. Следовательно, языковая форма должна рассматриваться объективно, как носительница всех своих связей и отношений, без привнесения в рассматриваемую единицу свойств, которые не вытекают из ее внутренней природы и не проявляются в ее разнообразных отношениях с другими единицами. Иными словами, языковые формы должны рассматриваться субстанциально [119, 20—22, 123, 73—77].

Языковые элементы должны рассматриваться реальностями, являющимися носителями всех атрибутов (свойств, отношений и содержания), благодаря которым они входят в определенную систему и приобретают в ней новые признаки [ср.: 251, 46—49]. Таким образом, система выступает по отношению к элементу как целое, в которое включена данная единица [119, 26].

В настоящей работе взаимоотношения системы и элемента языка принимаются как взаимоотношения общего и единичного, целого и части [119, 9—17]. Понятия целого и части, общего и единичного являются диалектическими, относительными и взаимопереходящими. В единицах детализируется сущность общего и в конкретных проявлениях языковых единиц сущность выступает в виде явлений.

Взаимоотношение грамматических форм внутри грамматических категорий не носит беспорядочный, хаотический характер; системный характер языка, его организация требует, чтобы взаимоотношения форм были постоянными, установленными и основывались на определенных признаках. Поэтому применение в изучении соотношения грамматических форм тюркских языков теории бинарных оппозиций позволит глубже понять сущность изучаемых явлений. Однако выводить сущность грамматической формы из ее противопоставления только одной другой форме, т. е. из одного ряда оппозиций было бы упрощением, так как взаимоотношение грамматической формы (категории) многообразны [ср.: 22, 35]. В грамматических формах наряду с категориальным значением

имеется множество сопряженных грамматических значений, поэтому сущность грамматической формы (категории) может быть выявлена только из нескольких рядов оппозиций. Из непосредственных противопоставлений какой-либо грамматической формы (категории) выявляется ее частный, единичный дифференциальный признак, а не ее сущность. Сущность формы (категории) проявляется не только в непосредственных отношениях, но и в ее опосредствованных связях.

Каждая языковая форма включается не в одну микросистему, а на основе разных признаков в несколько микросистем и перед исследователем стоит задача выявления всех оппозиций данной формы.

Изучение языкового материала, представленного памятниками обнаруживает, что каждая отдельно взятая оппозиция формы, как правило, имеет привативный характер и что для выявления сущности грамматической формы достаточно рассмотреть два ряда оппозиций (две микросистемы), в которые входит изучаемая форма. Единство всех оппозиционных признаков изучаемой формы и представляет собой ее относительную сущность.

Поскольку не все оппозиционные признаки грамматической формы (категории) относятся друг к другу как видовой признак к родовому (в противном случае грамматическая форма не могла бы включаться в два ряда оппозиций, в две микросистемы) и среди них содержатся разнородные признаки, единство оппозиционных признаков грамматической формы (категории) является не механическим, а диалектическим, противоречивым. Такое понимание сущности грамматической формы гармонирует с положением о противоречивой двойственности сущности грамматических форм [119, 21—26, 123, 77—80].

«В. И. Ленин требовал того, чтобы положение о раздвоении единого и о познании противоречивых частей его, составляющее суть диалектики (другими словами положение о единстве и тождестве противоположности) бралось не как сумма примеров, но «как закон познания (и объективного мира)» [136, 176]. В каждом явлении, в том числе и языковом, «необходимо отыскать диалектические противоречия и приводить их к высшему единству. От диалектических противоречий нельзя избавиться теоретическим путем» [137, 92]. Это ядро марксистской диалектики обязывает лингвиста обнаружить, вскрыть в языке диалектические противоречия, раздвоить единство на противоположные стороны, привести их к высшему диалектическому единству. В диалектическом единстве находятся в языке план выражения и план содержания (означаемое и означающее языкового знака), морфология и синтаксис, диалектическое единство наблюдается во взаимоотношениях языка и речи, системы и элемента, изменчивости и константности (устойчивости) языковой системы, диалектическим является и единство самой грамматической формы и ее общего, парадигматического значения как элемента системы.

Во всех исследованиях — к какой области или отрасли науки

Они не относились—исходят из заранее определенных методологических предпосылок. Раздвоение единого не приписывается нами грамматическим формам (категориям), а выявляется как раздвоение самой формы, существующее независимо от исследователя. Единство рассматривается как раздвоенное только тогда, когда оно продиктовано фактами языка, способствует углублению наших знаний о сущности изучаемой формы и объясняет многочисленные случаи конкретных манифестаций грамматической формы (категории).

Если бы сущности языковых грамматических форм и категорий (шире всех языковых единиц) были инвариантны, неизменны и не сводились к диалектическому единству противоречивых сторон, то при конкретных манифестациях языковые единицы не могли бы иметь то многообразие значений и функций, которые констатируются каждым исследователем независимо от его мировоззрения. При этом языковая система была бы мертва и неизменна, и язык приобрел бы характер кода, мертвой знаковой системы, лишенной внутреннего развития и движения. В таком случае связь каждого элемента с другим была бы не диалектической, а механической, электрической, но связь каждого элемента с другими разнообразна и каждый элемент вступает в тесные взаимоотношения с несколькими разнохарактерными элементами.

Другой немаловажный вопрос при рассмотрении языка как системы — проблема совместимости понятий системности и изменчивости. «Условием существования любой системы является определенная степень ее устойчивости и размерности» [260, 243]. Ф. де Соссюр, резко отделив друг от друга язык и речь, относит все изменения к последней и таким образом язык (система) остается у него неизменной. Он полностью исключает из системы момент времени, т. е. развитие. «Многочисленность знаков,— пишет Ф. де Соссюр,—абсолютно препятствует одновременному изучению отношений во времени и отношений в системе» [253, 88]. Такое толкование языковой системы находится в явном противоречии с природой языка как явления общественного и исторического. В высказывании Ш. Балли о том, что: «Языки непрерывно изменяются, но функционировать они могут только не изменяясь» [34, 29], содержится утверждение диалектического единства движения и покоя, изменения и устойчивости языковой системы. Следовательно, язык, с одной стороны, как система относительно устойчив (иначе он не мог бы служить средством общения), но, с другой стороны, как явление историческое и общественное, находится в постоянном движении, развитии (иначе бы он не мог удовлетворять постоянно растущие и развивающиеся потребности человеческого общества). Отсюда следует, что специфика языковой системы и заключается в том, что в языковой системе находит место момент развития. «Если в промежутке между двумя «состояниями» язык изменяется,— пишет Э. Косериу,—сохраняя свою системность, то это означает, что изменение находит для себя в системе необходимое место, что оно оправды-

вается наличием определенной возможности...» [115, 220]. Иными словами, диахронию следует рассматривать не как хаотическое нагромождение случайностей (изменений), а как форму проявления необходимости; находить, объяснять эти необходимости и выявлять формы их проявления, является задачей исследователя.

Как было сказано выше, грамматическая форма (категория) противопоставляется не одной, а нескольким формам, и эти противопоставления (оппозиции), каждое отдельно взятое, как правило, имеют характер привативности. Если элемент А в одном ряду противопоставлен элементу В на основании маркированности признака M_1 , то в другом ряду этот же элемент противопоставлен элементу С на основании нейтральности по отношению к признаку M_2 , и таких признаков у каждой формы может быть несколько. Следовательно, элемент А обладает маркированным (устойчивым) признаком M_1 и немаркированным (неустойчивым) признаком M_2 . Из этого видно, что единство признаков элемента А сводится к диалектическому единству устойчивого и неустойчивого. Изменение (развитие) элемента А не только содер-

жится в системе $A \begin{matrix} \swarrow B \\ \searrow C \end{matrix}$, но и предполагается ею как необходимый момент, как условие существования самой системы. Такое явление наблюдается во всех элементах языковой системы, содержащей в себе диалектическое единство движения и покоя.

В развитии (изменении) элемента А в микросистеме $A \begin{matrix} \swarrow B \\ \searrow C \end{matrix}$, в его судьбе влияют не только элементы В и С, но и другие элементы данной системы и других более крупных систем, в которые включается данная микросистема на правах единицы.

Необходимо подчеркнуть, что языковая система является открытой, незамкнутой. Если рассматривать языковую систему как замкнутую, то в такой системе изменения приобретают характер простых перемещений и «топтания на месте», с одной стороны, а, с другой, отвергается важнейшее положение диалектического материализма о неисчерпаемости связей и отношений вещи (языковой системы).

Открытость каждой микросистемы языка доказывается и тем, что различные уровни языка находятся в постоянном взаимодействии. Даже такие высоко организованные категории, как морфологические, которые будто бы представляют собой замкнутые системы, находятся в тесном взаимодействии с лексическими и синтаксическими уровнями, вокруг них объединяются лексические и синтаксические средства, обладающие общей или родственной семантикой с этой категорией, и возникают благодаря этому функционально-семантические категории (или поля) [см.: 51]. Образование семантико-функциональных полей же обусловлено открытым характером морфологической категории (микросистемы).

Таким же является характер системы связей микросистемы,

являющейся целой по отношению к своим элементам, когда она выступает в качестве единицы в более крупной системе (например категория времени по отношению к наклонениям, наклонения по отношению к формам модальности, модальность по отношению к категории предикативности и т. д.). Микросистема, выступающая единицей другой системы, в свою очередь, изменяется в целом в том направлении, которое обусловлено данной системой и т. д. И все это в конечном счете изменяет, развивает конкретные элементы конкретных микросистем — грамматические формы, их значения, употребления и средства выражения. В свою очередь они изменяют микросистему, ее структуру и состав — появляются новые единицы, одни единицы выпадают, другие переходят из одной микросистемы в другую, смежную и т. д. Таким образом, всякое изменение становится причиной других изменений. Благодаря этому языковая система уравнивается. Языковая система как и система живого организма, относится к системам подвижного равновесия [260, 244]. «Процессы разрушения и созидания идут в таких системах параллельно и взаимно уравнивают друг друга» [260, 244].

Следовательно, каждая микросистема обладает присущими только ей противоречиями, являющимися источником ее развития, и ни одно из этих противоречий не распространяется на всю языковую систему, [ср.: 173, 172]. Это является необходимым условием относительной устойчивости языковой системы, благодаря чему язык может служить средством общения и может изменяться и развиваться.

Важнейшей стороной языка является его функция быть средством общения. Языковые единицы становятся реальностью и приобретают коммуникативную значимость только тогда, когда они будут наделены содержанием, свойствами и отношениями, благодаря чему они получают вполне определенное место в системе. Поэтому на основании лингвистического анализа объединяются в одну группу явления, обладающие одной и той же функцией, даже если они различны в физическом отношении, и рассматриваются порознь, выполняющие различные функции, даже если они аналогичны в материальном отношении [181, 411; 29, 63—64].

Изучение системных связей между языковыми элементами обнаруживает, что языковая система не только является открытой, но и непрерывной. Иными словами, между двумя взаимно противопоставленными элементами (микросистемами) языка имеется общее связующее звено, выступающее общим сегментом, включенным третьим¹ обоим элементам (микросистем). В этом общем сегменте наиболее наглядно выступает единство противоположных сторон в языковом элементе (микросистеме), и в нем эти

---

¹ Из-за отсутствия лингвистического термина, отражающего сущность рассматриваемого явления, термин «включенное третье» заимствован из диалектической логики. О специфическом законе включенного третьего диалектической логики см.: [89, 174—203].

противоположности снимаются, чем обеспечивается системная связь одного элемента с другим и непрерывное взаимопревращение элементов.

В настоящей работе применение системного подхода к изучению языка восточнотюркских памятников XI—XII вв. сводится к соблюдению следующих принципов изучения грамматического строя:

1) системность языка рассматривается как взаимодействие иерархически организованных микросистем (подсистем);

2) система (микросистема) и ее элемент изучаются в связи с диалектическими отношениями общего и единичного, целого и части;

3) элемент системы (языковая единица) рассматривается как субстанция, т. е. как реальная единица действительности и ее реальность не растворяется в ее отношениях; языковая единица является носителем всех своих качеств, свойств и отношений. Поэтому научное определение (сущность) каждого элемента должно быть богаче, полнее, чем каждый конкретный случай его проявления;

4) отношения каждого элемента языковой микросистемы с другими элементами показываются как разнообразные, многосторонние и диалектически противоречивые; в этих противоречивых отношениях обнаруживается, проявляется сущность языкового элемента;

5) сущность грамматической формы (категории) сводится к неизбежной противоречивой двойственности;

6) сущность грамматических форм может быть выявлена из взаимоотношений данной формы (категории) не менее, чем в двух рядах оппозиций (микросистем);

7) каждая микросистема языка рассматривается как содержащая присущие только ей противоречия, являющиеся источником ее внутреннего развития;

8) между двумя противопоставленными языковыми единицами (случаями функционирования, формами или категориями) имеется общее связующее звено, выступающее включенным третьим в этом противопоставлении и обеспечивающее единство противоположностей;

9) элемент языковой микросистемы представляется как диалектическое единство внешней (формальной) и внутренней (функциональной) сторон;

10) языковая система (микросистема) всегда является открытой, непрерывной и внутренне предполагает момент взаимодействия, изменения и развития².

Поскольку единичные значения формы неисчерпаемы, констатации подобных единичных значений грамматических форм языка изучаемых памятников посвящена богатейшая научная литература

---

² Изучение конкретных морфологических категорий при соблюдении вышеупомянутых принципов более подробно изложено в [201].

тура, перед настоящим исследованием не ставится цель дать детальное описание образования и бесконечных оттенков значений каждой грамматической формы (категории). Однако всякая научная теория, всякое обобщение опирается на факты, на изучение единичностей [89, 116—167], поэтому в работе предварительно констатируются типичные случаи реализации конкретных грамматических форм (категорий). На основании типичных случаев употребления единиц какой-либо микросистемы рассматриваются далее внутрикатегориальные и межкатегориальные связи и отношения (оппозиции) форм данной микросистемы. Другими словами, основной задачей, поставленной перед настоящей работой, является не детальное описание образования и констатации типов значения тех или иных форм (категорий), а выявление соотношений форм внутри микросистем и установление их системных связей.

Системное исследование словоизменения и аффиксального словообразования имен и глаголов проведено нами по языковым данным уникальных письменных памятников эпохи Караханидов — «Дивану лугатит-турк», «Кутадгу билиг» и «Хибатул-хайик». Транскрипционные знаки, которыми пользовались издатели этих памятников и составители «Древнетюркского словаря», значительно отличаются друг от друга. Мы пользуемся упрощенной транскрипцией на основе русской графики: знаки для гласных — а, ä о, ö, у, ü, ы, и, э; знаки для отдельных согласных — «в» — для арабских графем, و и ق қ — для графемы ق з — для ذ; х — для ح, ғ — для غ; ч и ж — для چ; ь — для ع.

При каждом приводимом примере указывается источник, откуда взят данный пример. Издания источников обозначаются следующим образом: I. [К-6241] — «Юсуф хос Ҳожиб, Қутадғу билиг. Нашрга тайёрловчи Қаям Каримов. Тошкент, 1971», бейт № 6241; II. [II, 180/23] — дополнение к ташкентскому изданию «Кутадғу билиг», опубликованное в УТА, I, 1973, страница 180 по венской рукописи бейт № 23; III. (I, 373)/(II, 42)/(III, 140) — «Махмуд Кошғарий, Девону луготит турк. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов, тт. I—III, Тошкент, 1960—1963». IV. (X—9) — «Қ. Махмудов, Аҳмад Югнакийнинг «Хибатул ҳайик» асари ҳақида. Тошкент, 1972» (критический текст с. 177—216) бейт № 9. V. (Дс., 632) — «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 632.

Указание на научную литературу дается в тексте работы цифровыми обозначениями. Цифры слева от запятой указывают на порядковый номер работы в «Использованной литературе», а цифры слева от нее — на страницы данной работы. Точкой с запятой отделяются друг от друга отдельные работы.

Глава первая

КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Об основаниях классификации. В частях речи концентрируются сложнейшие вопросы взаимоотношения лексики и грамматики, языка и речи, языка и действительности¹. Слово — основная и необходимая единица как в лексике, так и грамматике [245, 11]. Поскольку части речи представляют собой группы (категории) слов, выделяемых по тем или иным признакам (критериям), каждый исследователь, занимающийся вопросами лексики, морфологии и синтаксиса, по-своему решает данную проблематику. Научные споры касаются, главным образом, критериев (оснований) группировки, количества выделяемых групп и их состава. Иными словами, основное внимание исследователей, особенно тюркологов, обращено к классификации [239, 4—8], чем затмевается другой немаловажный вопрос — соотношение частей речи, точки их соприкосновения, сближения и удаления.

При определении количества и состава частей речи как в славистике, так и в тюркологии наиболее распространен учет семантических, морфологических и синтаксических особенностей слова [299, 54]. Однако практически части речи выделяются, в основном, по семантическим признакам. Одни исследователи считают семантический признак главной и единственной основой при классификации частей речи [37, 147—172; 257], другие, принимая в качестве критерия единство указанных трех признаков, группируют слова по их значению и синтаксической функции; всякие колебания и противоречия, возникающие при этом, устраняются введением понятия транспозиции (перехода из одной части речи в другую), лексической или лексико-грамматической омонимии [130, 765]. О необоснованности расширения сферы транспозиции и омонимии в тюркских языках указывалось в работах [231, 200; 227, 51].

Модернизированные понятия транспозиции — понятия о первичных и вторичных (отмеченном и неотмеченном употреблении) синтаксических функциях слов в предложении [167, 60—61] вито-

¹ История изучения данного вопроса освещена, в частности, в работах И. С. Поспелова [211] и Ф. Р. Зейналова [106].

ге сходятся к тому, что за существительным закрепляется приоритет функции подлежащего, за глаголом — сказуемого и т. д. [ср.: 66, 54—56].

Выявление соотношений словесных групп (частей речи) по тем или иным признакам приводит к выделению определенного количества частей речи, т. е. к классификации. Поэтому, чтобы избежать логических противоречий, мы должны соблюдать основное требование формальной логики к классификациям вообще², которое заключается в том, что «классификация должна проводиться только по одному основанию. Следовательно, нельзя смешивать два основания классификации, используя их одновременно» [137, 234; ср.: 284, 33; 258, 21—22].

Основанием для классификации частей речи в тюркологии служит единство трех признаков — семантического, морфологического и синтаксического. Однако при рассмотрении примеров из языка изучаемых памятников возникает вопрос, действительно ли эти критерии составляют единство, т. е. закреплены ли за определенной семантикой определенные морфологические категории и синтаксические функции? Например, обладают ли слова, обозначающие предметы (или предметность), категориями числа и падежа, принадлежности, а также субъектная и объектная функции? Факты языка изучаемых памятников свидетельствуют о том, что подобные слова могут выступать как в субъектной (объектной), так и в атрибутивной функциях, а также выражать признак предмета (а) и признак признака (б): а) таң ыш [К-4355] — «удивительная работа»; хийанат киши [К-2826] — «предатель»; б) саламат йуры [К-4445] — «иди по верному (пути)»; инч тирилсү [К-2398] — «пусть живет спокойно». Слова со значеннем признака могут принимать аффиксы принадлежности и падежа, выступать в предложении субъектом или объектом: көни бол көни қыл көни тут йорык эсиз эгри көнгәй эвүргәй қылық [К-5391] — «будь праведным, праведно поступай, держи праведный путь, (тогда) дурные и мошенники исправятся, изменят поведение».

Сторонники семантико-морфолого-синтаксической классификации усматривают здесь либо два омонима (имя существительное и имя прилагательное), либо субстантивацию. Например, если в предложении «көни барды» [К-6241] — «праведность исчезла» слово «көни» является субстантивированным, то под ним имплицитно должно подразумеваться существительное, которое может заменяться прилагательным [ср.: 206, 71—72]. То, что в данном предложении не подразумевается никакого имени существительного и «көни» называет абстрактный признак как субстанцию, свидетельствует о том, что в таких позициях слова «көни» и «кө-

² Автор руководствуется методом диалектической логики. Однако выводы, полученные методом диалектики, не должны содержать логических противоречий. Поэтому учет законов формальной (элементарной) логики является необходимым условием для рассмотрения тех или иных явлений в свете учений диалектики [89, 68—76; 90, 44].

никик» являются синонимами: ср.: кѳни барды [К-6241]; кѳнилик барды [К-6250] — «праведность исчезла».

Нерасчлененность значений признака и предметности в языке рассматриваемой эпохи доказывается и тем, что имена прилагательные в современных тюркских языках не могут сочетаться с аффиксами *-ли/-лы*, но в языке XI—XII вв. они могли принять этот аффикс: *ѳзѳн табыны мѳн айайын йрра қызыллы сарығлы ѳрѳнли қара* [К-4528] — «скажу-ка я тебе, растолковывая твой организм, [он] состоит] из красного, желтого, белого и черного». В данном примере семантическая структура слов без аффикса *-лы/ли* (*қара*) и с этим аффиксом (*қызыллы, сарығлы, ѳрѳнли*) одинакова. Это свидетельствует о том, что слова типа «қызыл», «сарығ» указывали и на признак и на предмет [ср.: 206, 68], точнее могли выражать как признак предмета, так и субстанцию.

Выявленные особенности только двух семантических групп слов со значением предметности и качественности наглядно показывают, что между значением слова, его сочетаемостью с аффиксами падежа и принадлежности и синтаксической функцией нет прямой связи. Конечно, есть слова, которые обозначают предметы и не обозначают качество (таковы, например, имена собственные), и такие слова, которые выражают признак (или признак признака) без указания на предмет (слова типа «ѳкѳш» — «много»; «многие»; тѳлим — то же самое; эң — «очень»). Они многочисленны и находятся в периферии отношений единства качественности и предметности. При делении слов по трем признакам непротиворечиво могут быть выделены крайние, полярно противопоставленные небольшие лексические группы, а те многочисленные явления, которые находятся в промежутке этих двух крайностей, искусственно причисляются то к одной, то к другой. Л. В. Щерба писал: «Надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста» [300, 35—36].

Если семантические, морфологические и синтаксические признаки слов не составляют единства, то они не могут служить основанием при классификации, так как логически непротиворечивое деление возможно только по одному основанию. Поэтому в некоторых исследованиях авторы, классифицируя слова по трем признакам, опираются на один из них, возводя его в ранг ведущего, основного критерия, и тем самым внутри одной классификации несколько раз меняют ее основания.

В лингвистике существует много примеров последовательной классификации слов по одному признаку. Например, формальная классификация слов русского языка, предложенная Ф. Ф. Фортунатовым [273, 68], А. М. Пешковским [206, 40—44], логико-семантическая классификация О. П. Суника [257] и др. Результаты таких классификаций должны оцениваться только с позиции того основания, которое положено в основу классификации, с уче-

том цели, преследуемой классифицирующим. Поэтому, с точки зрения сторонников семантико-морфолого-синтаксической классификации частей речи, объединение Ф. Ф. Фортунатовым слов типа «кенгуру» со словами типа «здесь», «быстро» в один морфологический тип, противоречиво, как и с точки зрения формально-морфологической классификации, объединение слов типа «кенгуру» со словами типа «учитель» и «парта». Более правильным является объединение слов типа «кенгуру» со словами типа «здесь», а семантико-функционально — со словами типа «учитель».

Однако из указанных трех критериев не все играют одинаковую роль при определении групп слов на уровне парадигматики. Прежде всего это касается синтаксической функции слов, так как «возможность употребления в функции того или другого члена предложения имеется почти у всех знаменательных частей речи» [231, 205; ср.: 131, 126; 172, 9]. Данная функция не дифференцирует части речи, а служит для выравнивания различий между ними [231, 205]. На основе синтаксической функции могут быть точно разграничены служебные и знаменательные части речи, хотя и здесь возникает сложная проблема, связанная с определением места вспомогательных имен и глаголов среди этих частей речи. Однако при внутренней классификации служебных частей речи учет их синтаксических функций, является важнейшим условием классификации, так как выражение определенных синтаксических отношений составляет их сущность, категориальное значение [285, 10, 299, 79; 246а, 86; 66].

При классификации по морфологическим признакам важно учесть два явления: потенциальные способности слова к формообразованию (словоизменению); обязательность выражения значений отдельных грамматических категорий определенными классами слов.

На основании первого признака слова, потенциально способные иметь словоизменительные формы, противопоставляются словам, лишенным словоизменительных форм, на основании второго признака выделяются особые морфологические классы слов (части речи).

Существующие семантические подгруппы частей речи не имеют грамматического характера. Однако они оказывают значительное влияние на конкретную грамматическую форму тех или иных грамматических категорий, так как на значение словоформы, помимо парадигматических (категориальных) значений самой грамматической формы, влияют контекст и конкретное лексическое значение самой основы [71, § 783; 53, 33—34].

ИМЕНА

Имена в языке изучаемых памятников объединяются общим семантическим признаком для выражения признаков предметности, количественности и качественности и подразделяются на ряд внутренних групп (табл. 1).

Следовательно, из всех лексико-семантических групп только имена собственные служат наименованиями предметов и не имеют качественных и количественных оттенков (точнее, качественное значение у них предельно ослаблено). Во всех остальных группах эти значения сосуществуют нерасчлененно: имена существительные наряду с предметностью могут нерасчлененно выражать признак или качество (а), количество (б), имена прилагательные — предметность (в), числительные — предметность (г) и качество (порядок) (д): а) тэмур кэнд [К-4606] — «железный город»; б) қулач йер [К-6205] — «сажень земли»; в) эшитгил сөзүг

Таблица 1

Семантические группы и оттенки	Имена								
	существительные					прилагательные	числительные		
	собственные	конкретные нарицательные	абстрактные	нумеративы	вещные		качественные и относительные	порядковые	с. етне
Предметность	+	+	+	+	+	+	0	0	+
Качественность	=	+	+	0	+	+	+	=	0
Количественность	=	0	0	+	+	=	=	+	+

иртә йалған чыныг [К-5752] — «слушай слова, расследуй, [где] правда [и где] ложь»; г) үчи йазқы йулдуз [К-138] — «трое [из них] весенние звезды»; бир ишни экәгүгә айма [К-4001] — «одно дело не поручай двоим»; д) экинч нэн [III, 451] — «вторая вещь».

Через такие точки пересечения существительных, прилагательных и числительных устанавливается взаимосвязь этих лексико-семантических подгрупп и обеспечивается единство имен как особой семантической группы. По своим семантическим особенностям приближены к именам наречия и, частично, местоимения.

МЕСТОИМЕНА

Общим семантическим признаком местоимений является указательность (дейктичность) их значения. В языке памятников они разделяются на несколько разрядов, и отношение каждого разряда местоимений к подгруппам имен различно:

Личные местоимения (местоимения-существительные)... мэн, сэн, ул, биз, сиз/силар [К-4757], анлар [X-7], улар [К-5229].

Указательные местоимения бу, ул, муны [III, 236], муну [К-1159], ошбу [К-1555], ошул [К-2008], уну [III, 256], уш [I, 72] — муну сөзгә бүт [К-1159] — «верь этим словам». Нередко местоимения ул, бу выступают в общем значении личных и указательных местоимений: кишилөр эвиндә бу қопрур түтүн [К-335] — «он (дурной нрав) предаст огню дома людские».

Возвратное местоимение өз. В сочетании с аффиксами принадлежности или без них в языке памятников оно может выполнять функции возвратного (а), определительного (а), притяжательного (б) и личного местоимений (в) [145, §§ 315—320; 17, 114; 18, 52]; а) *өзүңгә бағырсақ сәниң өз өзүң* [К-3451] — «заботлив к себе только ты сам» [10]; б) *өз баши* [X-36] — «своя голова»; в) *өзүм булмады* [К-4831] — «я не смог достичь [желания]».

В языке памятников местоимение *өз* употребляется также и как имя прилагательное со значением «близкий, не чужой, собственный»; и как имя существительное «внутренность, сердцевина»; «душа», «тело» [I, 80—81]: *өз қаны* [К-641] — «кровь тела». Поэтому лично-возвратное местоимение *өз* с аффиксами принадлежности в роли подлежащего может требовать согласования глагола-сказуемого в лице/числе, но, как существительное, может сочетаться и с формой III лица глагола-сказуемого. Например: *өзүм таңладым* [К-501] — «я сам удивился»; *өзүм бәрді* [К-184] — «я сам дал».

Слово *кәндү* в языке памятников не сочетается с аффиксами принадлежности и выступает в функции определительно-выделительного и притяжательного местоимений: *бу қул кәндү эрксиз тапуғы болур* [К-2949] — «раб — это невольный слуга»; *кәндү қылқы* [К-5686] — «его [свой] нрав».

Определительные местоимения по своей семантике находятся в тесном контакте с именами прилагательными, наречиями и числительными [145, §§ 227—232]. Поэтому они рассматриваются то как местоимения-прилагательные, то как прилагательные-местоимения. Среди определительных местоимений можно выделить определительно-обобщающие (*қамуғ/түзү/бары/барча* — «все», «все»; «всюду»; *тәгма* — «каждый»); определительно-указательные (*андағ/мундағ/йаңлығ* — «такой»); определительно-количественные (*қач* — «несколько», *қайу* — «некоторые», *анча/нечә* — «несколько», *мунча* — «столько»); неопределенные (*ким эрсә* — «кто-нибудь», «кто-то», *нә эрсә* — «что-нибудь», «что-то»): *камуг тәбрә нүркә булардын асығ түзүкә тәгир йәм ичимдин татығ* [К-4296] — «от них [крестьян] польза всем людям, всем благодаря [им] наслаждение от еды и напитков»; *андағ сү* [II, 319] — «такое войско»; *бу қач нәң* [К-2029] — «эти несколько вещей»; *билиг тәгмәсә кимкә эрсә үлүг* [К-2413] — «если кому-нибудь не достается доля от знания».

Местоимения *қач*, *анча*, *мунча/бунча* и некоторые другие могут употребляться и как наречия. Поэтому целесообразно рассматривать их как местоимения-наречия: *анча усы кәлмәди* [К-5844] — «некоторое время не смог заснуть».

Отрицательные местоимения в языке памятников не отмечены. Неизменяемые слова *хәч*, *қар* гәз относятся скорее к наречиям, нежели к местоимениям: *элиг хәч үндәмәди* [К-611] — «правитель не говорил ничего».

Вопросительно-относительные местоимения в памятниках пред-

ставлены в большом количестве. Характерной особенностью вопросительных местоимений является то, что они могут служить вопросом (или указанием при относительном употреблении) по отношению как к предметам, так и к различного рода признакам: ким — «кто» [I, 325], «что» [K-2043], «какое» [I, 325]; нэ — «что» [K-3157], «кто» [K-1601], «какой» [K-4619], «как» [K-5860]; нэку — «что» [K-3290], «какой» [II, 179/20], «почему», «из-за чего» [K-5363], «как», «каким образом» [K-461]; ну — «что» [III, 233], «какой» [K-772]; қайу/хайу — «который» [K-5274], «какой» [III, 237]; қаны — «где» [X-152] и др.

Вопросительно-относительные местоимения выступают либо как самостоятельный член вопросительного предложения, либо как союзные (относительные) слова: бу ким [I, 325] — «кто это»; сөз ул сөз турур ким ул эймыш [K-4799] — «[истинные] слова те, которые он сказал».

НАРЕЧИЯ

По разнообразности значения своих семантических подгрупп наречия близки к местоимениям. Это выражается и в том, что значение ряда наречий является указательным (ср.: эмди — «теперь», нару — «туда»). Наречия не обладают словоизменительными формами и в предложении могут выступать в качестве определения, обстоятельства и сказуемого [см.: 145, § 573; 61, 349; 366, 378—380]. В языке памятников выделяются следующие семантические группы наречий:

Качественно-обстоятельственные: ақру [K-3252] — «тихо — йана» [K-3252], йандру [K-III, 414] — «повторно», «снова», тэг [I, 321] — «просто», «бесцельно», биргәм [I, 447] — «совсем, навсегда»; тэрк [K-4649] — «быстро». У качественно-обстоятельственных наречий на значение образа действия накладывается значение качественности, поэтому они могут определять как имена, так и глаголы: йашру иш [III, 29; X-43] — «тайное дело», ул йашру кэлди [III, 38] — «он пришел тайно».

Количественные: бүтрү [K-4316] — «целиком»; таб. [K-4648] — «достаточно»; ашру [K-6065] — «много»; кэз [K-1955]; эзи [K-2609]/эн [K-4560] — «очень»; қата [X-17] — «раз»; дүк [III, 378] — «около», «приблизительно».

Пространственные и временные: отра [I, 332] — «посередине», «между»; ору [III, 392] — «верх»; ондун [K-1824] — «справа»; каршу [III, 287] — «против»; ташырты [K-5811] — «снаружи»; астын/алтын [I, 133] — «снизу»; кэн [K-60-03] — «потом»; тутчы [K-5367] — «всегда»; тэмән [I, 387] — «только что»; эмди [K-1044] — «теперь».

Пространственные и временные наречия указывают на относительное время и пространство, что сближает их с местоимениями [ср.: 276], а относительность их значения — со служебными словами (см. далее).

ГЛАГОЛЫ

Единство глагола, как определенного класса слов, в языке памятников обеспечивается семантическим признаком выражения процессуальности и морфологической категорией залога. Глаголы подразделяются на многие лексико-семантические группы [см.: 164, 7—10]. Для словоизменения (в частности для образования форм залога) в языке изучаемых памятников грамматически значимой является группировка глаголов по следующим семантико-синтаксическим признакам: переходность/непереходность; рефлексивность/нерефлексивность; результативность/нерезультативность; медиальность/немедиальность.

Категория переходности/непереходности в тюркских языках является лексической [см.: 37, 333], возникшей позже [235, 236, 456—477; 92, 180]. Первоначально она была синтаксической, т. е. при наличии прямого объекта глагол реализовал переходное, а при его отсутствии — непереходное значение. Примеры древнейшей нерасчлененности значений переходности/непереходности наблюдаются и в языке рассматриваемых памятников: мэни бармадын [К-578] — «не прогоняя меня», болмас аны тоқ бай [III, 257] — «нельзя сделать его сытым [и] богатым»; болғын кишиг [I, 95] — «будь человеком».

Данная категория подразделяется на две внутренние группы: переходно-рефлексивные и переходно-нерефлексивные глаголы; переходно-результативные и переходно-нерезультативные глаголы.

К переходно-рефлексивным относятся переходные глаголы, не сочетающиеся с адресатным косвенным дополнением и выражающие возвращение действия на субъект (подлежащее) типа — кэз — «надевать на себя», йэ — «есть», ич — «пить», бил — «знать», «узнавать», эшит — «слышать», көр — «видеть» и др. Конструкции (предложения), образуемые этими глаголами имеют следующую максимальную объектно-субъектную структуру³: S—V—O_{гес} и не могут иметь адресата (так как нельзя построить предложение типа «ул мэңә сув ичти»).

К переходно-нерефлексивным относятся переходные глаголы, которые помимо прямого дополнения могут сочетаться и с адресатным косвенным дополнением, например, глаголы типа бэр — «давать», ал — «брать», эк — «сеять», эт — «делать». Максимальная субъектно-объектная конструкция, образуемая этими глаголами, такова:

$$S - V - O_{гес} - O_{обл}$$

К переходно-результативным относятся глаголы творения, со-зидания, изменения формы, качества, свойства объекта (verba

---

³ В моделях конструкций используются широкоупотребительные символы: S — субъект (подлежащее), V — глагольное сказуемое, O_{гес} — прямое дополнение, O_{обл} — косвенное дополнение (адресатное или субъектное).

opereendi): йаз — «писать», эт — «делать», йар — «колоть», бо-зу — «красить», йык — «валить, разрушать» и др.

К переходно-нерезультативным глаголам относятся глаголы, выражающие действия, в результате которых не создается новый предмет, не меняется форма, качество, свойство объекта: сат — «продавать», бэр — «давать», йэ — «есть».

Непереходные основы подразделяются на непереходно-медиальные и непереходно-немедиальные (или непереходно-активные)⁴. К непереходно-медиальным относятся глаголы, обозначающие действия, протекающие в субъекте (подлежащем) без активного вмешательства извне: öли — «мокнуть», сүчи — «становиться сладким», «бродить»; сэмри — «полнеть»; тоз — «насыщаться» и др. Неperеходно-немедиальные (непереходно-активные) глаголы обозначают активные действия, совершаемые (или переживаемые) субъектом: глаголы движения, глаголы, характеризующие различные моральные, психические состояния, переживаемые субъектом: кэл — «приходить», бар — «идти», қорқ — «пугаться», ум — «надеяться» и др.

МЕЖДОМЕТИЯ

К междометиям относятся эмоциональные слова-сигналы, выражающие различные чувства, волеизъявление и реакции субъекта. В речи междометия не выступают членами предложения, но могут образовывать отдельные предложения [290, § 74; 145, § 739]. Они обладают самостоятельным лексическим (эмоциональным) значением, не зависящим от других слов контекста. В отличие от других знаменательных слов междометия, выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, не обозначая и не называя их, несут осознанное смысловое содержание [61, 584]. Таким образом междометия относятся к выражающей подгруппе знаменательных слов, в чем заключается определенная степень синсемантичности, характерной для междометий.

В языке изучаемых памятников представлены следующие лексико-семантические разряды междометий:

1. Междометия, выражающие чувство и эмоции, удивление — а [I, 73], ва [III, 234], йа [III, —234] — смущение, стыд (в речи женщин); йу [III, 234], ава-ава [I, 116] сожаление.

2. Звательные междометия: қы [III, 230], ач [I, 71]; айа [K-701], эй [K-4586], э [K-4578] — «эй», «о».

3. Междометия, побуждающие к какому-либо действию. Побудительные междометия особенно широко представлены в «Диване»: возглас для усмирения животных — ҳош-ҳош [I, 312]; возглас, побуждающий животных подняться — оп-оп [I, 70]; возглас, призывающий верблюда опуститься на колени — чўк-чўк [I, 321] и др.

⁴ О противопоставленности этих групп непереходных глаголов см.: 146, § 243; 236, 482—486; 86, 8—69; 9, 199—200; 228, 13—15.

4. Ответные междометия: одобрительно-подтверждающее слово йах [III, 128] (конечно, да); повторительно-уточняющее слово ав [I, 75] (А?, Что?); отрицательное слово — аң-аң [I, 76] (нет-нет); ува [I, 75] — отклик на зов; утвердительное слово эвәт [I, 85], йэмәт (эмәт) [III, 14]; утвердительно-одобрительное слово илал [К-492].

Некоторые слова в XI—XII вв. могли употребляться как слова-названия и как междометия: сақ-сақ [I, 320] — междометие, призывающее быть осторожным; сақ-эр [I, 321] — «бдительный человек»; ысрық-ысрық [I, 175] — слова-заклинания, произносимые при лечении ребенка, чтобы уберечь его от болезни и сглаза; ысрық [I, 125] — «гармала»; дарыға [К-1552] — «жаль» (перс. دریغ — «жалость», сожаление, раскаявание); эсиз [I, 160] — жаль (эсиз [X-80] — «скверный», «дурной», «злой»).

Таким образом, междометия обладают самостоятельной информативной функцией, имеющей не назывной, а эмоционально-выразительный характер.

ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ

Подражательные слова, в отличие от междометий, выступают в предложении в качестве определенного члена предложения [299, 67; 165; 166]. От других слов языка они отличаются тем, что в них «звучание слова само по себе выражает понятие (точнее — значение, содержание — Х. Н.), заключенное в слове» [243, 277]. Значение и звучание в этих словах соотносительны [243, 281], хотя и неидентичны.

Подражательные слова, передающие акустические или оптические образы, отличаются от других слов языка также фонетически и семантически. Их фонетические особенности проявляются в том, что подражательные слова тяготеют к фонетическим аномалиям, могут содержать в своем составе непривычные для данного языка звук или сочетание звуков [243, 286; 95, 62], имеют определенный фонетический макет [95, 63—64; 10, 32].

Семантические особенности подражательных слов заключаются в образности, эмоциональности, эффективности, но эмоциональность у них не является единственным, доминирующим значением, а выступает как производное от их фонетических особенностей [243, 293] и от соотносительности их звучания и значения. Во-вторых, значение звукоподражательных слов является неточным, непонятным. Поэтому подвергать их точному семантическому анализу нельзя.

Расплывчатость значения подражательных слов объясняется многообразием их семантических потенций; семантико-функционально подражательные слова могут выражать семантику всех знаменательных частей речи — предметность (явление) (а), качество (б), процесс (в), признак признака (г):

а) чағ-чуғ қопты [III, 141] — «начался шум-гам»; б) тоң нән [III, 369] — «тяжелая [непустая] вещь»; в) тэвәй эмиги жор-жор

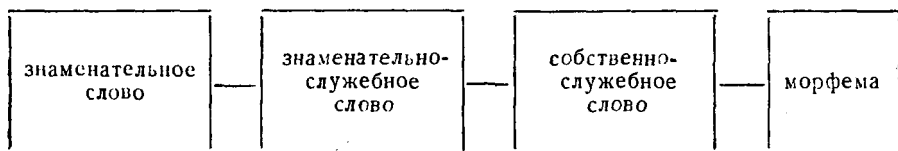
[I, 448] — «молоко [льется] из верблюжьего вымени [издавая звук чур-чур»; г) зап-зап баргыл [I, 309] — «иди быстро».

По своей семантике подражательные слова тяготеют к глаголам [ср.: 299, 78], поэтому, выступая в качестве обстоятельства, по своим семантико-функциональным особенностям они напоминают деспричастия: эр турмузны қэрч-қурч ізди [III, 329] — «мужчина ел огурец похрустывая».

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

В системе языка место служебных слов [послелогов, союзов, частиц] определяется по-разному — одни исследователи относят их к морфемам [167, 66; 189, 281; 174, 70; 257, 40; 162; 1], а другие [85, 338; 285, 12—15] считают их частицами, т. е. служебными словами. Вопрос о принадлежности служебных слов к словам или морфемам не может быть решен однозначно, так как между служебными словами, функционально приближенными к морфемам, и знаменательными словами находятся многочисленные «словесные» служебные слова — вспомогательные глаголы, послелогимена, послелогии-наречия, наречия-частицы, союзные слова и др. «Словесность» вспомогательных глаголов и послелогов-имен не подлежит сомнению, так как в служебной функции они сохраняют все виды словоизменения, свойственные именам и глаголам, что функционально относит их к служебным частям речи. Поэтому при определении природы служебных слов необходимо учитывать особенности служебно-знаменательных слов, которые не могут быть приравнены к морфемам.

Если учитывать, что одним из способов сложения морфем является переход знаменательного слова в служебное и далее в аффикс, то частицы занимают промежуточное место между морфемами и служебно-знаменательными словами (послелогими-именами, вспомогательными глаголами, союзными словами и пр.), между собственно частицами речи (послелогими-частицами, собственно частицами, собственно союзами) и знаменательными словами, что можно представить в виде схемы:

При признании этого факта и непрерывности языкового развития было бы метафизическим разграничение и отрицание возможности существования многочисленных слов, находящихся в промежутке между указанными выше группами. Поэтому утверждение о том, что частицы речи как единицы языкового уровня должны быть отнесены к морфемам (или к словам) является однозначным. Промежуточное место, занимаемое служебными!

словами между автосемантическими и синсемантическими морфемами признается многими исследователями [167, 197; 172, 25; 162].

Таким образом, среди каждой служебной части речи выделяется особая категория служебно-знаменательных слов, выступающих связующим звеном между знаменательными и служебными частями речи, благодаря чему обеспечивается непрерывность языковой системы и осуществляются системные связи между разнородными явлениями. Поэтому при изучении знаменательных и служебных частей речи допустимо выделение третьей группы слов — служебно-знаменательных, выступающих в оппозиции знаменательных и служебных слов включенным третьим, в котором полярности сходятся, снимаются противопоставления обеих групп.

Служебно-знаменательные слова по своим морфологическим особенностям и способностью к самостоятельному употреблению относятся к знаменательным частям речи, а в служебной функции — к разрядам служебных частей речи. Поэтому представляется возможным их изучение в качестве особых подгрупп как в рамках той знаменательной части речи, к которой они морфологически относятся, так и в рамках той служебной части речи, к которой они относятся функционально.

ПОСЛЕЛОГИ

Послелоги служат для осуществления подчинительной связи между словами и для уточнения, дополнения значений падежей. Развитие послелогов тесно связано с многозначностью падежей, и послелоги разграничивают одно значение падежа от другого. Поскольку с развитием послеложно-падежных форм грамматическое значение переходит с падежной формы на послелог [ср.: 61, 140], в языке изучаемых памятников он нередко заменяет собой синтетическую падежную форму. Однако значение аналитической послеложной конструкции является более конкретным, менее многозначным, чем значение падежной формы. Поэтому одной синтетической падежной форме — при ее замене послеложной конструкцией — может соответствовать несколько таких конструкций.

Послелоги подразделяются на две большие группы: послелоги-частицы, послелоги-знаменательные слова (послелоги-наречия, послелоги-дееспричастия, послелоги-имена).

Послелоги-частицы. К послелогам-частицам относятся слова типа бирлӓ/билӓ, үчүн, киби, тапа/тапару, ичрӓ. Особое место среди послелогов-частиц и морфем занимают элементы **-ча** и **-тэг**. Все они сочетаются с формой основного падежа имен существительных и с формой родительного падежа местоимений.

Основным значением послелога бирлӓ/билӓ было выражение сопровождения, совместности, соучастия (а). Все остальные его значения — выражение орудности (б), сравнительно-сопостави-

тельности (в), местонахождения (г), времени (д), причинности (е) — производное от основного [140, 10—11]; а) сәвүг савчы бирлә қопурғыл мәни [К-29] — «воскреси меня [рядом] с любимым пророком»; б) отуғ озғуч бирла очурмас [I, 187] — «огонь не тушат пламенем»; в) киши йылқы бирлә азырды билиг [К-1812] — «человека от животного отличает знание»; г) кимин билә қаш болса [III, 28] — «с кем (у кого) имеется камень «каш»; д) тўнлә билә кочәлим [III, 12] — «перекочуем ночью»; е) сақынч қазғу бирлә қозин йуммады [К-6086] — «из-за горя [и] печали он не сомкнул глаз».

В языке памятников выявляется тенденция к замене синтетической стороны формы орудного падежа послеложной конструкцией с *бирлә*.

Послеложная конструкция с үчүн. В языке памятников выступает как аналитический синоним дательного и местно-исходного падежей в значениях цели, предназначения, причины: тириклик үчүн болды дунйа нәни [К-4593] — «вещи в этом мире созданы для жизни»; дад сыпахсалар үчүн бу ытаб қықардым [X-18] — «для Дад-Сыпахсалара сочинил я эту книгу»; тәлим халқлар өлди бу боғәы үчүн [К-4224] — «много народу погибло из-за горла».

Послелог тапа/тапару. Имеет пространственно-направительное значение и заменяет дательный падеж в этом значении: элиг тапа барды [К-5541] — «он пошел к правителю».

Послелог ичрә. Выражает пространственную или временную локализацию (а), направление во внутрь чего-либо (б) и выступает синонимом дательного и местного падежей в этих значениях: қаршы ичрә кәни тутса өз [К-4020] — «чтобы он вел себя прилично во дворце»; кими ичрә олтуруб [III, 253] — «сев на корабли».

Послелог киби. Выражает сравнение, уподобление: ит киби [III, 29] — «как собака».

Элементы *-ча* и *-тәг* выступают в языке памятников как полу-послелого-полуаффиксы; элемент *-тәг* семантически идентичен послелогу *киби* и может сочетаться как с именами (местоименными) (а), так и с глаголами (б): а) йашын тәг [К-3002] — «как молния»; сәниң тәг [К-5283] — «как ты»; б) кәчәр йәл кәчәр-тәг [X-97] — «[жизнь] пролетит, как пролетит ветер»; ашың сыңмағатәг көңүл ағрыға [К-4482] — «подобно тому как твоя пища не переварится [так и] душа будет страдать».

Элемент *-ча* может присоединяться к именам и глаголам, чаще всего он выражает меру, сравнение, уподобление (а) и реже предел (б): мәниңчә [III, 229] — «как я»; Қайсарча [К-6313] — «как Цезарь»; тўни болды йылча [К-5844] — «ночь его стала [долгой] как год»: күчүн йәтмишинчә қатығылансу өз [К-5176] — «ты сам старейся по мере своих сил».

Конструкции глагольных форм в сочетании с *-ча* семантико-функционально приближаются к деепричастиям: кәни кәлтүгүнчә хайр кәтгүлүк [X-195] — «пока придет праведность, добро исчезнет».

В отличие от остальных послелогов-частиц элементы -ча и -тэг ближе к морфемам, поэтому в языке памятников больше лексикализованных форм с -ча (а), в то время как с -тэг встречается только в составе местоимений андаг, муьдаг. Лексикализованные формы на -ча сближаются с наречиями: кэзигчя [К-4655] — «по очереди»; тилякчя [К-4722] — «по желанию»; мэнчя [К-6346] — «по отношению к себе»; «для себя»; түркчя [К-270] — «по-тюркски».

Послелоги-наречия. К послелогам-наречиям относятся слова типа үзä/үзälä — «над», «на», «благодаря»; отру — «из-за, по причине»; оза/бурун/ашну/оң — «до»; бэрү — «с»; «начиная с тех пор...»; йакру/йагру — «около»; тэгрä — «вокруг»; асра — «под»; кэзин — «за», «после» и др. Послелоги-наречия, в основном, служат для уточнения обстоятельственных значений детального и местно-исходного падежей: бир айбдын отру [X-91] — «из-за одного греха»; öлүрдä оза [К-1454] — «до смерти»; кэлмишиндä бэрү [К-4381] — «с тех пор как ты приехал»; бу күндä нару [II, 178, 33] — «с этого дня».

Значение послелога-наречия үзä (отчасти и отру) в языке памятников значительно удалилось от значения соответствующего наречия, поэтому они по особенностям своего функционирования вплотную приближаются к послелогам-частицам и заменяют собой формы дательного и местного падежей в некоторых их значениях: түнäк ул бу дунйа мусулман үзä [К-4705] — «для мусульман этот мир ночлег»; бу бэглик үзälä [К-398] — «благодаря такому правлению»; аның отру [К-2562] — «благодаря этому».

Послелоги-деепричастия. К послелогам-деепричастиям относятся тэги/тэгү/тэгин — «до»; көрү/көрүб — «соответственно с...»; «чем»; үзү — «за», «следом». Эти послелоги выделились из состава глагола, поэтому не имеют залоговых форм: этиглиг аз эзгү öкүштä көрү [К-2304] — «[хорошо] подготовленное немногочисленное войско лучше, чем [неподготовленное] многочисленное»; қырқ йылқа тэгин бай чыгай түзлүнүр [I, 333] — «за сорок лет богатый и бедный сравнятся».

Послелоги-имена. К послелогам-именам относятся служебно-знаменательные слова, которые связаны с основным компонентом изафетной связью и получают аффиксы принадлежности и падежа. Эти слова могут выступать в речи и как самостоятельные (знаменательные) слова. В служебной функции они в основном утрачивают свое лексическое значение. К ним относятся қат — «у», «около» («слой», «ряд»); түш — «напротив», «перед» («встреча; противоположная сторона»); арқа — «через», «посредством» («спина», «задняя сторона»); ич — «в», «среди» («внутренняя сторона, нутро, внутренность»); йүз — «от», «с» («лицо»); салабат ичиндä [X-14] — «в упорстве»; ата арқасында тоғурса оғул [К-1372] — «Если благодаря отцу рождается сын».

СОЮЗЫ

Союзы как средство выражения синтаксической связи соотносительны с послелогоми, но отличаются от них тем, что выражают как подчинительную, так и сочинительную связь не только между компонентами одного предложения, но и между предложениями и могут образовывать сложные предложения. Сочинительные и подчинительные союзы делятся на собственно союзы: ва/ү, ҳам; нэ; и; йа/азү — «или»; валакин — «но»; ап...ап... — «ни...ни», нэ...нэ — «ни ни» (а), подчинительные союзы — абан/агар — «если», «когда» (б); и на служебно-знаменательные слова (союзные слова): тақы — «и», также»; ара/...ара — «то...то» (в), выражающие подчинительные отношения — қалы — «если»; эрсә — «когда»; кэрәк — «хотя»; қачан — «когда»; тэб/тэйү — «для», «ради»; «из-за» [см.: 144, 137—144]; ким — «который» и др. (г). В качестве союзов могут выступать частицы ма/мә и му/мү: а) оруг ҳам силиг ул нэ қылқы амул [К-1819] — «[он] и спокоен, приятен, и поступки его уравновешены»; б) агар кибр ізиси асыл-мән тэсә [X-73] — «если горделивый заявляет, что он благороден»; в) ағыздын ара от ара сув чықар [К-2643] — «рот извергает то огонь, то воду»; г) кэрәк қул кэрәк бәг барыр кэлгүсүз [К-1381] — «хоть раб, хоть бек [все равно] уходят безвозвратно».

ЧАСТИЦЫ

Частицы служат для выражения отношения высказывания или его части (элемента) к действительности и являются одним из средств субъективной оценки — модальности, поэтому они имеют сильно выраженную модальную окраску. Частицы подразделяются на частицы-аффиксоиды (собственно частицы) и модальные слова.

Частицы как часть речи находятся в тесной связи с наречиями, союзами и др. Некоторые частицы подобно союзам служат для связи частей высказывания (а), а ряд модальных слов представляют собой наречия, имена (б) или местоимения (в), употребленные в синтаксически изолированной функции: а) киши игләди-мү өлүм қошнысы [К-4514] — «когда человек заболевает, смерть соседствует с ним»; нэкү ул игин көр ма көнлин авыт [II, 179/20] — «осмотри его болезнь и успокой его сердце»; б) сәзигсиз мәни ашқа ундагалар [К-4466] — «несомненно, меня пригласят на обед»; (ср.: сәзигсиз — «лишенный сомнений»); в) қамуг бир киши-кә қатылмыш үчүн [К-4586] — «если за то, что я общался только с одним человеком».

Частицы-аффиксоиды (или собственно частицы) представлены словами -оқ/-өқ-му/-мү/-мы/-ми, -да/-дә, -мат/-мәт, -чу/-чү, -а/-ә/-йа/-йә, -ла/-лә, -ма/-мә. Эти частицы (кроме частицы -му, которая выражает вопрос) служат, в основном, для выделения и усиления значения какого-либо слова и имеют сингармонистические

варианты, что отмечено также Махмудом Қашгарским [I, 101] и подтверждается материалами «Қутадғу билиг» и «Хибатул-хайик» йарашық нэ эрсә аны-оқ йәсә [К-4530] — «чтобы [человек] ел только то, что ему полезно»; бағырсақ казашым сәнәк-сә [К-3438] — «сердечная родня мне только ты».

Модальные слова в свою очередь, распадаются на две группы: слова типа чақ, мағар, эрки, эринч, которые подобно частицам-аффиксам не могут употребляться самостоятельно: йанды эринч оғрағы [III, 73] — «видимо, изменилась его цель»; слова, которые могут функционировать и как знаменательные и как служебные (модальные) слова: йәмә — «и» (<нар. «еще»), қамуғ — «только» (<мест. «все»), ахыр — «наконец» (<имя «конец», «исход»), тэг — «только» (<нар. «бесцельно», «просто так»); бәлгүлүг — «кснечно», «естественно» (< имя «известный», «приметный»); йоры — «давай» (<глагол «иди»), тутайы — «допустим» (<глагол. «возьму-ка я»), таң йоқ — «неудивительно» и др.; тутайы йа Қисра йа Қайсарча болдум [К-6113] — «допустим, я стал как Кисра (иранский шах) или как Қайсар (римский император)».

СООТНОШЕНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Из сказанного следует, что семантические, морфологические и синтаксические свойства каждой части речи не составляют единства и взаимно друг друга не предполагают. Каждая из особенностей может быть основанием для рассмотрения части речи как отдельно взятой, т. е. следует рассмотреть три ряда оппозиций частей речи, каждый раз последовательно сохраняя либо семантический, либо синтаксический, либо морфологический признак. Только в этом случае не нарушается основное правило формальной логики о едином основании классификации, соблюдение которого является необходимым условием при применении к языковым фактам методов диалектической логики.

По признаку выражения синтаксической связи между высказываниями и его частями послелоги и союзы являются маркированными, а частицы — нейтральными по отношению к данному признаку. Поэтому послелоги и союзы служат только для осуществления синтаксической связи, а частицы относятся, прежде всего, к модально-экспрессивным средствам языка, и могут выражать (при нейтрализации модальных значений) связь между частями высказывания.

Послелоги и союзы противопоставлены по признаку маркированности или нейтральности в отношении указания на синтаксическую зависимость части высказывания, к которой они относятся. В данной оппозиции послелоги являются сильным членом, так как слова (или обороты), к которым относятся послелоги всегда находятся в зависимом положении, а союзы нейтральны по отношению к признаку сигнализации синтаксической зависимости; они

могут выражать как отношения зависимости (подчинительные союзы), так и равноправности (сочинительные союзы).

Среди служебных частей речи частицы — наиболее слабое звено, поэтому семантико-функционально они теснее соприкасаются с междометиями.

По своим морфологическим особенностям восточнотюркские слова распадаются на две группы: а) слова, неспособные к словоизменению (послелого, союзы, частицы, междометия, наречия); б) слова, нейтральные по отношению к данному признаку (имена, глаголы, местоимения, звукоподражания).

Слова первой группы не могут изменяться ни в каких условиях, так как не сочетаются с формообразующими (словоизменяющими) аффиксами.

Слова второй группы нейтральны по отношению к признаку неизменяемости; они могут выступать и в тех позициях, когда они нейтрализуют часть или все словоизменительные категории, и в таких позициях, когда они полностью сохраняют словоизменительные категории. Нейтрализуются словоизменительные категории у имен и местоимений в следующих позициях: в функции неизафетного приименного или приглагольного определения; в качестве лексической основы сложных глаголов и первого компонента сложного слова.

У глаголов это явление проявляется в позиции: приглагольного определения у неизменяемых форм глагола (деепричастий); приименного определения у причастий; в качестве лексической основы аналитических (перифрастических) форм глагола.

Имена, местоимения, глаголы и звукоподражания в свою очередь распадаются на две группы:

1. Имена существительные, качественные прилагательные, глаголы, для которых характерно обязательное выражение определенной грамматической категории. В качестве таких грамматических категорий выступают: у имен существительных — категория числа; у качественных прилагательных — степени сравнения (в частности сочетается с аффиксами **-рақ/-рәк** и редупликационные формы усиления качества типа йап-йашыл [III, 26] — зеленый-презеленый); у глаголов — категория залога и формы репрезентации.

Указанные грамматические категории выступают как категории, конструирующие ту или иную часть речи, выделяемой по морфологическим признакам [ср.: 219, 237].

2. Относительные прилагательные, имена числительные, местоимения и звукоподражания, не имеющие грамматических категорий. Отсутствия обязательной морфологической категории у относительных прилагательных, видимо, связано с тем, что относительные прилагательные в языке памятников, если не считать лексикализованных форм и образований, производятся по широкопродуктивным словообразовательным моделям в речи [ср.: 251, 142—156; 205, 13]. Поэтому они не имеют специфических морфо-

логических категорий, противопоставляющих их другим частям речи на уровне языковой парадигматики. То же самое следует сказать и о звукоподражаниях. Здесь языковыми единицами являются, видимо, модели образования звукоподражаний, а не сами звукоподражания.

Отсутствие общей морфологической категории у местоимений объясняется тем, что каждый разряд местоимений связан с различными частями речи. Поэтому они не могут иметь общую, единую для всех местоимений морфологическую категорию. У числительных отсутствие классифицирующих морфологических категорий обуславливается тем, что семантика счетных слов не совместима со значением ни одной из классифицирующих грамматических категорий тюркских языков.

Таким образом, в языке изучаемых памятников только три части речи характеризуются специфическими морфологическими категориями — имена существительные, качественные прилагательные и глаголы.

Морфологический признак при классификации частей речи берется за основу почти всеми исследователями, чего нельзя сказать о семантическом признаке, так как значение каждого слова уникально и неповторимо. Поэтому некоторые лингвисты выводят за пределы грамматики даже такие обобщенные значения частей речи как «предметность», «процессуальность» и др. [171, 80—81; 304, 232]. Тем не менее, независимо от того, образуются ли эти значения вторично, т. е. на основании изучения языка и выделения грамматических разрядов слов, или же они существуют в некоторой автономности от морфологических категорий (подобные обобщенные значения априорно не предполагают никаких морфологических категорий; процессуальность может существовать во всех языках, но способы ее грамматического оформления отличаются [288, 59—60]), реальность их существования в языке бесспорна. Однако такие обобщенные значения не должны сводиться к логическим (понятийным) категориям субстанции, количества, качества, действия и т. д., а определяться из внутренних особенностей самого изучаемого языка.

Для тюркских языков релевантны не сами конкретные значения слов, а способность словесных групп к выражению тех или иных значений, средства и способы их передачи (через обозначение или указание, путем называния или выражения и т. д.). Выделяемые на этом основании словесные группы становятся грамматически значимыми только при условии, что деление по семантическим признакам происходит при наличии формальных критериев⁵ [128, 20; 231, 218]. Если же формальные признаки от-

---

⁵ Формально-морфологические особенности таких групп могут быть маркированными, нейтральными и отрицательными (например, неизменяемость наречий).

сутствуют, будут получены лексико-семантические группы слов, изучение которых является важнейшим объектом лексикологии (особенно системной семасиологии), но которые имеют минимальное отношение к грамматическому строю языка.

По признаку незначительности (синсемантической) послелоги, союзы и частицы являются маркированными, а имена, глаголы, наречия, местоимения, междометия, звукоподражательные слова нейтральны по отношению к этому признаку, так как среди этих частей речи имеется разряд служебно-знаменательных слов, которые могут функционировать и как знаменательные и как служебные слова (послелоги-имена, послелоги-наречия, наречия-союзы, вспомогательные глаголы и др.).

Группа слов, нейтральных по отношению к признаку синсемантической внутренне противопоставлена по признаку дейктичности-недейктичности значения. В этой оппозиции местоимения выступают сильным членом, а имена, глаголы, наречия, междометия и звукоподражательные слова — нейтральными, так как среди слов последней группы имеются такие, которые обладают значениями, близкими к действительности (напр., некоторые наречия, существительные типа «киши» — «человек»; «кто-то»; местоимение-существительное «öz»; «нэң» — «вещь» «что-то», «что-нибудь», сложные глаголы типа «андағ кыл» — «делать так»; приближается к дейктичности значение звукоподражаний, особенно, междометий).

Среди слов, нейтральных к дейктичности, глаголы с выраженным признаком процессуальности противопоставлены именам, наречиям, междометиям и звукоподражаниям, которые нейтральны по отношению к данному признаку. Оттенками процессуальности обладает ряд отглагольных имен, значительное количество звукоподражаний и повелительных междометий по своей обобщенной семантике сближается с глаголами, не переходя в них.

Имена, наречия, звукоподражания и междометия, в свою очередь, распадаются на две группы — слова, называющие (обозначающие) какое-либо абстрактное или конкретное понятие о действительности (имена и наречия), и слова, которые, главным образом, не обозначают, а описывают какое-либо явление или душевные, эмоциональные переживания (звукоподражания и междометия). Первые служат для обозначения чего-либо понятийного и выполняют символизирующую функцию, а вторые — непонятийного и выполняют сигнализирующую функцию.

Выражающие слова (слова-сигналы) — междометия и звукоподражания — противопоставлены тем, что междометия всегда эмоциональны, а звукоподражания нейтральны по отношению к эмоциональности, однако обладают — по сравнению с именами и глаголами — большей образностью.

При дальнейшем разделении слов по семантическим признакам возникают лексико-семантические группы, выделяемые уже не на основании семантического потенциала, а на основании од-

народных значений, что имеет минимальное отношение к грамматике.

Как было сказано выше, слова, определяющие качественный и количественный признаки, указывают на признак, заложенный в предмете и поэтому содержат указание и на предмет. С другой стороны, слова, обозначающие предметность, не лишены значений качества [258, 102—103; 119, 50; 77]. Поэтому ни критерий

Часть речи	Признаки и условия				
	Семантические				
	синсеман- тичность (П ₁)	дейктич- ность (П ₂)	процес- суальность (П ₃)	обозначает- мость (П ₄)	эмоцио- нальность (П ₅)
Существительные	0	0	0	+	—
Качественные прилагательные	0	0	0	+	—
Относительные прилагательные и числительные	0	0	0	+	—
Местоимения	0	+	—	—	—
Наречия	0	0	0	+	—
Глаголы	0	0	+	—	—
Звукоподражания	0	0	0	0	0
Междометия	0	0	0	0	+
Частицы	+	—	—	—	—
Союзы	+	—	—	—	—
Послелogi	+	—	—	—	—

качества, ни количества не могут служить основанием для непротиворечивого внутреннего деления имен на разряды слов со значением предметности, качества и количества. Эти лексико-семантические (но неграмматические) группы, взаимно перекрещиваются и легко переходят друг в друга, что обусловлено внутренней двойственностью этих лексико-семантических групп.

Объединения признаков оппозитивности частей речи по семантическим, морфологическим и синтаксическим особенностям выражены в табл. 2.

Из данных таблицы следует, что оппозиции частей речи по семантическим и синтаксическим признакам являются последовательно привативными, а по морфологическим — привитивными (по признаку «неизменяемость») и эквивалентными (по призна-

кам обязательности выражения значений категорий числа, степени сравнения и залога).

При изучении особенностей каждой части речи, вытекающих из ее оппозиций, необходимо выделить свойства членов привативной оппозиции.

В привативной оппозиции сильный (маркированный, активный, положительный, признаковый, отмеченный) член оппозиции в

Т а б л и ц а 2

обозначения						
Морфологические				Синтаксические		Набор оппозиционных признаков
неизменяемость (П _в)	категория числа (П _ч)	степени сравнения (П _с)	категория залога (П _з)	выражение синтаксических отношений (П ₁₀)	подчинительность (П ₁₁)	
0	+	—	—	—	—	П ₄ ⁺ П ₇ ⁺ П ₁ ⁰ П ₂ ⁰ П ₃ ⁰ П ₆ ⁰
0	—	+	—	—	—	П ₄ ⁺ П ₈ ⁺ П ₁ ⁰ П ₂ ⁰ П ₃ ⁰ П ₆ ⁰
0	—	—	—	—	—	П ₄ ⁺ П ₁ ⁰ П ₂ ⁰ П ₃ ⁰ П ₆ ⁰
0	—	—	—	—	—	П ₂ ⁺ П ₁ ⁰ П ₆ ⁰
+	—	—	—	—	—	П ₄ ⁺ П ₆ ⁺ П ₁ ⁰ П ₂ ⁰ П ₃ ⁰
0	—	—	+	—	—	П ₃ ⁺ П ₃ ⁺ П ₁ ⁰ П ₂ ⁰ П ₆ ⁰
0	—	—	—	—	—	П ₁ ⁰ П ₂ ⁰ П ₃ ⁰ П ₄ ⁰ П ₅ ⁰ П ₆ ⁰
+	—	—	—	—	—	П ₅ ⁺ П ₆ ⁺ П ₁ ⁰ П ₂ ⁰ П ₃ ⁰ П ₄ ⁰
+	—	—	—	0	—	П ₁ ⁺ П ₆ ⁺ П ₁₀ ⁰
+	—	—	—	+	0	П ₁ ⁺ П ₆ ⁺ П ₁₀ ⁺ П ₁₁ ⁰
+	—	—	—	+	+	П ₁ ⁺ П ₆ ⁺ П ₁₀ ⁺ П ₁₁ ⁺

нормальных речевых условиях сохраняет признак, положенный в основу оппозиции, а слабый (немаркированный, неотмеченный, беспризнаковый, отрицательный и т. д.)⁶ член оппозиции, как первоначально полагал Н. С. Трубецкой⁷, содержит этот признак минимально («противопоставление максимума какого-либо признака его минимуму»). В работах Р. Якобсона, А. В. Исаченко и др. общее значение слабого члена оппозиции было определено как «несигнализация признака, отмеченного у сильного члена» [318; 74; 319; 127], хотя это значение менее употребительное, чем положительное значение данной формы [318, 74].

Отсюда следует, что непрерывность языковой системы, взаимосвязь противопоставленных друг другу элементов осуществ-

⁶ Об этих терминах см.: [287, 384—387].

⁷ Об этом он писал Р. Якобсону (текст письма см.: [287, 384—385]).

ляется лишь при наличии в категории А признака М, а в категории В — при его отсутствии. В системе же оппозиций частей речи в составе слабого члена оппозиции имеется ряд элементов, обладающих как свойствами сильного члена оппозиции, так и свойствами, противоположными этому. Поэтому общее, парадигматическое значение слабого члена не может ограничиваться «несигнализацией признака сильного члена». Парадигматическое значение слабого члена привативной оппозиции характеризуется, прежде всего, признаком, противоположным признаку сильного члена, но в речи он не исключает последнее. Поэтому сущность слабого члена оппозиции всегда является двойственной, противоречивой (не-сигнализация А и сигнализация не-А, по определению Р. Якобсона [318, 84]).

Сказанное выше подтверждает нейтральность знаменательных частей речи к признаку «синсемантическая» (П₁). Для них, прежде всего, характерна автосемантическая, и все слова, относящиеся к ним, обладают способностью к самостоятельному употреблению. В то же время среди знаменательных слов имеются такие, которые употребляются самостоятельно, но могут выступать и в служебной функции.

В оппозиционных признаках частей речи, приведенных в табл. 2, взаимонисключающими являются: синсемантическая П₁ и П₂, П₄; неизменяемость П₆ и П₇, П₈. П₉; действительность П₂ и П₁, П₄; обозначаемость П₄, П₁ и П₂.

Взаимонисключающие признаки, из которых только один маркирован, содержатся в составе оппозиционных признаков имен, местоимений, наречий и глаголов. Путем перевода нейтральных признаков из оппозиционных в периферийные при наличии в данной части маркированных признаков, включающих нейтральные [см.: 201, 30], получим данные, приведенные в табл. 3.

Периферийные признаки характеризуют элемент системы в том случае, когда он, соприкасаясь в семантико-функциональном отношении с другими элементами, частично нейтрализует свою сущность, отраженную в его парадигматическом значении.

У имен существительных, качественных прилагательных, глаголов периферийным признаком является неизменяемость (П₆). В этих позициях морфологические (словоизменяемые) различия между именами, качественными прилагательными и наречиями стираются. Ср.: тэмүр кэнд [К-4606]; эзгү киши [К-203] — добрый человек; тэкмә иг [К-5865] — «всякая болезнь»; кэңрү йол [Х-206] — «широкая дорога»; йашру иш [III, 38] — «тайное дело». В этих примерах тэмүр является именем (лексико-семантическая группа имен вещественных), эзгү — качественным прилагательным, тэкмә — местоимением, кэңрү и йашру — наречиями. Несмотря на то, что тэмүр, эзгү, тэкмә обладают потенциальной способностью к словоизменению, а йашру и кэңрү ею не обладают, все эти слова в данной позиции грамматически идентичны. Поскольку различия между наречиями и именами только морфо-

логические (см. табл. 2), дифференциация этих частей речи в позициях нейтрализации словоизменительных категорий невозможна; такие случаи нейтрализации выступают как устаревшие в системе морфологических различий между именами, качественными прилагательными и наречиями, как следы прежних состояний нерасчлененности этих частей речи⁸. Сущность и различия между ними отражаются в их парадигматическом значении, а не в периферийных признаках. Упуская из виду это обстоятельство, некоторые тюркологи приходят к необоснованному утверждению, что в тюркских языках, например, имеются два слова-омонима: тэмүр — «железо», «железный»; три слова-омонима: көни — «праведный» — «праведность» — «праведно» и т. д.

Периферийный признак неизменяемости в глаголе характерен для деепричастий, являющихся гибридными глагольно-наречными

Таблица 3

№№	Часть речи	Парадигматическое значение	Периферийные признаки
I	Существительные	Π_4^+ Π_7^+ Π_3^0	Π_1^0 Π_2^0 Π_6^0
II	Качественные прилагательные	Π_4^+ Π_8^+ Π_3^0	Π_1^0 Π_2^0 Π_6^0
III	Относительные прилагательные Числительные	Π_4^+ Π_3^0 Π_6^0	Π_1^0 Π_2^0
IV	Местоимения	Π_2^+ Π_6^0	Π_1^0
V	Наречия	Π_4^+ Π_6^+ Π_3^0	Π_1^0 Π_2^0
VI	Глаголы	Π_3^+ Π_9^+ Π_1^0 Π_2^0	Π_6^0

формами (В. В. Виноградов). Однако неизменяемость деепричастий неполная; как глагольные формы они сохраняют лексикограмматическую форму залога. Нейтрализация глагольных словоизменительных категорий у деепричастий способствует их переходу в наречия и употреблению некоторых нераспространенных деепричастий в функции наречия: эвә сөзләмә [X-179] — «не говори поспешно»; сәчә азра тутғыл [K-5398] — «относись разборчиво»; туға көрмәс эрди [X-243] — «от рождения был слепым».

У всех частей речи, кроме глагола, синсемантичность (Π_1) — периферийный признак. Это объясняется тем, что имена и наречия, когда они реализуются как послелогои, союзы, частицы и модальные слова, а местоимения, как показатели определенности и союзные слова, находятся на периферии противопоставления знаменательных частей речи по семантическому признаку, сохраняя все грамматические особенности знаменательных слов, к которым

⁸ Об этом см.: [121, 9—16].

они относятся. Например, в словосочетании салабат ичиндä умартэг [X-27] — «он в упорстве подобен Омару» ичиндä является послелогом только семантико-функционально, а морфологически — именем. Следовательно, в таких позициях имена, местоимения и наречия соприкасаются со служебными словами лишь семантико-функционально. На основании подобных периферийных случаев реализации нельзя делать вывод ни о потенциальной способности служебных частей речи к словоизменению, ни об исключении из состава служебных и знаменательных слов знаменательно-служебных элементов. Эти элементы, находясь на периферии противопоставления собственно знаменательных и собственно служебных слов, выступают включенным третьим между ними, осуществляя их системные связи.

Синсемантические (служебные, вспомогательные) глаголы в тюркских языках служат: для аналитического глаголообразования (т. е. функционально совпадают с глаголообразующими аффиксами); для выражения различных модально-видовых оттенков значения и выражения характера действия (т. е. функционально совпадают с различными словоизменительными и формообразовательными аффиксами).

Вспомогательные глаголы, функционально соприкасаясь с аффиксами, остаются в пределах глагольного словообразования и словоизменения. Это свидетельствует о большой степени грамматикализации обобщенной семантики глаголов — процессуальности. Поэтому процессуальность, не исключая синсемантичность, включается как нейтральный признак в состав парадигматического значения глагола.

Морфологический периферийный признак неизменяемости в определенных позициях стирает границы между некоторыми частями речи и выступает как консервативный в морфологической дифференциации частей речи. В отличие от него семантический периферийный признак синсемантичности у знаменательных частей речи служит для роста, развития, превращения самостоятельных слов в служебные, а в последующем, возможно, и в аффиксы, возникновения новых грамматических форм и категорий.

Периферийный признак дейктичности указывает на связь имен и наречий с местоимениями.

Из парадигматического значения частей речи (см.: табл. 3) следует, что только оппозиции имен существительных и качественных прилагательных с относительным прилагательным и числительным можно рассматривать как привативную — первые характеризуются специфическими словоизменительными формами, вторые являются нейтральными по отношению к словоизменению. Поэтому эти группы слов близки друг другу. Оппозиции всех остальных частей речи на основе парадигматического значения являются эквиполентными.

Имена и местоимения различаются, в основном, семантически, так как местоимения нейтральны по отношению к морфологиче-

скому признаку неизменяемость и в зависимости от того, в какой позиции и в качестве заменителя какой части реализуются, они могут получать морфологические признаки этой части речи.

Единственной частью речи, отличающейся от всех знаменательных слов выраженными семантическими и морфологическими признаками является глагол. Он отчетливее противопоставлен другим частям речи. Кроме того, глагол может обладать основными морфологическими категориями имен и наречий, развитой системой функциональных форм, обеспечивающих ему субъектно-объектное, атрибутивное, обстоятельственное и предикативное функционирование.

Междометия характеризуются выраженными признаками — неизменяемости (П₆) и эмоциональности. Первый признак сближает междометия с наречиями и другими неизменяемыми словами, второй относит их к средствам экспрессивности и субъективной модальности. Таким образом, междометия выступают включенным третьим в противопоставлении номинативных и экспрессивных средств языка⁹.

Звукоподражания не имеют определенных признаков и занимают особое место в системе знаменательных слов. В отличие от них, в знаменательных словах не наблюдается противопоставления по семантическим, морфологическим признакам; они выступают как диффузные слова и могут выражать значения всех частей речи. Рассмотрим только глагольное потребление этих слов. В «Диване» Махмуда Кашгарского встречаются случаи употребления звукоподражаний, вплотную приближающие их к глаголу: тэвэй эмиги жор-жор [I, 448] — «из вымени верблюдицы [молоко течет; издавая звуки] чур-чур; ср. узб. диал. «дарвоза тақ-тақ кимдур келди» [187, 69] — «в ворота стучат тук-тук, кто-то пришел». В этих предложениях слова жор-жор и тақ-тақ семантико-функционально близки глаголу, но отличаются от него своей аморфностью [299, 78]. Тюркская система глаголов, характеризуется, помимо семантического признака процессуальности, морфологической категорией залога и микросистемой функциональных форм, которые препятствовали развитию глагольного употребления аморфных звукоподражаний. Поэтому в современных тюркских языках и в языке памятников показатели функциональных форм глагола не могут присоединяться непосредственно к звукоподражательной основе, однако в тюркских языках реликты этого явления сохранились и были всесторонне исследованы Н. К. Дмитриевым [95, 65—71].

Таким образом, звукоподражания своей полуфункциональностью и нейтральностью по отношению ко всем основным категориям имен, местоимений и наречий сближаются с глаголами. Однако от глагола они отличаются тем, что не имеют показателей

⁹ Ср. учение А. Н. Самойловича о противопоставлении в группировке частей речи и аффиксов, анализ которого дан в работах А. Н. Кононова и М. З. Закиева [151; 100].

функциональных форм, и их корень выступает диффузным. Поэтому эти знаменательные части речи, способные выражать значения всех остальных, противостоят друг другу. Глагол отражает современное состояние семантико-морфологических признаков дифференциации частей речи, а звукоподражания сохранили отпечаток их древнейшей нерасчлененности. Поскольку диффузные и аморфные звукоподражания могут выражать значения всех знаменательных частей речи, они выступают как общий представитель (репрезентант) знаменательных слов и в них противопоставление знаменательных частей речи снимается. Поэтому у звукоподражаний, выступающих как диффузный и общий представитель знаменательных слов нет служебно-знаменательных элементов (т. е. подгруппы слов, способных как к самостоятельному, так и к служебному функционированию)¹⁰, и нейтральность звукоподражаний по отношению к признаку синсемантической отличается от остальных частей речи.

Частицы не имеют маркированных синтаксических признаков. Поэтому их можно условно отнести к служебным словам наряду с послелогоми и союзами, основываясь на присущей им синсемантической.

Послелогии не имеют никаких нейтральных признаков, поэтому они лишены способности развиваться как слова; утрачивая по мере развития свое лексическое значение, они превращаются в морфологические элементы. Поэтому послеложные конструкции нередко семантико-функционально становятся аналитическими синонимами синтетических морфологических форм, и словесность послелогов (как и предлогов) оспаривается многими исследователями.

На основании анализа соотношения частей речи в языке памятников XI—XII вв. можно прийти к следующим выводам.

Классификация частей речи одновременно по трем (семантическим, морфологическим и синтаксическим) признакам противоречива. Это связано с относительной автономностью каждого из этих признаков слова в языке памятников. Поэтому последовательная классификация возможна только на основе одного из названных признаков, в результате чего образуется отдельная семантическая, морфологическая и синтаксическая группы слов.

В восточнотюркском языке по семантическим потенциалам выделяются шесть, по морфологическим — пять, а по синтаксическим — три словесные группы.

В языке памятников наряду с частями речи, отличающимися от других специфическими семантическими и морфологическими особенностями (глаголы), имеются и такие части речи, которые отличаются только семантически (местоимения) или морфологически (качественные прилагательные, наречия и существительные).

---

¹⁰ Это связано с отсутствием понятийного содержания у звукоподражаний.

В микросистеме частей речи наряду с элементами роста сохраняются и реликты диффузного состояния частей речи. Это наиболее отчетливо проявляется в звукоподражаниях.

В восточнотюркском языке части речи существуют не изолированно друг от друга, а взаимосвязанно, представляя цельную и непрерывную систему. Это достигается благодаря семантико-грамматическим общностям, отражающимся в семах парадигматического значения и в периферийных признаках каждой части речи. Такие семантико-грамматические общности выступают включенным третьим в их противопоставлении, в котором противоречие между этими частями речи снимается.

Определение сущности частей речи как пучков дифференциальных сем (опозиционных марок) полнее отражает тесные взаимосвязи между ними, нежели изолированный подход к каждой части речи с так называемым триединым критерием.

Таким образом, классификация частей речи должна происходить по различным основаниям.

К вопросу о транспозиции

Переход из одной части речи в другую, т. е. транспозиция происходит в тех случаях, когда какое-либо слово одной части речи, утратив ее маркированные дифференциальные признаки, получает один из маркированных признаков другой части речи, который ранее отсутствовал в его парадигматических и периферийных признаках (см.: табл. 2). Например, глагольные формы субстантивируются при реализации значения числа [ср.: 113, 102—104]; тиләб булмағуны тиләсә йавуз [К-3743] — «плохо, когда хотят то, что невозможно найти». Здесь *булмағу* сужает свое значение и употребляется с опущенным определяемым (ср.: *қулуб бәрмәгү нәнни қулма күчүн* [К-3747]). Ср. еще: *кылыч алды-бәрди будунуғ түзәр* [К-265] — «действия мечом усмиряют народ». Однако в примерах «*кылдың эрсә қылмағу*» [I, 104] — «когда ты сделал то, что нельзя было делать», *бу ол тумлығ артса* [К-4523] — «если увеличивается влажность и хладность» субстантивации нет, так как *қылмағу*, *ол*, *тумлығ* не выступают в значении числа. Деепричастия и имена адвербализуются в том случае, когда полностью утрачивают словоизменительные способности.

Если слово одной части речи, сохраняя ее опозиционные признаки, получает и признаки другой группы слов, то такое функционирование слова нельзя рассматривать как переход из одной части речи в другую. Такие случаи функционирования слова выступают общим сегментом, включенным третьим в противопоставлении двух частей речи, где их опозитивность снимается и обеспечивается их единство. Нельзя рассматривать как транспозицию семантико-функциональное колебание слова в пределах, допустимых его парадигматическими и периферийными признаками.

Таким образом, транспозиция — это употребление слова в несвойственных ему форме и контексте, т. е. вместо «нечто другого».

Глава вторая

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

К словоизменительным категориям именных частей речи относятся категории числа, падежа, принадлежности и степеней сравнения. Категории числа и степени сравнения имен существительных, качественных прилагательных являются конструирующими. Категории падежа и принадлежности не закреплены за отдельными частями речи и являются функционально-синтаксическими.

Содержание словоформы представляет собой единство лексического и грамматического значений. Поэтому на значение конкретных форм, образование форм отдельных категорий существенно влияет определенное лексическое значение слова (или тип значений лексико-семантической группы). Кроме того, каждая грамматическая форма или категория обладают противоречиводвойственным обобщенным значением [123].

В связи с этим существуют два направления в изучении грамматических форм и категорий:

1) выявление конкретных, контекстуальных типов значений формы, в различных ее окружениях, во взаимодействии с лексическим значением слова, с учетом ее стилистических функций и т. д.

Это направление обязательно при комплексном описании какого-либо языка, изучении и составлении учебных и нормативных грамматик, пособий и т. д., так как здесь форма изучается в деталях, в конкретном проявлении взаимодействия разнородных факторов;

2) исследование обобщенных значений самой формы (категорий), обуславливающих конкретно-контекстуальные значения этой формы (категории) и определяющих ее место в системе.

Цель другого направления в изучении грамматических форм и категорий — определение их сущности, нахождение общего в их различных проявлениях. В данной работе придерживаются

второго способа изучения грамматических категорий. При совокупном рассмотрении проявлений какой-либо категории в словах различных лексико-семантических групп делается попытка нахождения общего между ними. Например, в образованиях типа «биркă уч» [К-1843] — «три — за один» и «эсизкă сôкûш» [К-236] — «брань — за дурное» функционирует дательный падеж несмотря на то, что в первом словосочетании счетные слова, во втором — предметные, и значения обоих словосочетаний значительно отличаются друг от друга.

Прежде чем приступить к рассмотрению именных категорий, необходимо остановиться на проявлении понятийной (семантико-функциональной) категории соотношенности/несоотношенности (определенности/неопределенности, семантической актуализации/неактуализации и т. д.) в языке памятников.

Соотношенность имени с конкретно выделенным предметом, или же с любым из предметов соответствующего рода является свойством языкового мышления вообще и поэтому тем или иным способом находит свое выражение во всех языках. В одних такое противопоставление переходит в развитую грамматическую категорию со специальными средствами выражения (артиклями), выполняющими помимо указания на определенность/неопределенность имени и ряд других функций [190, 207], в других данное противопоставление остается неграмматическим, вторичным, контекстуальным [160, 218], или, по терминологии А. В. Бондарко, является функционально-семантической безъядерной категорией [53, 24]. Средства выражения определенности/неопределенности давно привлекали внимание исследователей тюркских языков [96, 31—32; 145, § 128—137; 146, § 93; 119, 31—48; 67, 23], им посвящены и отдельные работы [178; 45; 46]. Во всех исследованиях отмечается тесное взаимодействие значений определенности/неопределенности с категориями числа, падежа и принадлежности, т. е. со всей системой именного словоизменения.

Определенность/неопределенность имени в восточнотюркских памятниках не имеет единых средств выражения во всех случаях реализации имен и служит фоном для их функционирования. Поэтому важнейшим средством выражения определенности имени является контекст [ср.: 178, 60]. Материал тюркских языков, в частности язык рассматриваемых памятников, свидетельствует о том, что показатели числа, падежа и принадлежности могут выражать определенность имени. Однако ни для одной из этих форм выражение определенности не является основной, единственной, или хотя бы, доминирующей функцией. Эти показатели в определенных условиях наряду со своей основной функцией (или в случае ее частичной нейтрализации) могут выражать и определенность имени. Поэтому утверждение что аффикс -лар всегда выражает определенное множество (Н. К. Дмитриев), или же функция аффикса винительного падежа не сводится к обозначению

определенности объекта (И. И. Мещанинов) являются односторонними, так как свидетельствуют об отдельных, второстепенных функциях этих аффиксов во всех случаях их употребления. Материалы тюркских памятников XI—XII вв. показывают, что имена с аффиксами принадлежности I лица не всегда являются определенными: қуруғ қалды орны эрилди эшим эрүкләр бүгүргү қаны бир кишим [K-1554] — «[правитель говорит:] «Место его [Айтолды] осталось пустым, ушел мой друг, где же у меня человек, который мог бы восполнить пробелы».

Помимо показателей принадлежности числа, родительного и винительного падежей важнейшим средством выражения определенности имени служат указательные местоимения в позиции определенной функции. Именно здесь очень важно разграничить артиклевую функцию указательного местоимения от его самостоятельной функции быть дейктическим определением — сопроводителем имени. «До тех пор, пока ... сопроводитель имени сохраняет в какой-то степени свою указательность, т. е. когда значение существительного и контекст не исключают наличия указательного местоимения... говорить о превращении местоимения в показатель грамматической категории соотносительности — «артиклъ» нельзя» [108, 54]: йумушчы бақыб айды бир эр турур... бу эр айды Озгурмыш ызты мэни [K-5830-5833] — «слуга посмотрел и сказал: «Какой-то мужчина» ... Этот мужчина сказал: «Меня послал Озгурмыш». В этом контексте *бу* выражает определенность имени эр, однако определенным артиклем он не является, так как *бу* в данном контексте сохраняет свою указательность, которая является его лексическим значением. Таким образом, определенность имени в таком контексте выражается лексическим значением самостоятельного определения имени. Указательное местоимение становится грамматическим показателем определенности в том случае, когда оно утрачивает свое лексическое (указательное) значение и может иметь генерализованное значение [108, 56], т. е. когда отдельный предмет (имя с указательным местоимением) «представляют целый класс. Если местоимение имеет такое значение, оно становится артиклем» [157, 18]. Генерализованное значение характерно для указательных местоимений в восточнотюркских памятниках: анэдын му билгә туғар бу киши [K-1648] — «рождается ли от матери знающим человек». Естественно, в таком контексте местоимение *бу* не имеет самостоятельного лексического значения — значение «бу киши» — «вообще человек» генерализовано, другими словами, *бу* выступает как определенный артиклъ.

Таким образом, указательному местоимению *бу* восточнотюркских памятников присуща и артиклевая функция.

Неопределенность имени выражается контекстом или числительным бир: азаш тутты Айтолды эзгү киши Көсәмиш аты эрди эзгү иши [K-490] — «подружился Айтолды с неким хорошим человеком. Его имя было Көсәмиш, дела его праведны».

Числительное бир обозначает не только неопределенность имени, но и его единичность, так как «один» — это всегда «один из многих» и семантика неопределенного артикля оказывается неразрывно связанной с семантикой числительного» [218, 30; ср.: 46; 178]: ҳажыб ... бир оғлан йўғуртти [К-561] — «хаджиб послал одного (какого-то) юношу». В современных тюркских языках критерием разграничения числительного бир от артикля -бир является его ударность, или безударность. Данный критерий к фактам языка памятников, написанных метрическим размером, применять нельзя. Однако некоторые семантико-функциональные особенности бир, а именно, выражение негативной генерализации при отрицательных формах и употребление бир с названиями неисчисляемых предметов — говорит о том, что слову «бир» была свойственна и артиклевая функция, оторванная от его лексического значения: айа чың бағырсақ, вафалығ изим сәниңдә азын бир изи булмадым [К-3703] — «о мой истинный, заботливый, верный господин, я не [смог] найти кроме тебя никакого господина»; қонуқ йа бу дунйа сәңәр бир тўшүн [К-3513] — «этот [бренный] мир тебе [нечто вроде] ночлега или [временного] пристанища».

Из особенностей употребления местоимения бу и числительного бир можно заключить, что в функционировании этих элементов была двойственность — им была свойственна как артиклевая функция выражения определенности/неопределенности (когда их лексическое значение затушевывалось), так и выражение этих же отношений своим лексическим значением, т. е. не артиклевая, а самостоятельная функция.

Категория числа

Образование форм числа. В формальном отношении единственное число как форма с нулевым аффиксом противостоит форме множественного числа, которая образуется с помощью аффикса -лар/-ләр¹.

Аффикс -лар/-ләр может присоединяться ко всем именам существительным и субстантивированным словам без ограничения. Иногда в языке фольклорных материалов «Дивана» он выступает в фонетическом варианте -ла/-лә: билгәләгә [I, 214] — «мудрецам». В языке памятников только в словах эран [К-391] — «мужчины»; оғлан [I, 103] — «дети», «ребенок»; туркан [К-117] —

¹ Значение и функционирование показателей множественно-собираемости, вопросы их этимологии подробно освещены в специальном исследовании А. И. Копылова [147]. Из работ, появившихся после данного исследования, следует отметить работы Б. А. Сребрянникова [242], А. М. Щербака [305], А. Азизева, В. Псянчина [20], в которых рассматриваются вопросы этимологии аффикса -лар, и работы С. А. Соколова [249], В. Г. Гузева и Д. М. Насилова [76; 77]; К. М. Любимова [219], посвященных исследованию функционирования форм числа в тюркских языках.

«турки»; эрат. [К-1389] — «войско», «воины»; тэгит. [I, 337] — «дети хаканов»; қазнагун [I, 481] — «родственники жениха» сохраняются непродуктивные для языка памятников аффиксы собирательности-множественности.

Аффикс **-(-з)** как показатель множественного числа выступает только в составе аффиксов принадлежности I и II лица множественного числа.

Особым способом выражения собирательности в языке памятников являются парные слова [см.: 16; 175; 119, 43—44; 92; 3], которые, по всеобщему признанию тюркологов, распадаются на две группы: парные слова, состоящие из полнозначного слова и слова-эхо; парные слова, состоящие из слов-синонимов и слов-антонимов. В языке памятников они имеют собирательное значение². Например: йаш-йуш [III, 9] — «зелень»; эл-будун [К-2156] — «население».

Функции форм числа. Категория числа больше, чем другие морфологические категории связана с лексическим значением слова. Наличие соотносительных форм единственного и множественного числа, типы значений форм с аффиксами множественности часто зависят от того, к какой единице лексико-семантических групп присоединяется этот аффикс. При исследовании форм числа от внимания исследователя часто ускользает тот факт, что реальная единичность/множественность и грамматическое значение единственного и множественного числа не одно и то же — они могут пересекаться, но не могут совпадать [220]. Результатом смещения этих двух типов значения является резкое ограничение сферы действия числа областью считаемых (штучных) предметов и его понятие как «конгломерата гетерогенных функций» [135, 31].

Аффикс множественности **-лар/-ләр** может присоединяться ко всем лексико-семантическим группам имен существительных, ко многим местоимениям, входит в состав аффиксов лица/числа. Поскольку морфологическая категория числа связана с понятийной категорией числа, реальное (понятийное) значение формы множественного числа от слов различных лексико-семантических групп с ней не совпадают. Значение аффикса **-лар/-ләр** при словах, обозначающих дискретные, считаемые предметы, должно отличаться от его значения при именах собственных, абстрактных, вещественных и др. В корреляциях типа (бир) киши; киши-лар грамматическое и понятийное значение числа частично совпадают, и реальные единичность и множественность предметов

---

² Однако в парных словах с эхо-словом содержатся оттенки качественно-предметной неопределенности и количественной ограниченности (а при штучных именах чаще — единичности). Поэтому значение узб. «хайвон-майвон» не соответствует значению рус. «зверье»; более точным переводом узб. «китоб-митоб» на русский язык был бы таким «одна штука (или ограниченное количество) чего-нибудь вроде книги».

определяют значение морфологической формы числа, но в случаях типа Ахмад: Ахмадлар, қан:қанлар нагляднее выступает грамматическое значение числа, чем определяется реальное, понятийное значение словоформы. Здесь наиболее наглядно выступает творческая сила идеального (грамматического значения) и его влияние на восприятие и расчленение объективной действительности.

Одним из факторов, усложняющих осмысление функционирования форм числа является формальная нерасчлененность в тюркских языках собирательности от единичности и множественности, различие между которыми существует в ряде языков, в том числе и в русском [см.: 213, 25—26, 220, 393—397; 67, 131—136]. Поэтому аффикс -лар в тюркских языках обозначает как множественность так и собирательность [141; 145, § 87; 146, § 82].

В собирательных именах снимается противопоставление единичности/множественности³, и здесь они выступают в диалектическом единстве. Из-за отсутствия специальной формы собирательности в тюркских языках собирательное имя может иметь как форму единственного числа, так и множественного.

Другим фактором, усложняющим понимание форм числа, является отсутствие специальных средств выражения значений качественной характеристики имени — определенности/неопределенности, однородности/разнородности, которая часто оттеняет собственно числовое значение (количественную характеристику) имени. Из-за смешения качественной и количественной характеристики имени исследователи делают попытку связать формы единственного и множественного числа с семантикой определенности и неопределенности [93; 179, 249]. С. Н. Иванов предполагает [119, 34—39], что определенность/неопределенность проявляется отдельно у форм единственного и множественного числа. Таким образом, формы единственного и множественного числа являются оппозитивными только по признакам количественной характеристики, но некоторые значения форм единственного и множественного числа внутри себя оппозитивны по признакам качественной характеристики. Именно в таком аспекте будет рассмотрено функционирование форм числа в языке рассматриваемых памятников.

Функция формы единственного числа. Одной из важнейших ее функций — номинативная, т. е. обозначение целого ряда предметов (явлений, событий) без расчленения их на виды: уларда бири билгә алым туруп [К-5434] — «одной из этих [групп лиц, с которой общается правитель] являются ученые-знатоки». При наличии качественных определителей родовое значение (объем понятия, выражаемого именем) может быть сужено: эндик киши

---

³ Ср. соотношения значений и форм единичности, собирательности, множественности у А. А. Реформатского [220].

титилсүн [I, 131] — «пусть исчезнут глупые люди». Если имя без определений в значении неопределенного множества выступает в качестве подлежащего, то сказуемое довольно часто имеет форму множественного числа: отачы тәрильди тамур кәрдиләр [К-1043] — «собрались лекари, прошупали пульс».

При помощи слова бир имя может реализовать значение неопределенной единичности: бу дунйа сәңәр бир түшүн [К-3513] — «этот мир для тебя — пристанище».

Числительное бир, указывая на неопределенность имени, одновременно выражает и единичность. Таким образом, значение имени с бир соотносится с типами значений имени по качественной и количественной характеристикам. Поэтому в форме единственного числа с количественными определителями имена могут быть как семантически неопределенными, так и определенными: эй элиг, кәз өзрүм тилә үч кишиг [К-5216] — «О правитель, три человека [для трех должностей] выбери себе из лучших»; бу бәш нәң йырақ тутғу бәг [К-2026] — «[вот] от этих пяти вещей бек должен держаться далеко».

Значение формы единственного числа у семантически неопределенных (неактуализированных) имен образуют два ряда: неопределенное (неточное) количество неопределенных предметов (значение родового и ограниченного множества); определенное количество (точное число) неопределенных предметов (неопределенная единичность, точное количество неопределенных предметов).

Этим значениям формы единственного числа семантически неактуализированного имени противостоит соответствующий ряд значений актуализованного (определенного) имени.

Имя с указательным местоимением бу может обозначать целый род предметов как нечто определенное и нерасчлененное (значение генерализации): осайуқ бу йалнуқ билір өлгүсін [К-5950] — «беспечное это человечество (беспечный этот человек) знает, что умрет».

Семантически определенное имя с качественными (а) или количественными (б) определителями, с аффиксами принадлежности (в), или в зависимости от условий контекста (г) может обозначать ограниченное множество определенных предметов (явлений): а) йырақ тутғу ишдә бу өгсүз кишиг [К-1956] — «глупых людей надо держать подальше от дел»; б) бу үч ишта болса кишиси көни [К-5220] — «чтобы на этих трех должностях были [у бека] люди верные»; в) раыйятқа важыб бәги йарлығы ағыр тутса эштиб кичиг улуғы [К-4893] — «воля бека обязательна для раин, чтобы услышав, повиновались и стар, и млад»; г) йанут бәрди Озгурмыш (айды) бу сөз эшиттим [К-3291] — «Озгурмыш ответил и сказал: «Я выслушал эти слова».

Семантически актуализованное имя в зависимости от контекста и дополнительных средств актуализации может обозначать

определенную единичность — атаң тапғы [К-1570] — «труд (за- луга) твоего отца».

Таким образом, семантически определенное имя образует ряд значений, который дублирует значения формы единственного чис- ла семантически неопределенного имени:

В семантически неопределенных именах

- I. Родовое значение
- III. Ограниченное множество неопределенных предметов
- V. Неопределенная единичность
- VII. Число неопределенных пред- метов

В семантически определенных именах

- II. Значение генерализации
- IV. Ограниченное множество опре- деленных предметов
- VI. Определенная единичность
- VIII. Число определенных предме- тов

Типы значений, противопоставленные по признакам определен- ности/неопределенности имени, не имеют непосредственного от- ношения к категории числа, должны объединяться и образовать четыре типа: родовое значение, ограниченное множество, единичность, количество.

Поскольку разграничение значений родового и ограниченного множества, а также единичности и точного количества дости- гается контекстом, приемными качественными и количествен- ными определителями и другими средствами, не относящимися к морфологической категории числа, указанные четыре типа зна- чений должны объединяться вокруг значения неопределенного количества (монолитная собирательность) и значения опреде- ленного количества.

Систему значений формы единственного числа с учетом каче- ственной и количественной характеристик имени можно предста- вить в таблице 4.

У имен вещественных, собственных и некоторых абстрактных отдельные звенья этих значений отсутствуют, что связано с их лексическим значением (табл. 5).

Функции формы множественного числа. Разнообразные кон- текстуальные значения словоформы с аффиксом *-лар/-ләр* объе- диняются в два типа: значение расчлененной множественности и значение собирательности.

Значение расчлененной множественности в языке изучаемых памятников может обозначать множественность (неопределенное количество) определенных предметов (явление): бу йаңлығ ки- шилар төшәнди йәриг [К-4622] — «подобные люди стелили постель на землю (т. е. умерли)» и расчлененное множество опре- деленных (а) и неопределенных (б) предметов: а) бу ич таш кэбитләр арытғу кэрак [К-5385] — «надо очистить внешний и внутренний миры (букв. лавки)»; б) сувлар ақышды [I, 194] — «вода потекла по разным направлениям».

Это значение может также выражать разнородное множество

неопределенных предметов (явлений): кишиләр ара киши ул булур [К-5605] — «среди [разных] людей [настоящим] человеком является тот...»

Здесь словоформа с аффиксом -лар/-ләр может принимать различные определения, указывающие на разнородность предметов (явлений) (а) или количественные определения, указывающие на большие количества (б): а) тумән тү чэчәкләр [-69] — «раз-

Таблица 4

Характеристики имени

Качественная	Количественная			
	неопределенное количество		определенное количество	
	родовое значение	ограниченное множество	единичность	множество
Неопределенные имена	киши (номинативное значение)	" ^а огсуз киши, " ^а оқуш киши, ... киши...	бир киши	бэш киши
	I	III	V	VII
Определенные имена	бу (камуғ) киши (генерализация)	бу " ^а огсуз киши, кишиси	(бу) (бир) киши	(бу) бэш киши
	II	IV	VI	VIII

личные цветы»; б) сэниң барлығыңға далил арқаған булур бир нэң ичрә далиллар миң-а [X-4] — «тот, кто ищет доказательство твоего существования, находит в одном предмете тысячи [различных] доказательств».

Со значением разнородного множества неопределенных предметов связано экспрессивно-гиперболическое значение аффикса -лар с абстрактными и вещественными именами. При этих словах этот аффикс, указывая на неопределенное количество или явление, выполняет экспрессивную функцию: эражларқа авныб [К-1128] — «предаваясь [различным видам] наслаждений».

В некоторых случаях значения экспрессивно-гиперболической множественности и расчлененного множества неопределенных предметов (явлений) переходят в значение тотальной множественности, которое является промежуточным звеном между значениями множественности и собирательности: татығлар татығсыз қылу бу өлүм [К-6052] — «смерть делает все приятности неприятными».

В языке памятников аффикс *-лар/-ләр* часто имеет значение собирательности определенных (а) или неопределенных (б) предметов (явлений) с оттенками разнородности (в) или с ослаблением этих оттенков (а, б): а) оғул туғса бәг җам аталарытәг [К-1916] — «пусть сын родится, как его родители, беком»; б) тажиклар айур эрди Афрасыйаб [К-276] — «таджики называли [его] Афрасиябом»; в) қамуг түрлүг отлар изишиччи тутар [К-2848] — «всевозможные травы хранятся у идишчи».

Т а б л и ц а 5*

Группа имен	Типы значений							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Собственные	—	—	—	—	—	—	—	—
Абстрактные	+	+	+	+	(+)	(+)	(+)	(+)
Вещественные	+	+	+	+	≡	≡	≡	≡
Исчисляемые	+	+	+	+	+	+	+	+

* Знаком (+) отмечены значения, которые могут реализоваться у некоторых имен в определенных условиях. Например, уч ҳақ/бу уч ҳақ — «три (какие-то) обязанности/эти три обязанности».

Значения тотальной множественности и собирательности в словоформах множественного числа могут получать оттенок генерализации: кўр арсланқа ошар бу бәгләр өзи [К-769] — «беки подобны отважному льву».

Как было сказано выше, в значении собирательности противопоставление единичности и множественности снимается, чем объясняется большой выбор формы числа имени в собирательном значении. В языке памятников такое имя может стоять как в форме единственного, так и множественного числа: вазир иши [К-2185] — «обязанности везира (везирей)» ср.: җажиблар иши [К-2185] — «обязанности хаджибов».

В случаях параллельного употребления обеих форм числа в собирательном значении в словоформах с аффиксом *-лар/-ләр* очень часто сохраняются оттенки значений разнородности, тотальности, а в словоформах единственного числа — оттенок номинативной функции, т. е. обозначение класса предметов (явлений) как таковых. Ср.: китаблар оқыр җам билир эрсә сөз уқар эрсә шәэр җам қошар эрсә өз [К-2592] — «[чтобы посол] мог читать [всевозможные] книги (письмена), обладал красноречием, понимал стихи и сам их сочинял». Данный оттенок тотальности и разнородности в словоформах множественного числа наиболее отчетливо выступает при противопоставлении имен с аффиксом *-лар/-ләр* с абстрактными именами на *-лык/-лик* — (а) и при именах с обобщающими определениями (б): а) нә тәнсиз болур

кёр қарымыш киши ... қылса йигитлар иши [К-4592] — ср.: йигитликдә қылғыл қарылық иши [К-4588] — «смотри, как непристойны для пожилого человека поступки молодых (молодости); в молодости делай то, что [должен] делать в старости», б) ачылға сәчилгә қамуғ ишларин сузулгә этилгә қамуғ иш сәнин [К-5478] — «развяжутся, распутаются твои [всякие неразрешимые] задачи, очищается, устроится твое всякое дело».

Соотношение значений форм. По признакам количественной характеристики предмета в каждой из форм выделяются две соотносительные друг с другом группы значений:

<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
I. Неопределенное количество (моноклассная собирательность)	II. Немоноклассная (разнородная) собирательность.
III. Определенное (точное) количество.	IV. Количественно неопределенное множество.

Поэтому формы единственного и множественного числа образуют два ряда оппозиций по следующим признакам:

<i>Признаки</i>	<i>Форма</i>	
	<i>ед. число</i>	<i>множ. число</i>
I. Количество неопределенное (неточное) множество	0	+
II. Неразделенность (однородность)	+	0

Такой оппозицией форм числа объясняются многие особенности функционирования категории числа в языке памятников.

Таким образом, имена с количественными определителями, указывающими на определенное (точное) множество, стоят в форме единственного числа. Это связано с тем, что аффикс **-лар** указывает на неопределенное (неточное) множество, и его значение не совместимо со значением точного количества однородных предметов, передаваемых числительными.

При присоединении аффикса **-лар** к именам с количественными определителями количественное числительное либо утрачивает значение определенного количества, либо имя получает отнесенность, разнородности. Поэтому в семантике словосочетаний типа миң далил и миң далиллар [X-4] различие сводится к тому, что первое словосочетание выражает определенное (точное) количество, а именно «тысяча доказательств», а второе словосочетание — неопределенное (неточное) множество — «[многие] тысячи доказательств»⁴: йағыз эйр йашыл сув йарашты била ара миң чэкаклар ачылды [К-3173] — «бурая земля и голубая вода сошлись, между ними распустились тысячи цветов».

Поскольку аффикс **-лар/-ләр** обозначает неопределенную (не-

⁴ Данное значение еще ярче выступает в таких примерах, как узб. 40-йилларда — «в сороковых годах» соат бешларда — «примерно в пять часов; часов в пять», бир одамлар борки — «есть такие люди...».

точную) множественность, имена с неопределенными количественными определениями (аз, ёкўш, қамуғ/барча и др.) могут сочетаться с ним.

Возможность присоединения аффикса -лар к абстрактным и вещественным именам объясняется тем, что он выражает количественно неопределенное множество. Если числовое (количественное) значение слов қан, арзу является нейтральным (одна капля крови (кровь как вещество), то қандар и арзулар являются количественно маркированными, и обозначают неопределенное множество. На значение неопределенного множества накладывается еще семантика разнородности и расчлененности, в результате чего возникает экспрессивно-гиперболический оттенок. Значение аффикса -лар при этих именах должно рассматриваться как собственно языковое, грамматическое значение множественного числа, т. е. воздействие языкового мышления на восприятие объективного мира.

Таким образом, в форме единственного числа в диалектическом единстве существуют качественное значение одородности (нерасчлененности, монолитности) предметов (явлений) и нейтральность по отношению к количественному значению — точности/неточности количества предметов (явлений). В форме множественного числа — количественное значение неточной множественности и нейтральность по отношению к качественному значению однородности/неоднородности предметов (явлений). Поскольку эти значения находятся в диалектическом единстве они не могут быть оторваны друг от друга и усиление значений формы единственного или множественного числа одной из сторон компенсируется ослаблением другой. Например, в оппозиции форм единственного и множественного чисел как средств выражения точного (уч киши) и неточного (кишиләр) множества ослабляется оппозиция по качественному значению (расчлененность/нерасчлененность, однородность/неоднородность предметов). При противопоставлении этих форм в значении однородного (нерасчлененного) и разнородного (расчлененного) множества нейтрализуются оппозиции по количественному значению форм числа. Например, количественное значение словоформ китоб и китаблар в «китаб оқыр» и «китаблар оқыр» является одинаковым — они выражают неопределенное (неточное) множество.

Такой многосторонний характер противопоставления значений форм единственного и множественного числа придает языковому механизму гибкость и большие возможности варьирования как формы, так и значения слова, которые используются в поэтической речи; жамағат көн эрды бу масжидлар аз қалын болды масжир жамағатлар аз [К-6243] — «общин было много, мечетей [было] мало, мечетей стало много, общин [стало] мало».

Парадигматическое значение формы множественного числа (количественно неопределенное множество и нейтральность к расчлененности/нерасчлененности) проявляются не только при име-

нах, но и в финитных формах глагола. Аффикс **-лар** в составе формы третьего лица множественного числа глагола-сказуемого выражает неточные (неопределенные) множества (а) или расчлененность (б) деятелей: а) бири эзгү эрди аны өгдиләр [К-239] — «один из них был хорошим, его восхваляли»; б) [Огдулмиш, Озгурмыш]... туруб кирдиләр эвкә [К-5563] «Огдулмиш и Озгурмыш вошли в дом».

ПАДЕЖИ В ЯЗЫКЕ ПАМЯТНИКОВ XI—XII вв. Образование падежных форм

Падежные формы в языке памятников образуются с помощью аффиксов и их сингормонистических вариантов (табл. 6) (в скобках указаны редко встречающиеся формы).

Таблица 6

Падеж	Имена, причастия				Личные местоимения
	без афф. принадлежности	с аффиксами принадлежности			
		I лица	II лица	III лица	
Основной	∅	∅	∅	∅	∅
Родительный	-ның (-ың) (-I-IF)	-ның (-ың)	-ның (-ың)	-ның	-ың
Дательный	-Ға (-Ғару) (Ғар)	-Ға (-а)	-а (-а)	-а —а нҒару	-а -ыңға -Ғар
Местно-исходный	-да	-да	-да	-да	-да
Исходный	-дын (-дан)	-дын	-дын	-дын -ндын	-дын (-дан)
Орудный	(-)н	—	—	?	(-)н

Родительный падеж. Наиболее древний огузский [326, 31; 145, § 127] вариант аффиксов этого падежа — (-)ң широко представлен в языке памятников. Он присоединяется к личным, вопросительным местоимениям и к именам со звуком [н] на исходе: қузуның [I, 412] — «воронье», «то, что принадлежит вороне».

Винительный падеж. Форманты этого падежа — (-)ғ и -ны употребляются параллельно. В языке «Кутадгу билиг» аффикс (-)ғ может присоединяться к лично-указательным местоимениям: уларығ [К-3265], буларығ [II, I 80/19], — «их», «тех». В XI—XII вв. употребление аффикса (-)н значительно ограничено [ср. 180; 139] — он присоединяется спорадически только к именам с аффиксами принадлежности III лица: такабур либасын [X-139] — «одежду надменности».

Дательный падеж. Образуется при помощи аффиксов -ғару, -гар. Аффикс -ғару встречается сравнительно редко. В языке «Хибатул Хакайик» этого аффикса нет: талғынғару [К-3665] —

«к его службе»; йайғару [III, 294] — «весне», аффикс -ғар присоединяется к личным местоимениям единственного числа: мәнәр [К-1255] — «мне»; и только один раз к именной основе: блумкәр [К-1374] — «к смерти».

Исходный падеж. В языке «Кутадгу билиг» и «Хибагул-Хакай-ик», главным образом, употребляется вариант с узким гласным (-дын-). В «Диване» варианты -дын/-дан употребляются параллельно, что связано с диалектным характером материалов Махмуда Кашгарского. В тексте «Кутадгу билиг» после 6287 бейта несколько раз встречается аффикс -дан: кишидән йырайы [К-6335] — «удалиться мне от людей!».

В практике лингвистов имеется несколько вариантов интерпретации падежей.

Универсально-логическая интерпретация Л. Ельмелева [322; ср.: 161]; инвариантная интерпретация Р. Якобсона [319; ср.: также: 35; 209; 25, 45; 287; 286]; синтаксическая интерпретация Гроота-Куриловича [167, 316; ср.: 128, 28; 191; 254; 280; 307]; дескриптивная интерпретация падежа [см.: 84, 70, 321; 5]; субстанциально-диалектическая интерпретация С. Н. Иванова [119, 50—99; 117; 122; 123; ср.: 202]. Каждая из них преследует особые цели. Интерпретация Р. Якобсона направлена на нахождение общего всех частных значений конкретной падежной формы, их непротиворечивого инварианта. В интерпретации Е. Куриловича разграничивается синтаксическая (грамматическая) и семантическая (адвербиальная, словообразовательная) функции падежей, расщепляется единая форма, которую с одной стороны относят к грамматике, с другой — к семантике (словообразование). В субстанциально-диалектической интерпретации С. Н. Иванова синтаксическая и семантическая функции падежей рассматриваются в диалектическом единстве и диалектически противоречивое общее значение падежа выводится из малого (семантического) и большого (синтаксического) рядов оппозиций падежных форм.

Спор вокруг вопроса имеют ли падежи собственное, независимое от контекста значение, или оно возникает в контексте, и падежи являются формальным средством связи частей речи, продолжается с XIX в.⁵ Определением разграничения понятий сильного и слабого управления [см.: 124; 110; 28; 8] была внесена некоторая ясность в решение этого вопроса. Отмечалось, что в слабоуправляемой позиции значение падежной формы минимально зависит от контекста, а в сильноуправляемой падежная форма полностью утрачивает свое значение и становится формальным средством синтаксической связи. Однако разграничение

---

⁵ Ср.: высказывание Г. Штейнталя «действительные падежи не могут иметь материального значения, а имеют только грамматический смысл» (цит. по [209, 14]) и Г. Пауля: «выбор какого-либо падежа определяется не тем словом, с которым он связан, а его собственным значением» [325, § 192].

сильного и слабого управления не может служить надежной основой для определения характера собственно падежного значения формы, так как одна и та же падежная форма в одном и том же значении связывается с одной группой слов (глаголов) сильным управлением, с другой — слабым [см.: 28, 33; 252].

Типы значений падежных форм в языке памятников можно определить в зависимости от тех позиций, в которых они реализуются. По этому признаку выделяются три типа падежных значений: самостоятельные (независимые); полусамостоятельные (полузависимые); несамостоятельные (зависимые).

Самостоятельно падежи функционируют в позиции подлежащего и сказуемого в предложении. Поскольку «предикативная группа выделяется сочинением ее членов, синтаксически равнозначных» [185а, 491], в какой форме выступает подлежащее или сказуемое зависит от значения самих их форм, иными словами, на падежную форму подлежащего и сказуемого фактор управления не действует, и значения падежей в этой позиции являются их самостоятельными (досинтаксическими) значениями.

Существует несколько позиций полузависимого функционирования падежей. Например, при употреблении падежной формы в качестве детерминирующего члена (объекта или обстоятельства) предложения (ДЧП), когда она не управляется глаголом, а выступает как самостоятельный распространитель предложения, формально не связываясь ни с одной словоформой [71, §§ 1422—1438; 291; 292]. В предложениях типа билгисизкә ҳақ сөз татықсыз эрүр [X-55] и мән өзүмдин битидим битиг [K-3147] части *ҳақ сөз татықсыз эрүр* — «правдивые слова неприятны» (ср. русск. правда глаза колет) и *мән битиг битидим* — «я написал письмом» в семантико-грамматическом отношении являющиеся завершенными предложениями, а *билгисизка* — «невежде» и *өзүмдин* — «от себя», «от своего имени», выступают как самостоятельные распространители предложения (детерминирующий объект), не управляемые ни одной словоформой.

В позиции вариативного управления, когда какое-либо слово может сочетаться с другим в разных падежных формах, причем замена одной падежной формы другой, не влияя на синтаксическую функцию словоформы, придает предложению новое значение (напр., элигкә кэлди — «он пришел к правителю» и элигдин кэлди — «он пришел от правителя»; ср. также үчкә бир — «за три один» и учта бир — «один из трех», «одна треть»), или сигнализирует дополнительные непадежные характеристики словоформы (выражает определенность/неопределенность, указывает на принадлежность к определенной части речи, на характеристику места зависимого слова (на его контактность или дистантность) по отношению к управляющему слову и др.).

Те значения падежей, которые не могут реализоваться в позициях подлежащего и сказуемого, но могут выступать в качестве ДЧП, или же при вариативном управлении, являются полу-

самостоятельными (падежная форма в этих позициях выступает с собственным, независимым от управления значением, но не может реализовать данное значение в независимой позиции сказуемого или подлежащего).

Зависимое функционирование падежей проявляется в их реализации в качестве (сильно или слабо) управляемых форм, когда та или иная группа глаголов, имен, наречий и т. д. для полного раскрытия своего лексического значения требует словоформу в определенной падежной форме. В качестве управляемых форм могут выступать падежи: основной (ОП), винительный (ВП), дательный (ДП), местно-исходный (МИП), исходный (ИП). Родительный падеж (РП) выступает в зависимой функции только при именах и причастиях, а орудный падеж (ОрП) — только в качестве ДЧП и никогда не управляется глаголами.

По возможности сочетания с прямым объектом в ОП или ВП глаголы распадаются на два класса — на переходные и непереходные, а по особенностям сочетания с ДП и МИП на 5 групп (см. ниже).

По типам своего значения падежи распадаются на две группы. В первую группу входят — ОП, РП, ВП, функционирование которых связано с выражением значений дефинитивности, с контактным и дистантным расположением словоформы [см.: 119, 97—98], во вторую — ДП и МИП. Особое место занимает ОрП. Основные взаимно противопоставленные функции падежей I группы представлены в таблице (табл. 7).

В функции I РП и ВП выступают прежде всего в форме местоименного прямого дополнения (а) и изафетного определения (б), так как в этой функции они не могут быть заменены формой ОП: а) унутма мэни [X-241] — «не забудь меня»; б) анын мадхы [X-14] — «его хвала». Между ОП и ВП, РП противопоставление по данной функции отсутствует. Можно предположить, что исторически ОП противопоставляется ВП и РП как форма неместоименного прямого объекта и изафетного определения. Следовательно, функции II, IIIа, IIIб — реликты такого противопоставления.

В функции II контактное (примыкающее) именное прямое дополнение (а) и изафетное определение (б), как правило, имеют форму ОП. Имя в этой позиции реализует качественно-предметное значение [119, 52]; а) будун қылқы [K-4595] — «нрав народа»; б) тэмүрчи қылыч тоқыды [3]. В этой позиции, особенно в изафете II, предметное значение имени нередко нейтрализуется полностью (аш сув иши [K-2789] — «кулинарное дело» [4]), а прямое дополнение сливается с глаголом [см.: 186, 274]: йатығ қул қылайын тэсәсэн [K-4173] — «если хочешь сделать постороннего своим рабом».

Контактное прямое дополнение (изафетное определение) в форме ВП(а) (РП(б)) определяет значение имени: а) киши эмгәк ызса сәнә... унутма ул эмгәкни [K-1573] — «если кто-нибудь

окажет тебе [какую-нибудь] услугу... ты не забудь эту услугу;
 б) агар кэлсә эртин сэнә эзгүлүк өкүш қыл ул эрниң санасын тилә [X-168] — «если от кого-нибудь тебе будет добро, вознеси много хвалы тому мужу, пожелай [ему добра]».

Таким образом, в функции II формы ОП, РП и ВП противопоставляются по семантическому признаку как средства выражения определенности и неопределенности имени. Условием

Т а б л и ц а 7

№№	Функции основного падежа	Функции винительного падежа	Функции родительного падежа
I	=	Местоименное прямое дополнение.	Местоименное изафетное определение.
II	Контактное неопределенное прямое дополнение и изафетное определение.	Контактное определенное прямое дополнение.	Контактное определенное изафетное определение.
IIIа	+ Неопределенное (контактное/дистантное) прямое дополнение и изафетное определение*	+ Определенное (контактное/дистантное) прямое дополнение	+ Определенное (контактное/дистантное) изафетное определение.
IIIб	Контактное (определенное/неопределенное) прямое дополнение и изафетное определение	Дистантное (определенное/неопределенное) прямое дополнение.	Дистантное (определенное/неопределенное) изафетное определение.
IV	Подлежащее (определенное/неопределенное)	+ Всякое прямое дополнение (связь имени с глаголом).	+ Всякое именное изафетное определение (связь имени с именем).

* Здесь и далее знаком + отмечены редкие для языка памятников функции и значения падежей.

реализации данной оппозиции является контактное расположение зависимого компонента по отношению к главному.

Функции IIIа и IIIб обусловлены односторонним действием факторов определенность/неопределенность и контактность/дистантность в отрыве друг от друга.

Функция IIIа — результат одностороннего действия фактора определенность/неопределенность при нейтрализации критерия контактности/дистантности расположения зависимой словоформы по отношению к главному. В этом случае ОП выступает как форма неопределенного (контактного/дистантного) прямого дополнения и изафетного определения: бу қурқа тэгүрсә тапуғчы бу бэг [K-3973] — «если бек вознесет слугу до такого звания».

Функция IIIб реализуется при нейтрализации фактора определенность/неопределенность. Здесь ОП выступает формой как неопределенного, так и определенного контактного прямого допол-

нения (а) и изафетного определения (б), а ВП и РП — как формы всяческого дистантного прямого дополнения (в) и изафетного определения (г): а) ҳава бойны сы [К-5360] — «подави в себе страсть»; б) атаң паңди [К-1546] — «совет твоего отца»; в) өзүңа йағутма ушақың кишиг [К-1286] — «не приближай к себе доносчика»; г) көни барыр кийикның көзинда азын башы йоқ [III, 165] — «у дичи, которая идет прямо, нет ран кроме глаз».

В отличие от функции II при реализации функции IIIб определенность или неопределенность имени обозначается не падежной формой, а средствами семантической актуализации [см.: 146, § 93; 178, 307].

В языке памятников для определения падежной формы прямого дополнения или изафетного определения противопоставление ОП с РП и ВП по контактности/дистантности связи с главным словом, более значимо, чем противопоставление по признаку определенность/неопределенность⁶. Поэтому функция IIIа в ОП для языка памятников встречается только в поэтической речи; а в ВП и РП она полностью заменяется функцией IV, включающей и прочие функции этих падежей.

Функция IV как результат нейтрализации факторов местоименность/неместоименность, определенность/неопределенность, контактность/дистантность базируется на признаках противопоставления ОП, ВП и РП как форм подлежащего, прямого дополнения и изафетного определения. Именно на этом основывается возможность реализации значений определенности (а) и неопределенности (б) в форме ОП в позиции подлежащего и сказуемого и оформление контактно расположенного неопределенного прямого дополнения (в) или изафетного определения (г), формой ВП (или РП): а) бир кўн отруб муназты элиг [К-1590] — «однажды правитель [Кюнтотды] сидел и печалился»; б) қаз қолса брдәк көлиг игәнўр [I, 128] — «если улетят гуси, утки займут озера»; в) эки түрлүг эркә сөзүг сөзләмә [К-1285] — «двум типам мужчин не говори слова»; г) өкүш көрсә эрниц көзи өгрәнўр [К-2330] — «когда мужчина (букв. глаз мужчины) видит много, научится многому».

Однако в языке памятников функция IV в РП и ВП еще не определилась полностью. В них не отмечено ни одной семантической группы переходных глаголов, которые требовали бы в качестве прямого объекта имя в форме ВП, имен, которые сочетались с другими именами исключительно в форме РП независимо от критериев местоименность/неместоименность, определенность/неопределенность, контактность/дистантность. Данная функция здесь выступает как начальный этап развития синтаксического противопоставления падежей I группы.

---

⁶ То же самое в современном узбекском языке. Ср. данные статистического исследования в работе Т. Иноятова [125, 29].

Поэтому оформление контактного неопределенного прямого дополнения (изафетного определения) формой ВП (РП) в языке памятников наблюдается редко.

Каждая из перечисленных оппозитивных функций ОП, РП и ВП основывается на своих специфических признаках, что делает возможным варьирование формы прямого дополнения и изафетного определения, которое используется в поэтической речи.

Развитие противопоставлений ОП, ВП и РП, видимо, шло от функции I к функции IV, так как степень абстрагированности (обобщенности, прагматичности) признаков падежных противопоставлений увеличивается именно в этом направлении.

В рассмотренных соотносительных функциях ОП, РП, ВП семантическое и синтаксическое содержание находятся в диалектическом единстве. Однако степень обобщенности семантического фактора, обуславливающего употребление той или иной падежной формы, является различной: в функции I — значение местоименность/неместоименность, зависящее от лексического значения слова, в функции II — грамматическое значение определенности/неопределенности при наличии синтаксического фактора контактности; в функции IIIб — синтаксический признак контактности/дистантности, а в функции IV — обобщенный синтаксический признак члена предложения. Поэтому доля семантического содержания в этих падежах уменьшается от функции I к IV, а синтаксического, наоборот, увеличивается. Однако при реализации функции IV семантическое начало в этих падежах не исчезает полностью, а максимально обобщается (например, ВП свидетельствует не только о зависимости одного слова от другого, но и сообщает дополнительное значение, при котором зависимое слово является именем (или именной формой), зависящим от переходного глагола).

Поэтому в тюркских языках рассматривать семантическую и синтаксическую функции падежей отдельно друг от друга, в разных микросистемах (как это делает Е. Курилович для индоевропейских языков [167, 175—203]), а также искать инвариантную основу противопоставления падежей (как это делает Р. Якобсон [319]), невозможно, так как синтаксическое и семантическое значение в тюркских падежах первой группы находятся в диалектическом единстве, и разные функции падежей противопоставлены по разным признакам.

Кроме вышеуказанных в каждом из падежей имеются и такие функции, которые межпадежно не противопоставлены друг другу, в каждом из этих падежей они представляют собой реликты прошлых эпох или новообразования на основе определенных функций отдельного падежа.

В ОП — это функции реализации в качестве различных обстоятельств и косвенных объектов, когда ОП семантико-функционально сливается с дательным и местно-исходным падежами: (ср. например: тэңри узалмазыб [I, 113] — «не стыдись бога».

көнилик қылығлы аманат күни [К-1697] — «тот, который совершает праведность в [эти] бранные дни»). Данная функция, видимо, является реликтом прошлого. Сюда же (но как новообразование) должно быть отнесено функционирование ОП с послелогами, в том случае, когда они являются аналитическим синонимом синтетических падежных форм в их определенных значениях.

В ВП — это субъективный винительный при глаголах мышления и речи, служащий для связи придаточного предложения с главным [150, 11], или для трансформации предложения в обороте, и субъективный винительный при понудительно-переходных глаголах, когда ВП служит средством взаимосвязи понудительно-переходного глагола с его исходной основой.

От указанных выше падежей принципиально отличается функционирование РП как средства оформления имени (местоимения), которому что-либо принадлежит. Самостоятельность (несинтаксичность) данного значения доказывается тем, что в этом значении РП может фигурировать в качестве неизафетного определения (а), сказуемого (б) и подлежащего (в): а) боғуз тозрур ашну киши йылқының [К-2937] — «человек сперва насытит живот (букв. горло) скота»; мэниң тавар [III, 79] — «мое имущество»; б) нэ эрсәләриг сән тбрүттүн сәниң [К-12] — «все, что ты создал — твое»; в) бөринің ортақ қузуғуның йығач башында [I, 412] — «волчье — по середине, воронье — на веточке».

Данное значение, несомненно являясь древнейшим, служило основой функционирования РП в качестве изафетного определения. Однако само это значение в падежную систему не входит. В этом значении РП выступает как полусловообразовательная форма⁷ [ср.: 44, 23].

Функции падежей II группы. Рассмотрим системы значений дательного (ДП) и местно-исходного (МИП) падежей. Глаголы, сочетающиеся с этими падежами по взаимоотношению их лексического значения с семантикой падежной словоформы, можно подразделить на пять групп.

I. Глаголы движения.

II. Глаголы, сочетающиеся с ДП, лексическое значение которых выражает достижение определенного предела и соприкосновение с объектом типа тэг — «достигать», «сүрт — «мазать», ба-/бағла — «привязывать», ил — «вешать» и др.; глаголы сочетающиеся с МИП, обозначают полное удаление, лишение чего-либо: сәврит — «опустошать», сузул/йүзул — «очищаться» и др.

III. Глаголы этой группы можно подразделить на: а) сочетающиеся с ДП — глаголы давания и предназначения (типа бэр — «давать», артут қыл — «преподнести»); целенаправленного действия (ал — «брать», ашун — «готовиться»), подражания и уподобления (йәнза — «уподоблять», тәң — «приравнять», өткүн —

⁷ Позже это значение РП обособилось в словообразовательном форманте -ники; который в языке рассматриваемых памятников не употребляется.

«подражать»), включения и причисления (қош — «прибавлять», қат — «мешать» и др.), речи, огромное количество результативного действия (типа йаз — «писать», тӱрӱт — «творить») и др.⁸;

б) сочетающиеся с МИП — глаголы выделения и различения (чықар — «вынимать», азыр — «различать»), глаголы становления, возникновения, происхождения (типа кэл — «[только в значении] исходить», «возникать»; туғ — «рождаться», бол — «становиться»), глаголы познания, узнавания и приобретения (бил — «узнавать», ал — «брать») и многие другие.

IV. Глаголы, сочетающиеся с ДП. Глаголы со значением соучастия/помощи и понудительно-каузативности, понудительного и взаимно-совместного залогов и отдельные глаголы, лексическое значение которых предполагает взаимодействие субъектов типа кәндә — «советоваться»; редко сочетаются с МИП глаголы страдательного залога.

V. Глаголы, сочетающиеся с ДП — значительное количество непереходных глаголов, обозначающих различные эмоциональные состояния, душевные переживания, верования и убеждения (типа ийман — «стесняться», казғур — «горевать», илән — «обижаться», сәвин — «радоваться», умун — «надеяться», бут-/тапын-/сығын — «верить», йүкүн — «поклоняться» и т. д.), глаголы утаивания (типа кәллә — «прятать»), фразеологизмы аналогичного содержания (типа агзы/боғзы қуры — «жаждать», коңұл сув ич-коңұл сағ бол — «радоваться» и др.).

В отличие от глаголов I—IV групп, не поддающихся исключению и охватывающих большие лексико-семантические классы глаголов, глаголы V группы исчерпываются списками.

Основные типы значений ДП и МИП в языке изучаемых памятников и позиции реализации каждого типа значения представлены в таблице 8.

При реализации I типа значений (выражения локализации, сосредоточения) аффиксы -ға(а) и -да(б) являются взаимозаменяемыми. Данное значение отсутствует в аффиксе -дын/дан. Для выражения II—VII типов значения в МИП аффиксы -дын и -да могут употребляться параллельно: тануғка турур кут [К-4077] — «счастье — в службе»; сәиндә турурчын [К-4773] — «истина — у тебя».

Первый тип ДП и МП является их самостоятельным (независящим от управляющего слова) значением, выступает в позиции сказуемого и детерминирующего члена предложения (обстоятельства места и времени) и обозначает место, время, состояние (условие) совершения действия (а), пункт, предмет, место сосредоточения признака (б), направление с оттенком локализации (в):

⁸ К I, II, III группам глаголов, сочетающихся с ДП и МИП, относится большое количество глаголов, не поддающихся исключению. Внутренняя классификация этих глаголов может быть объектом специального исследования, посвященного семантическим группам глаголов и их валентности.

а) эсизниц кўниңә мин артур муны [К-343] — «у дурного горе увеличивается ежедневно в тысячу раз»; кичигдә ата ызса оглын

Таблица 8

№ № пп	Типы значений дательного падежа	Типы значений местно-исходного падежа	Позиция реализации
I.	Локализация/сосредоточение во времени, месте (предмете, явлении)	Локализация/сосредоточение во времени, месте (предмете, явлении)	Сказ.; ДЧП
IIa.	I группа значений	I группа значений	
IIa.	Предельно-направительные	Исходно-направительные, трансобъективные	ДЧП; I гр.
IIб.	Конечный пункт (тугардын батарқа)	Начальный пункт (тугардын батарқа)	Слов.
III.	Касаемый (затрагиваемый) объект	Уделяемый (изымаемый) объект	II группа
IVa.	Адресатные (объект—адресат; объект, к которому что-л. прибавляется; объект, по отношению к которому проявляется признак)	Выделительные (объект-источник; объект, из которого что-л. изымается; объект—орудие и т. д.)	+Сказ.; ДЧП III группа
IVб.	Адресатные (малга қул)	Выделительные (онда бир)	Слов
IVв.	Целевые	Причинные	ДЧП
	II группа значений	II группа значений	
V.	Субъектное	+ Субъектное	IV группа (в ДП также и ДЧП)
VIa.	+Источнико-причинные (объект — источник, объект — исходный пункт; объект — орудие; эквивалентный объект; обстоятельство причины)	+ Направительные (место приложения действия; объект, по отношению к которому проявляется признак)	ДЧП
VIб.	Нерасчлененные источнико-причинно-орудийные	нет	V группа
VII	Эквивалентностные (биркә уч)	Неэквивалентностные (мәниңда — жафачы)	V группа Слов

* Позиции реализации обозначены сокращениями — сказ. — «в позиции сказуемого», ДЧП — «в позиции детерминирующего члена предложения», слов. — «в составе именных словосочетаний», I, II, III, IV, V гр. — «в качестве объектов при соответствующей группе глаголов и при именах, образованных от этих глаголов».

йава [К-1210] — «если отец не присмотрит за сыном, когда он мал» [13а]; ;б) қузда қар эксүмәс [I, 315] — «на северном склоне

горы снег не убывает» [136]; в) қорғарыш сувқа батды [II, 339] — «свинец погрузился в воду», тэмүр сувда чөкди [II, 29] — «железо погрузилось в воду» [13в].

Первый тип значений ДП и МП относится по своей сущности к наречным типам, в этом значении ДП и МП заменяемы наречиями.

Второй тип значений в ДП имеет следующие оттенки: выражает пункт направления, в сочетании с послелогом тэги обозначает предел в пространстве или во времени: қаршықа кирмә [К-4016] — «не входи во дворец».

В МИП данный тип значений реализуется в оттенках обозначения исходной точки локализации (а), удаления (б), а при глаголах, обозначающих прохождение (вхождение) через что-либо переходит в трансобъектное значение (в), соприкасающееся со значением орудийности (в): а) ул аны эвдин бақытты [II, 356] — «он заставил его смотреть [куда-то] из дома»; б) ўчидә қач [К-264] — «убегай от третьего», в) қапуғда кирүрдә [К-3960] — «когда входишь в двери»; г) эт-өз ўлги боғуздын кирүр [К-977] — «доля плоти входит через горло».

Этот тип значений ДП и МИП реализуется в позиции детерминирующего обстоятельства: көккә сағурса [II, 85] — «если плевать на небо»; и чаще всего при глаголах движения и чувственного восприятия; йўзкә түшәр [II, 85] — «падает на лицо»; солындын урағун [К-757] — «слева у него яд».

В результате диалектического сочетания значений начального и конечного пунктов МИП и ДП образуются предельные словосочетания: туғардын батарқа [К-3644] — «от востока до запада».

Второй тип — конкретно-обстоятельственные значения (ДП и МИП), хотя они относятся к типу пространственных значений и имеют некоторый характер наречий, отличаются от первого типа значений большей абстрактностью, реализуются только в позиции ДЧП, а при глаголах первой группы дополняют, уточняют лексическое значение глагола (ср.: элигкә кәлди — «он пришел к правителю» и элигдин кәлди — «он пришел от правителя»). Обстоятельственное дополнение (термин, предложенный А. Н. Кононовым [145, § 122], вскрывающий подлинную природу объектов при глаголах I группы) слабо связан с глаголом и эта связь зависит не от управления глагола, а от содержания высказывания. Иначе, здесь падежная форма сепаративована [см.: 185, 80—84]. Однако данный тип значений самостоятельно (т. е. в позиции сказуемого) не употребляется. Следовательно, падежное значение уточняется лексическим значением глагола, а значение глагола — семантикой падежа (ср.: эвкәп чық и эвдин чық), что наглядно подтверждает диалектику свободной связи падежной формы с управляющим словом и их взаимную зависимость. Такая свободная связь и взаимная зависимость наиболее отчетливо проявляется в предельных словосочетаниях, где ни -дын, ни -қа не

предполагают друг друга, но в таких словосочетаниях друг без друга существовать не могут.

Третий тип значений имеет ограниченное распространение и реализуется только при глаголах II группы и представляет собой некоторую степень объективации конкретно-обстоятельственных значений: ул йармақығ ташқа сүртти [III, 432] — «он потер монету о камень»; көнүл булганыкдын сүзүлсә [K-5527] — «Чтобы душа освободилась от волнений». При этих глаголах падежная форма сохраняет оттенки обстоятельственного значения, однако лексическое значение глагола требует косвенного объекта, который затрагивается действием (или удаляется) — пространственные (место соприкосновения/направления и пункт удаления) и объектные значения сосуществуют нерасчлененно.

Четвертый (а) тип значений (конкретно-объектные значения) этих падежей является наиболее употребительным. В этих значениях ДП и МИП выступают объектами при самой обширной группе глаголов — при глаголах III группы (при переходно-нерефлексивных глаголах). Связь падежной формы с глаголом носит согласовательный характер, так как эти глаголы для вскрытия своего лексического значения требуют косвенного объекта в ДП или МИП, но при этом падежная форма сохраняет собственные адресатные и выделительные значения, которые могут реализоваться в самостоятельной позиции сказуемого и детерминирующего члена предложения: йаруқлуқ азынқа турур [K-5058] — «свет — для других», байаттын турур аның тақдыры [K-3310] — «его судьба [исходит] от бога»; ҳәкимләркә ҳикмәт асығ қылмады [K-1184] — «мудрецам не смогли помочь их знания».

Данный тип значений в ДП имеет оттенки адресата (а), предмета, по отношению к которому проявляется признак (б), а в МИП реализуется в оттенках источника (в), объекта, из которого выделяется, отделяется что-либо (г), целого, от которого выделяется часть (д), объекта-орудия (е): а) ул мәнә йармақ бәрди [III, 195] — «он дал мне денег»; б) ата эрдим сәнә [K-1154] — «я был тебе отцом»; в) көрмәғәйләр мәниңдин йасығ [K-3309] — «[народу] не будет [и] зла от меня»; г) урағут оғлын бәшиктин йәрди [III, 66] — «женщина взяла своего сына из колыбели»; д) йағыдан тил тутты [II, 148] — «он поймал «языка» [из врагов]»; е) шәкәрдин игиттим [K-1493] — «я вырастил [его] на сладком».

Четвертый (б) тип значений этих падежей суть манифестация предыдущих значений в составе именных словосочетаний: милләтқа таж [K-86] — «венеч наций»; қылықларда эзгү қылық [X-136] — «[поступок] самый лучший из поступков».

Связь компонентов адресатных и выделительных словосочетаний является слабой, и в составе предложения они очень часто разрушаются — падежная словоформа притягивается центром предложения: ср.: ҳукмға бәзәк — «украшение к велению [бога], но [(байат ҳукмыға) + (бәзәк — ул сығыт)] [K-1219] — «слезы —

украшение к велению бога». Поэтому для усиления связи компонентов таких словосочетаний их второй компонент нередко получает аффикс принадлежности III лица: йигә дарманы [К-25] — «лекарство от болезней».

Абстрактно-обстоятельственными — причинно-целевыми значениями четвертого (в) типа замыкается I группа значений ДП и МИП. Данное значение выступает только в позиции ДЧП — в качестве распространенного или нераспространенного обстоятельства цели и причины; этмәккә тәлим киши ушды [I, 179] — «За хлебом собралось много народу»; эр йазуқтың қызылды [II, 153] — «мужчина наказан за грехи».

Поскольку обстояательства цели и причины управляемые формы и примыкают к составу предложения, синтаксическая функция падежей в этой позиции максимально нейтрализуется. Однако с абстрактно-обстоятельственными значениями этих падежей тесно связаны их абстрактно-объектные значения (II группа значений ДП и МИП).

Пятый тип значений широко употребляется в ДП в понудительно-каузативных и совместных конструкциях. Однако связь глаголов с субъектным дативом довольно слабая, и в предложении объект, которым обозначается субъект исходной основы, легко может быть опущен. Данное значение в ДП реализуется также в позиции ДЧП: сәңәр қылғу ишләр [К-5425] — «дела, которые тебе нужно делать». Что касается МИП, то данное значение в этом падеже только-только развивается; в языке памятников в немногих страдательных конструкциях субъект обозначается формой МИП: йалавачдын этләр ... түрлүг иш [К-2560] — «всякие дела совершаются послем»; мәниндин өтәлсүн сәңә сөз ҳақы [К-2631] — «мною будет тебе дано вознаграждение за слова». В позиции ДЧП субъектное значение в МИП покрывается более развитым — орудийным значением: қазашы анындын йумуш ызмышын [К-5834] — «[он рассказал о том, что] его родственник передал через него поручение».

Шестой (а) тип значений в ДП и МИП выступает очень редко: кичигләркә башлаб [К-3941] — «начав со [службы] с малых [лет]», сувқа йунур [К-58923] — «он моется водой», бу огланог бир торуғқа алдым [I, 354] — «я купил этого юношу за одного гнедого», сөзүм сөзләмишкә сәңә иймәнү [К-2013] — «стесняясь тебя, произнести свои слова»; б) аны бәлиндә тут [III, 146] — «схвати его за пояс», бәримдин бахыл, илги кәз бәрклиг ул [X-127] — «в дарении руки у скряги туго связаны».

Шестой (б) тип значений реализуется при глаголах, сильно управляющих ДП. Хотя значение объектов при этих глаголах напоминают VIa тип значений, но семантическая функция ДП в этой позиции значительно нейтрализуется — объекты имеют обобщенные, нерасчлененные значения и тесно связаны с управляющим словом: сәңә ийману [К-2013] — «стесняясь тебя», аңар қазғур [II, 224] — «переживать за него», азабқа қорқ [К-3592] —

«бояться мучения», сығындым анар [К-4688] — «я поклонился ему», умын фазлына [К-3608] — «надеюсь на его милость».

В системе значений ДП и МИП особое место принадлежит VII типу значений. Данное значение реализуется в эквивалентностных словосочетаниях (биркә үч [К-1843] — «за одно — три», сэвинчкә сақынч [К-1073] — «за радость — горе») и сравнительных (мәниндә жафачы [К-1078] — «более жестокий, чем я», өлүмдин қатығ [К-1125] — «тягостнее смерти»). Это значение ДП и МИП является самостоятельным, досинтаксическим, т. е. взаимоотношение лексического значения компонентов таких словосочетаний, например, бир... үч, өлүм... қатығ, не предполагают ни эквивалентностных, ни сравнительных значений — эти значения вносятся показателями -ға/-қа и -дын/-да.

Рассмотренные две группы значений дательного и местно-исходного падежей являются по существу противоположными [см.: 119, 73—86; 122, 105—107]: ср. два значения одного и того же словосочетания малға қул — адресатное значение «раб имуществу», эквивалентное — «за имущество — раб». Сосуществование противоположных значений в каждом падеже объясняется диалектическим единством семантической и синтаксической сторон в них — определенный тип значения реализуется в определенных синтаксических условиях (в определенных конструкциях и при определенной группе слов). Лексическое значение и семантика грамматических форм каждого компонента выступают актуализаторами по отношению друг к другу (ср.: узб. кутубхонага китоб олди — «он взял книгу для библиотеки» и кутубхонадан китоб олди — «он взял книгу из библиотеки»).

Кроме того, сосуществование различных типов значений и функций на каждой падежной форме подтверждается тем, что падежи не противопоставлены друг другу по одному единственному (инвариантному) признаку. Если в каком-либо падеже «А» (см. табл. 7.8.) имеется функция, которая отсутствует в падеже «Б», это свидетельствует о том, что: либо эта функция в падеже «А» является развивающейся, а в падеже «Б» только будет развиваться в ходе исторического процесса; либо эта функция для падежа «Б» является уже утраченной, а в падеже «А» — реликт прошлого и вся падежная система обнаруживает тенденцию к ограничению (или специализации) данной функции.

Оба эти явления существуют и в падежной системе восточнотюркского языка XI—XII вв. Например, уже в XI в., субъектное значение было развито в ДП, но еще не сложилось в МИП. Позже данное значение развилось в исходном падеже и стало возможным регулярное обозначение субъекта страдательного залога послелогоми в форме исходного падежа. То же самое и со значением эквивалентности, которое имелось в ДП, но не было еще в МИП. В дальнейшем это значение развилось в исходном падеже (ср.: узб. китобларни уч сўмга олдим — «я купил [эти] книги за три рубля»; китобларни уч сўмдан олдим — «я купил эти книги

по три рубля»). Обратное явление наблюдается в основном, в винительном и родительном падежах, где сохраняются реликты противопоставления по местоименности/неместоименности.

Межпадежно семантически противопоставленные типы значения реализуются в одинаковых синтаксических условиях (ср.: ана ал — «брать для него» и андын ал — «брать от него»; ср. также значения полного и неполного эквивалента, значение эквивалентности и сравнительности в ДП и МИП). Семантически непротивопоставленные значения реализуются в разных синтаксических условиях (срав.: субъективное значение, которое в ДП выступает в повелительных, а в МИП — в страдательных конструкциях).

Такая же противопоставленность синтаксической и семантической сторон наблюдается внутри значений каждого падежа. Чем больше тип одного значения данной формы отличается от другого этой же формы, тем больше различий в синтаксической сфере реализации этих значений. Например, значения эквивалентности и адресатности являются противоположными. Противоположными являются и синтаксические позиции их реализации. Как средство выражения эквивалентности дательный падеж обособляется от адресатно-направительных значений и функционирует в предложении как самостоятельная единица (в качестве детерминирующего члена или как средства организации эквивалентных словосочетаний). В адресатном же значении ДП выступает в различных позициях в предложении. Такое же явление наблюдается в адресатных и эквивалентных словосочетаниях. Адресатные словосочетания, как было сказано выше, легко изменяются в составе предложения, а эквивалентные словосочетания более устойчивы, так как данное значение дательного падежа в этой позиции уже обособилось от других типов значения и приобрело новое направление. Поэтому они выступают либо целостными единицами (а) либо самостоятельными предложениями (б): а) ҳақынны бэрайин йанут биркә үч [К-1843] — «я дам тебе вознаграждение трехкратно»; б) ағышка иниш — ул эзизкә батығ [К-1073] — «за подъем — спуск, за возвышение — понижение».

Противопоставленными в ДП являются также адресатное и субъектное значения, различны и сферы их реализации. Неразвитость же субъектного значения в МИП тесно связана с нерасчлененностью медиального и страдательного значений в тюркских языках и неразвитостью страдательных конструкций.

При одностороннем рассмотрении синтаксической и семантической функции в падежах из всех случаев функционирования, например, ДП, понятны только два типа значений — I тип, когда падежная форма выступает только в семантической функции, и VIб тип, когда ДП выступает как синтаксический падеж. Однако, если рассматривать ДП при V группе глаголов как синтаксический, то остается необъясненной тенденция к изменению падежной формы объекта при некоторых глаголах V группы, которые по своему лексическому значению предполагают наличие ис-

точника, исходного пункта, причины, или орудия действия (типа қорқ — «бояться», умын — «надеяться», эр — «брезгать», «отворачиваться», қул — «смеяться над...», иймән — «стесняться», «смущаться», қул — «просить», кэзлә — «скрывать» и мн. др.) в языке памятников обнаруживается явная тенденция к сочетанию не с ДП, а с местно-исходным (или исходным) падежом: ср.: халқдын кэзлә [К-3192] и халққа кэзлә [К-3193] — «скрывать от народа»; хайрыдын ум — [К-4954] — «надеяться на его добро», фазлына ум [К-3608] — «надеяться на его милость», мәниңдин эр [К-1157] — «отворачиваться от меня», эрәжкә эр [К-1113] — «отворачиваться от наслаждения» и др. У глаголов верования и убеждения, которые предполагают адресатный объект (ср.: байатқа йүкүн — «молиться, поклоняться богу»), такое явление не наблюдается.

Такая тенденция в языке памятников XI—XII вв. объясняется тем, что редко употребительные, реализующиеся в специальном контексте типы значения ДП (II группа значений этого падежа), являются широко распространенными для МИП (I группа значений МИП). Языковая система на основании общей закономерности диалектического единства семантической и синтаксической сторон в управляемых и управляющих элементах передала те редкие значения ДП, которые были идентичны значениям МИП и которые вступали в противоречие с широко распространенными типами значений дательного падежа, местно-исходному падежу. Следовательно, даже в сильноуправляемой позиции падеж не утрачивает полностью свою семантическую функцию, а частично нейтрализует ее.

Таким образом, в тюркских языках не может быть однозначного разграничения семантической и синтаксической функций в падежах. В тюркских падежах синтаксическое и семантическое находятся в диалектическом единстве.

С синтаксической и семантической сторонами в падежах тесно связано их обстоятельственное и объектное функционирование¹⁰, что наиболее отчетливо проявляется в I и VIб, IVв типах значения. В зависимости от синтаксических и лексических условий их реализации они выступают то в одном значении, то в другом (ср.: III тип значений ДП и МИП, когда сосуществование обстоятельственного и объектного значений неоспоримо).

На основании сказанного выше можно заключить, что семантическая и синтаксическая стороны в падежах находятся в диалектическом единстве — некоторое ослабление (универсализация) одной стороны вызывает усиление (специализацию) другой. Ясные, четкие случаи противопоставления семантического и синтаксического (или обстоятельственного или объектного) функционирования падежей представляют собой речевые явления, искусст-

¹⁰ О спорных моментах разграничения этих двух членов предложения см. [26; 197].

венно, метафизически оторванные от языковой системы значений этих форм.

Исходя из особенностей функционирования ДП и МИП, можно определить и место собственно местного падежа — форм с аффиксом **-да/-та** в тех типах значений, когда они не могут быть заменены аффиксом **-дын/-дан**, т. е. при реализации I типа значений — значений локализации/сосредоточения. Собственно-местный падеж объектными типами значений не обладает, в языке памятников, как и орудный падеж, он выступает как падеж только с обстоятельственными типами значений.

Орудный падеж. Орудный падеж (ОрП) выделяется особо в языке памятников: им не управляет ни один глагол, нет явных доказательств того, что между основой слова и показателем ОрП (афф. **-/-н**) могут находиться другие словоизменительные аффиксы (форманты принадлежности и числа).

Наиболее распространенное значение ОрП — обозначение орудия или средства действия: оқун урды [К-5567] — «[мир] ударил стрелой», ажунда жавы барды эзгү дуьан [К-1663] — «благодаря добрым молитвам слава о нем пошла [по всему] свету». Однако в XI в. наблюдается явная тенденция к обозначению орудия или средства действия конструкцией с послелогом бирлә: тилин йарлықарда өгүн бирлә аң [К-3960] — «когда [бек] говорит языком, ты внемли умом». Сравнительно редко ОрП обозначает место или время: нэкү сөзләгүси қазашы көзүн [К-3862] — «о чем будет говорить родственнику в глаза», қар... қышын инәр [II, 237] — «снег падает зимой».

Из этого следует, что по своим типам значения ОрП неоппозитивен остальным падежам — он дублирует отдельные значения ДП и МИП. Поэтому можно полагать, что уже в XI в. ОрП вышел из падежной системы и стал полунаречным образованием — падежом только с семантической функцией.

В языке «Кутадгу билиг» и «Дивана» аффикс **-/-н** имеет другую, довольно распространенную функцию; он может присоединяться к именам и качественным прилагательным, определяющим глагол: акрун... сэвингил [III, 372] — «меньше [тише] радуйся», созләсәләр азын [К-5758] — «если будут говорить мало».

Это явление связано со стремлением аффикса **-/-н** к приобретению синтаксической функции качественного определителя глагола, что привело бы к формальному различению имен и наречий, к его новой синтаксической функции. Однако этому препятствовала формальная нерасчлененность имен и наречий, допускаемая системой частей речи в тюркских языках. Поэтому уже в XII в. в языке «Хибатул хакайик» такое явление встречается реже. Это еще раз доказывает, что для существования падежной формы в падежной системе необходимо сосуществование в нем семантической и синтаксической сторон.

Рассмотрение функционирования падежей в языке восточно-тюркских памятников позволяет сделать следующие выводы:

Внутрикатегориальные противопоставления падежей в пределах своей группы основываются не на одном (инвариантном) признаке, а на разнородных критериях. Поэтому в пределах своей группы взаимно противопоставленными являются отдельные функции (отдельные типы значения) падежных форм (см.: табл. 8, 9) и различные противопоставления соотносительных функций.

Основания противопоставления соотносительных функций падежей могут быть как семантическими, так и синтаксическими. В синтаксически одинаковых условиях противопоставление падежей основано на семантических признаках, а семантически идентичные типы значения реализуются в синтаксически различных позициях.

Чем отчетливее синтаксические позиции противопоставления отдельных функций падежных форм, тем более обобщенный (абстрагированный) характер носят признаки их семантического противопоставления, и наоборот — чем ярче противопоставлены отдельные функции падежей по семантическим признакам, тем менее конкретизированы синтаксические позиции их реализации.

Таким образом, семантическая и синтаксическая функции падежей находятся в диалектическом единстве, ослабление (нейтрализация) противопоставления коррелятивных форм по семантическим признакам компенсируется усилением их синтаксической противопоставленности, и наоборот.

Поскольку оппозиции соотносительных функций взаимно противопоставленных падежных форм базируются на разнородных критериях, каждая из падежных форм не является внутренне единой и свести все частные случаи ее проявления к какому-нибудь единому (инвариантному) признаку невозможно.

В разнообразных функциях каждой падежной формы сосуществуют как элементы роста (развивающиеся типы значения и функции, например, субъектное значение и сильное управление в МИП, функция IV в ВП и РП), так и реликты прежних состояний (устаревшие элементы и функции — ср.: функции II, III в ВП и РП; тенденция к утрате объектных значений в аффиксе *-да/-га*, переход нерасчлененных источникo-причинных типов значений от объектов в ДП к объектам в МИП и др.).

Противоречие между элементами роста и реликтами прошлого разрешается либо обособлением отдельных типов значения, либо ослаблением роли (и постепенным устранением) признаков противопоставления отдельных функций коррелятивных форм.

Оппозиции падежей

Если рассмотреть категорию падежа как единицу микросистемы средств выражения синтаксической связи в языке, то самостоятельные случаи функционирования падежа в позиции сказуемого, когда он не служит для выражения синтаксической связи и выполняет семантическую функцию (ср.: йаруқлуқ азыңа ту-

пур [К-5056]) остается за пределами этой категории. Однако, в позициях зависимого функционирования падежные формы сохраняют, с некоторыми изменениями, те типы значения, которые могут реализовать в самостоятельных позициях. Это является следствием диалектического характера единства их семантической и синтаксической функций. Поэтому оппозиции падежей должны основываться на синтаксических и семантических признаках [см.: 123, 89—91].

По семантическим признакам различные функции падежей I и II групп образуют эквиолентные оппозиции [см. табл. 8, 9].

Синтаксические оппозиции падежей как единиц категории падежа могут быть определены только тогда, когда будет рассмотрена синтаксическая сущность категории падежа как единицы (элемента) системы средств выражения синтаксических связей¹¹.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Семантическая функция принадлежности

Формы принадлежности в языке восточнотюркских памятников образуются с помощью общетюркских показателей [см.: 94; 234; 259]; атың [К-5986] — «твое имя». Категория принадлежности неразрывно связана с категориями лица и числа, поэтому все аффиксы принадлежности выражают одновременно значение лица и числа, которые могут существовать и вне категории принадлежности (ср. личные местоимения, лицо/число в предикативных формах глагола, число у имен). Сущность самой категории принадлежности может быть вскрыта только при отвлечении от тех особенностей функционирования аффиксов принадлежности, которые связаны со спецификой употребления и со значениями категорий лица и числа.

В семантическом плане категория принадлежности характеризуется многообразием значений ее форм в их конкретных проявлениях. Еще более разнообразны семантические взаимоотношения компонентов притяжательных словосочетаний, именуемых изафетом [см.: 179; 54а; 69, 106—123; 67].

В семантическом аспекте аффиксы принадлежности служат для выражения самых разнообразных партитивно-притяжатель-

---

¹¹ Следует еще раз подчеркнуть, что если под семантической стороной падежа понимать то дополнительное значение, которое сообщается падежной формой помимо осуществления синтаксической связи слов и сигнализации зависимости одного слова от другого, то по отношению к синтаксической функции категории падежа такое дополненное содержание, сообщаемое, например, формой винительного падежа при реализации функции III и заключается в том, что зависимое слово является именем (именной формой) зависит от переходного глагола, по отношению к управляющему слову зависимое слово расположено дистантно, несмотря на то, что, с точки зрения грамматики, они являются синтаксическими, выступают как семантическая (дополнительная информативная) стороны этого падежа.

ных (при именах) и лично-субъектных (при причастных) значений.

Семантические отношения значений конкретных форм принадлежности и притяжательных словосочетаний зависят от особенностей значений лица, числа, определенности/неопределенности, падежных форм (с которыми сочетаются слова с аффиксами принадлежности), лексических значений сочетающихся слов и др. Например, словоформа «ҕамым» в зависимости от контекста может быть истолкована двояко: забота, которую проявляют по отношению к себе (ҕамымны йэдим — «я позаботился о себе»); забота, проявляемая другим, по отношению ко мне (йэдиң... ҕамым [К-1557] — «ты позаботился обо мне»).

Семантическое многообразие притяжательных форм и словосочетаний побудило некоторых исследователей рассматривать данную категорию как одно из средств выражения синтаксических отношений (Е. И. Убрятова [270]; М. Б. Балакаев [33]; В. А. Аврорин [15] и др.), или как средство трансформации предикативных отношений в атрибутивные (Н. А. Баскаков [41; 42; 103]).

Синтаксическая функция принадлежности

Синтаксическая функция аффиксов принадлежности заключается в том, что они указывают на отнесенность слова к мыслимому (а), или выраженному (б) лицу, к подлежащему (при совпадении лиц подлежащего и аффиксов принадлежности) (в), к какому-нибудь предшествующему слову в составе предложения (г), к предшествующему слову в составе словосочетаний (изафет II и III) (д), известному участникам речевого акта из предшествующего акта коммуникации лицу или предмету (е), к предшествующему контексту (ж): а) атаң [К-5663] — «твой отец»; көлүм [III, 151] — «мое озеро»; б) мэңиң атым [К-715] — «мое имя»; в) сөзүм оғлума сөзләдим мэн [К-183] — «я изложил свои слова своему сыну»; г) замананны йырма кишисини йыр [X-204] — «не ругай свою эпоху, ругай людей [этой эпохи]»; д) йағысы эли [К-2991] — «страна своего врага»; Айтолдының... ичи [К-1101] — «живот Айтолды»; қарақуш оңи [К-3861] — «беркутовый (темный) цвет»; е) қылықы жафа-ул қылынчы отун [К-6001] — «проделки [мира] — жестокость, поведение его дурное»; ж) сэниндин айтға йарын бир байат жавабы анутғыл [К-5157] — «завтра (в день страшного суда) единственный господь спросит у тебя, приготовь ответ к этому».

Возможность отнесения к «предшествующему» делают аффиксы принадлежности одним из основных средств выражения семантической актуализации имени [145, § 131], охватывающим не только имена, но и местоимения (а), числительные (б) и другие слова [146, § 93]: а) эсизкә сөкүш эзгү өгди булур өзүна бақа

кӧр қайусын қулар [К-236] — «за дурное — брань, за добро — хвала, посмотри на себя, которое из них ты хочешь»; б) үчи йазқы йулдуз учи йайқы бил [К-138] — «знай: трое [из двенадцати созвездий] весенние звезды, трое — летние».

Как средство выражения определенности аффиксы принадлежности часто утрачивают партитивно-притяжательные значения: тиләмиш тиләгин билиглиси йоқ йорытур қазасын тызығлысы йоқ [К-3820] — «нет [человека] знающего желания [бога], [он] вершит судьбами, нет останавливающего его»; сӧзингә бақа кӧрсә маңны тӱз-ул [К-2078] — «если вникнуть в эти (вышесказанные) слова (а не в его слова!), то смысл их верный».

В языке памятников аффиксы принадлежности могут иметь и значение генерализации: ӧлӱмдин қутулғу йәри йоқ билин [К-1453] — «знай себе: нет никакого места, где можно было бы скрыться от смерти».

Во всех рассмотренных примерах синтаксическая сущность категории принадлежности сводится к выражению отнесенности слова к предшествующему. Если это предшествующее выражено эксплицитно и вступает в синтаксическую связь со словом с аффиксом принадлежности примыканием (локализацией) или в форме родительного падежа, образуются словосочетания второго и третьего типов тюркского изафета, в чем отчетливо проявляется синтаксическая сущность категории принадлежности как средства обозначения отнесенности слова к предшествующему при сохранении, а также при полной или частичной нейтрализации выражения партитивно-притяжательных значений. При обозначении семантической актуализации имени аффиксы принадлежности чаще всего сохраняют партитивно-притяжательные отношения и связаны с функцией обозначения отнесенности слова к предшествующему, но в крайних точках такого функционирования (например, при выражении генерализации) они утрачивают эту связь и выступают как показатели определенности.

Аффиксы принадлежности как синтаксическое средство связи слова с предшествующим, не осложненное партитивно-притяжательными значениями, наиболее ярко выступают в специальном типе определительных словосочетаний, где определяемое с предметным значением предшествует определению с аффиксом принадлежности («перевернутое определительное словосочетание»): кэзик тағы [К-6336, 6379] — «горная дичь» (а не «гора, изобилующая дичью»); ҳажиб қуты [К-514] — «счастливый хаджиб»; қатун қуты [I, 357] — «счастливая женщина»; элиг қуты [К-1378] — «счастливый правитель»; элиг алтуны [КБ-3100] — «Его величество (букв. золотой) правитель» (обращение к Кунтоғды); сӧз сағы [XX-67] — «праведное слово»; сӧз ... чыны [К-1364] — «истинное слово», тайған йӱгрӱги [III, 190] — «гончий пес»; кӧңли тӱзи [К-3952] — «чистосердечный». Эти словосочетания по своему значению аналогичны определительным словосочетаниям с препозитивным определением, т. е. кэзик тағы = тағ кэзи-

ги, элиг қуты=қутлуғ элиг, сөз чыны=чын сөз и т. д. Такие «перевернутые» определительные словосочетания не получили дальнейшего развития в тюркских языках¹². Это связано с тем, что, во-первых, постпозитивное место определения не характерно для тюркских языков [69, 59—61; 42, 115]¹³, во-вторых, модель типа кэзик тагы обладала широкораспространенным типом значения — значением выделительности, которое основывалось на синтаксическом признаке отнесенности слова к предшествующему, семантическом факторе обозначения целого (предшествующее) и части (последующее), что соответствует распространенной системе продуктивных значений притяжательных словосочетаний в тюркских языках; киши эзгүси [К-1543] — «добрый (лучший) из людей». Путем устранения нового значения («хороший человек») и усилением старого, системно допускаемого («лучший из людей»), языковая система преодолела наличие противоположных значений в одной и той же модели. В результате данная модель стала служить не только для выражения партитивных отношений, но и для усиления качественного значения существительного и прилагательного: кишиләр кишиси [К-2834] — «человечный человек», эрәнләр эри [К-4379] — «муж мужей»; эрән алпы [III, 192] — «богатыри-мужчины». Однако насколько была сильна в XI в. тенденция к утверждению словосочетаний типа кэзик тагы (горная дичь) можно судить по тому, как в этих словосочетаниях аффиксы принадлежности указывают на определительный характер -таг (гора) по отношению к предшествующему определяемому кэзик (дичь) и адъективизируют значение второго компонента (ср.: элиг қуты-қутлуғ элиг).

Аффиксы принадлежности, наряду с синтаксической функцией отнесения к «предшествующему» обладают и противоположной функцией — отнесение к последующему. Она выступает чаще всего в двусоставных предикативных оборотах [см.: 146; § 543; 150; 114; 120], являющихся определением к последующему целому: тили бош киши [X-69] — «болтливый человек», «болтун»; тили йалған эр [X-79] — «лживый мужчина», «лжец»; эги йэтмиш эр [К-1715] — «мужчина со зрелым умом», «зрелый человек».

Такие словосочетания должны были вступать в противоречие с оборотами типа эр (ниң) тили йалған — «слова мужчины лживые», так как в наиболее распространенных типах своего функционирования аффиксы принадлежности указывают на отнесенность слова к «предшествующему» — (эр тили), а в оборотах типа тили йалған эр они выполняют противоположную функцию — обозначают отнесенность предшествующего слова (части) к последую-

¹² Реликты этого явления сохраняются до сих пор в турецком языке. Ср.: словосочетания типа Ahmet Zavallisi «бедняга Ахмед», анализированные С. С. Майзелем [179, 174] и С. Н. Ивановым [120, 29—30].

¹³ Постпозитивное определение допускается в тюркских языках в редких случаях. Например, имя собственное Ойсулув, приложения типа узб. темирчи Карим/Карим темирчи «кузнец Карим» и др.

шему (целому). В оборотах подобного типа нейтрализуется синтаксическая сущность аффиксов принадлежности как средства выражения отнесенности к предшествующему и проясняется выражение партитивных отношений.

В языке изучаемых памятников такие обороты немногочисленны, даже в тех случаях, когда их предикат выражен причастием. Поэтому роль этих оборотов в языке XI—XII вв. была незначительна. Однако в последующей истории тюркских языков «причастия становятся... преимущественным средством выражения предикативного члена в оборотах этого типа» [114, 192].

Таким образом, противоречие между синтаксическими функциями «отнесенности к последующему» и «отнесенности к предшествующему» устраняется закреплением функции «отнесенность к последующему» за определенным типом атрибутивных оборотов, в пределах которого она и развивается.

Подытоживая рассмотрение синтаксической сущности аффиксов принадлежности при именах, можно заключить, что их основная синтаксическая функция — обозначение отнесенности слова к предшествующему. Другая синтаксическая функция — указание отнесенности слова к последующему, проявляется в ограниченной сфере — в оборотах с «перевернутым изафетом» (термин А. Н. Кононова) и поддерживается семантическими отношениями целого и части.

Синтаксическая сущность функционирования аффиксов принадлежности при причастиях почти не отличается от их функции в составе имен — и в том, и в другом случае они выражают отнесенность слова к «предшествующему», а особенности причастных оборотов основываются, главным образом, на способности глагола быть распространенным другими словами.

Различия в семантическом плане в функционировании аффиксов принадлежности в составе имен и причастий заключаются в том, что аффиксы принадлежности обозначают лицо/число посесивного строя. Почва для перехода аффиксов принадлежности в аффиксы лица заложена в самой семантической и синтаксической сущности этих показателей, так как, во-первых, в них наряду со значением принадлежности синтезировано выражены и значения категорий лица и числа, во-вторых, их синтаксическую сущность составляет функция указания отнесенности слова к предшествующему, а лицо/число в предикате являются средствами отнесения предиката к предшествующему, т. е. к субъекту.

Таким образом, аффиксы принадлежности при именах и причастиях выражают отнесенность слова к предшествующему. Различаются они, в основном, семантически: при именах выражают партитивно-притяжательные отношения, при причастиях трансформируются в лично-субъектные.

Между этими различными категориями тюркской грамматики имеется много общего. Их семантический и синтаксический аспекты находятся в диалектическом единстве.

Соотношение категорий падежа и принадлежности

Между этими различными категориями тюркской грамматики имеется много общего. Их семантический и синтаксический аспекты находятся в диалектическом единстве.

Семантику падежных форм составляют признаки определенности/неопределенности, контактности/дистантности словоформы, принадлежности управляемой словоформы или управляющего элемента к определенной части речи — в винительном, основном и родительном падежах; дополнительные характеристики объекта (объект-адресат, объект-источник) и обстоятельства (место, время, причина, цель и т. д.) в формах дательного и местно-исходного падежей.

Формы принадлежности обозначают различные партитивно-притяжательные значения.

Синтаксическая сущность категории принадлежности заключена в широко распространенной функции обозначения отнесенности слова к «предшествующему». Выражение отнесенности словоформы к «последующему» составляет синтаксическую сущность категории падежа.

С обозначением отнесенности к «предшествующему» и «последующему» связана семантическая функция категорий падежа и принадлежности — указание на положение словоформы в словосочетании, сообщаемое формами этих категорий. Поскольку зависимый и главный компоненты словосочетания в тюркских языках расположены по порядку, т. е. зависимый («предшествующий») и главный («последующий») компоненты, категория падежа указывает на зависимость падежной словоформы от «последующего», а категория принадлежности — на ведущее положение словоформы с аффиксом принадлежности в словосочетании. Однако для реализации семантической функции зависимости/независимости необходимо, чтобы «предшествующее», для форм принадлежности и «последующее» для падежных форм были связаны с этими словоформами.

Если слово, к которому аффикс принадлежности относит как к «предшествующему» другое имя, вступает в синтаксическую связь с принадлежностной словоформой, то реализуются синтаксическая и семантическая функции категории принадлежности и образуются именные (часто атрибутивные, реже объектные) словосочетания: билиглиг сөзи [К-5120] — «слово знающего», кишиниң усы [К-1151] — «сон человека»; йигә дарманы [X-25] — «средство от болезни». Если же «последующее» для падежных словоформ вступает в синтаксическую связь с ними, то образуются именные атрибутивные (билиглиг сөзи [К-5120]), объектные (йигә дарманы [X-25]) и глагольно-именные словосочетания (өлүкләрни тиргүзмәк [XX-10] — «воскресить мертвых»; рахматыңдын умармән [X-1] — «я надеюсь на твою пощаду»).

Если «предшествующее» для слов с аффиксами принадлеж-

ности не вступает в синтаксическую связь со словоформой, то словосочетание не образуется и аффиксы принадлежности обозначают отнесенность данного слова к предшествующему контексту, или слову в составе предложения, к определенному лицу и служат для выражения значений определенности и партитивности притяжательности. Следовательно, в этой позиции не реализуется парадигматическая семантическая сторона категории принадлежности, а выступает семантическая сторона форм принадлежности — выражение партитивно-притяжательных значений.

Если же при падежных формах «последующее» не вступает в синтаксическую связь с ними (употребление падежных форм в позиции детерминирующего члена предложения), то падежная форма обозначает отнесенность и зависимость словоформы от предложения в целом, центр которого находится справа от падежной формы (т. е. является «последующим»).

Такая особенность форм принадлежности и падежа говорит о том, что в строе предложения первые выступают как самостоятельные (независимые), а вторые, в основном, как зависимые (кроме основного падежа в позиции подлежащего, дательного, местоисходного и родительного — в позиции сказуемого). Таким образом, связь компонентов этих словосочетаний является двусторонней — падежная или притяжательная форма, с которой «последующее» (для падежных форм), или «предшествующее» (для форм принадлежности) не вступает в синтаксическую связь, не образует словосочетания (ср.: падежная форма в позиции детерминирующего члена предложения и форма принадлежности без «предшествующего»). Для образования словосочетания в форме принадлежности зависимый компонент («предшествующее»), а в падежных формах главный компонент («последующее»), должны вступать в синтаксическую связь с ними.

Синтаксическая связь «предшествующего» со словоформой с аффиксами принадлежности выражается:

локализацией¹⁴ — т. е. зависимый компонент в форме основного падежа строго локализуется перед главным: гарыблук йэри [К-467] — «чужбина», тил бэзәги [X-80] — «украшение языка», ақылар башы [К-2769] — «глава щедрых»;

формой родительного падежа: эрниң җашматы [К-2423] — «величие мужчины», кэйикниң ... башы [III, 165] — «рана дичи»; формами других падежей: достта бири [X-191] — «один из друзей», йигә дарманы [X-25] — «средство от болезни».

Двусторонность связи компонентов таких словосочетаний отчетливо видна при сочетании зависимого слова с главной формой родительного падежа.

При изменении формы «предшествующего» сущность синтаксического взаимоотношения компонентов не меняется, семантика словосочетания, которая зависит от семантической стороны каждого компонента несколько изменяется.

¹⁴ О локализации и ее отличиях от примыкания см.: [185].

Синтаксическая связь «последующего» с падежной словоформой осуществляется при помощи валентности (способность к сочетанию с теми или иными формами) управляющего слова (в глаголах и некоторых именах), или его грамматической формы (при именах с аффиксами принадлежности).

Как известно, валентность тюркского слова указывает на возможные типы «предшествующих» словоформ, раскрывающих лексическое значение данного слова [см. 281а].

Следовательно, словосочетания, образованные при помощи форм падежа и принадлежности — результат диалектического взаимодействия противоположно направленных синтаксических функций компонентов словосочетания и их грамматических форм. В таком же диалектическом единстве находятся семантические стороны грамматических форм этих словосочетаний.

В словосочетаниях с винительным прямого объекта (типа *söz sızla* — [К-1285] — «произносить слово», *teñizni bök* — [I, 120] — «перекрывать, запружать море»), на первый взгляд, соединение семантических сторон падежа и глагола невозможно, так как известная в тюркологической литературе семантическая сторона винительного падежа (определенность имени) к взаимосвязи словосочетаний рассматриваемого типа никакого отношения не имеет. Но, как было сказано, в языке изучаемых памятников заметна явная тенденция развития противопоставления основного, винительного и родительного падежей как форм подлежащего, прямого дополнения и изафетного именного определения. Даже при таком, чисто синтаксическом противопоставлении показатели винительного и родительного падежей не утрачивают дополнительную информативную способность (семантическую функцию) — показатель винительного падежа указывает не только на зависимость одного слова от другого, но и на то, что данная именная форма зависима от переходного глагола. То, что в *sözge sızla* — категориальные значения *sızla* — переходность и глагольность соединяются с семантической функцией винительного падежа (зависимость имени от переходного глагола), не вызывает никаких сомнений.

Синтаксическая функция выражения отнесенности слова и семантическая функция сигнализации зависимости/независимости в категориях падежа и принадлежности являются диалектическими, противоречивыми. Противоречивость этих функций в категории принадлежности проявляется в противоположной функции — выражение отнесенности к «последующему», которая реализуется в оборотах типа «перевернутый изафет» и поддерживается семантической стороной форм принадлежности — партитивно-притяжательными значениями.

Такая же функция, противоположная основному синтаксическому значению падежей (выражению отнесенности к «последующему»), имеется и в падежах. В винительном и родительном падежах она проявляется при выражении этими падежами опре-

деленности, т. е. отнесенности к «предшествующему». В местно-исходном и дательном падежах такая противоположная функция выступает в этих падежных формах, находящихся в самостоятельной позиции, т. е. в позиции сказуемого: йаруқлуқ азынқа турур [К-5058] — «свет — для других». Здесь синтаксическая и семантическая сущность категории падежа (отнесенность к «последующему», сигнализация зависимости) полностью нейтрализуются — падежная форма как сказуемое становится независимым главным членом предложения, а все остальные относятся к нему. В позиции сказуемого более наглядно выступает семантическая сторона падежной формы (адресатно-целевые значения для дательного, выделительно-причинные — для местно-исходного падежей). В этой позиции, поскольку нейтрализуется синтаксическая и семантическая функции категории падежа, снимается и противопоставление падежей как элементов единой парадигмы, и формы с аффиксами -қа/-ға и -да/-дын выступают с собственным, несинтаксическим значением (подобно формам числа, времени др.). Падежи в позиции сказуемого не являются синтаксическими, не выполняют падежную синтаксическую функцию и не имеют падежного синтаксического значения. Однако диалектика связи семантического и синтаксического в падежах заключается в том, что только в позиции сказуемого падежная форма в чистом виде реализует те типы значений, которые он может иметь в различных группах управляющих слов. Следовательно, позиция полной нейтрализации синтаксической функции является позицией полной реализации семантической функции. Таким образом, семантическая и синтаксическая функции в этих формах находятся в диалектическом единстве — нейтрализация синтаксической функции компенсируется усилением семантической.

Аналогичное по сущности явление наблюдается при нейтрализации семантического фактора. При нейтрализации партиитивно-притяжательных значений в аффиксах принадлежности они не служат для образования словосочетаний, не указывают на независимость словоформы, а выражают только определенность имени, т. е. выполняют функцию идентификации с «предшествующим», или имеют генерализирующее значение.

Частичная нейтрализация с семантической стороны в дательном падеже при глаголах V группы в языке памятников приводит к семантически нерелевантному вариативному управлению (типа аца қорқ-/андын қорқ — «бояться его»), когда наиболее ярко выступает синтаксическая функция падежа. Именно частичной нейтрализацией семантической стороны отдельных падежных форм объясняются и другие семантически незначимые случаи вариативного управления типа эсиркә + вин. п./эсиркә + дат. п. [I, 286] — «жалеть», «сожалеть», сөк- + дат. пад. [К-3500]/сөк- + вин. пад. — «ругать», ат- + дат. п. [II, 318]/эт- + вин. п. [III, 414] — «достигать», аз- + исх. п. [I, 170]/аз- + вин. п. [I, 184] — «заблуждаться» и др. В таких позициях семантическая сторона отдельных

падежей нейтрализуется, а выступает синтаксическая сторона категории падежей, которая проявляется одинаково у всех падежей и по отношению к которой все падежи одинаковы.

Одна из позиций нейтрализации семантической функции падежей — позиция локализации, т. е. контактное расположение зависимого компонента перед главным. Поскольку, как справедливо писал Э. Сепир, «наиболее основным и наиболее могучим изо всех связывающих методов есть метод порядка последовательности» [239а, 86], в позиции локализации семантическая функция категории падежа (сигнализация зависимости от «последующего»), и семантическая функция отдельных падежных форм (выражение отнесенности к имени или глаголу, причинно-целевых, адресатно-источниковых значений) могут нейтрализоваться, и слово выступает в нейтральной номинативной форме — в форме основного падежа¹⁵: ажун чықар [I, 397] — «уходит из мира», түшкүн қопарсан [К-1373] — «ты уйдешь из [временного] пристанища»; боғаз алыб [II, 31] — «схватив за горло». Видимо, с нейтрализацией семантической функции винительного и родительного падежей связано известное в истории тюркских языков употребление винительного вместо родительного: эриг азақы [II, 18] — «нога мужчины».

Таким образом, в формах и категориях падежа и принадлежности следует различать семантическую и синтаксическую стороны, которые находятся в диалектическом единстве.

Оппозиции категорий падежа и принадлежности по синтаксическим функциям можно представить как привативную оппозицию «отнесенность к последующему». В этой оппозиции категория падежа является сильным (маркированным) членом, а категория принадлежности — слабым (немаркированным). Это связано со следующими явлениями.

В формах принадлежности основной функцией является выражение отнесенности к «предшествующему», но наряду с ней имеется специализированная функция — выражение отнесенности к «последующему». Следовательно, категория принадлежности, в целом, нейтральна по отношению к дополнительному признаку отнесенности — к «последующему» или к «предшествующему».

В падежных формах не только в зависимой, но и в полузависимой позиции, когда они не входят в состав словосочетаний и выступают детерминирующими членами предложения, сохраняется признак отнесенности к «последующему». Когда же этот признак исчезает (в позиции сказуемого), падежная форма выходит из парадигматического ряда синтаксической категории падежа и реализует свое собственное, досинтаксическое значение, т. е. перестает быть падежом как средство синтаксиса. Следовательно, не трансформируясь в нечто иное, падеж как синтаксическая ка-

¹⁵ В этой позиции реализуется, видимо, древнейшая оппозиция внутри падежей I группы по функции I (местоименность/неместоименность управляемой формы).

тегория не может терять признак отнесенности к «последующему» и этот признак является маркированным в категории падежа и обязательно проявляется в функционировании конкретных падежных форм.

Другой ряд оппозиций категорий принадлежности и падежа основывается на признаках зависимости/независимости словоформы. В данной оппозиции по признаку «независимость» категория принадлежности является маркированной, а категория падежа — нейтральной. Это связано с особенностями этих категорий.

Формы категории принадлежности как в составе словосочетания, так и в составе предложения всегда являются независимыми от «предшествующего», даже в сочетаниях типа тили йалган эр [X-79] — «лгун». «мужчина, слова которого лживы» словоформа тили не зависит от эр, а выступает как один из главных членов предикативной группы тили йалган.

Категория падежа является нейтральной по отношению к признаку «независимость словоформы», так как падежные формы выступают не только в зависимых и полузависимых позициях, но и в позиции главных членов предложения, т. е. в самостоятельных позициях. С этим связано и функционирование основного падежа в качестве подлежащего. Форма основного падежа при подлежащем указывает на отнесенность данного слова к центру предложения — к сказуемому (т. е. в основном падеже сохраняется маркированный признак категории падежа — выражение отнесенности к «последующему»), но не означает его зависимость от сказуемого. Поэтому, когда в основном падеже выражено прямое дополнение или изафетное определение, языковая система привлекает такой метод выражения зависимости, как контактное расположение зависимого и главного компонентов словосочетания.

В категории принадлежности маркированный признак «независимость» позволяет широко употреблять формы этой категории без «предшествующего», что не свойственно падежным формам. Этим же объясняется и стремление к обособлению, лексикализация словосочетаний типа көзи ач — «алчный». В сочетаниях типа тили йалган эр, хотя внутри предикативной группы словоформа тили выступает в качестве одного из главных частей, оборот является зависимым от определяемого; это противоречит природе форм принадлежности. Поэтому простейшие типы таких оборотов легко лексикализуются, а в развернутых оборотах с причастным предикатом слово с аффиксом принадлежности получает падежную форму, чем и выражает свою зависимость от «последующего» причастия (например, узб. бўйинларига қунғироқлар о силган туялар ўтади — «проходят верблюды, на шею которых повешены колокольчики» [146, § 543]).

Среди именных категорий падеж и принадлежность как «относящие» (характеризующие слова с функциональной стороны) противопоставляются репрезентативным категориям числа и определенности/неопределенности, категориям, вводящим имя в предложе-

ние, среди средств выражения синтаксической связи падежи, послелоги, действия которых ограничиваются рамками словосочетания и предложения, противостоят союзам и формам принадлежности, сфера действия которых может выходить за рамки одного предложения.

В тюркском имени функционально-синтаксические категории принадлежности и падежа противостоят классифицирующей — морфологической категории числа имен существительных. Существенное различие между ними заключается в том, что первые при реализации их семантической и синтаксической функций не закреплены за отдельными частями речи, а свойственны определенным синтаксическим функциям — членам предложения или частям словосочетаний, а вторая характеризует особую часть речи независимо от ее синтаксической реализации. Общность между этими двумя типами грамматических категорий проявляется в их внутренней двойственности, которая проявляется в диалектическом единстве семантической и синтаксической функций, а в категории числа — качественной и количественной характеристик имени. Это не значит, что категории числа не свойственна синтаксическая функция: «все грамматические категории наполнены сложным синтаксическим содержанием» [123, 76]. Однако в одних категориях синтаксическое начало выступает отчетливо, составляет сущность этих категорий, а в других оно скрыто и проявляется при анализе широких контекстов, далеко выходящих за пределы одного предложения.

Глава третья

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛА

В языке восточнотюркских памятников XI—XII вв. глагол наиболее развитая часть речи. От остальных групп слов он отличается специфическими маркированными морфологическими и семантическими признаками. Глагол в тюркских языках обладает развитой системой функциональных форм, категориями залога, наклонения, времени, лица/числа. Для реализации в речи тюркский глагол должен иметь показатель одной из функциональных форм. Таким образом, функциональные формы являются категорией, обеспечивающей функционирование глагола в речи и осуществляющей его связь с другими словами в составе предложения (словосочетания). Функциональные формы глагола объединяются в две условно выделяемые группы — в группу предикативных и непредикативных форм, которые различаются исключительно синхронно-функционально. В диахроническом плане предикативные и непредикативные формы в тюркских языках не различаются и переходят друг в друга. Для предикативных форм характерно выражение абсолютного времени, отношение действия к действительности и к участникам речевого акта; непредикативные формы глагола — нейтральны по отношению к выражению этих значений и отношений.

Как известно, категории времени, наклонения (модальности) и лица/числа, в целом, выступают не как морфологические категории глагола, а как категории сказуемости, и значение этих категорий находит свое обязательное выражение во всех словоформах, выступающих в позиции сказуемого. Однако особенности глагола и диалектический характер единства его морфологических категорий и синтаксических категорий сказуемости проявляются в специфике морфологических форм, выражающих значение категорий предикативности. Поэтому предикативные формы глагола в реализации категорий предикативности и при именах играют решающую роль. Например, предикативный глагол эр-, признаками «процессуальность» и «залог» (т. е. теми признаками, на основании которых глагольная лексема противопоставляется лексемам других частей речи) не обладает, но

может принимать показатели предикативных категорий глагола (времени, наклонения, лица/числа) и вводить именное сказуемое.

Если предикативные формы служат для обеспечения взаимосвязи глагола-сказуемого с подлежащим, то непредикативные формы связывают глагол с другими словами внутри предложения и в определенной мере зависят от главного члена предложения — сказуемого.

Функциональные формы характеризуют глагольную словоформу, а категория залога — глагольную лексему в целом и является общей для всех функциональных форм данной лексики. Поэтому категория залога является морфологическим признаком, отличающим глагол от других частей речи.

Как известно, функциональные формы — это формы одного слова, показатели которых присоединяются только к глагольным основам. Кроме того, глагол в речи мыслится вне какой-либо функциональной формы. Функциональные формы образуют определенную внутреннюю парадигму:

Формы

Категории

кэлмак (кэлиг, кэлиш и т. д.)	имена действия
кэлиб (кэла, кэлмадин, кэлгали и т. д.)	деепричастия
кэлмиш (кэлар, кэлдук... и т. д.)	причастия
кэл! (кэлди, кэлса и т. д.)	формы наклонений

А. И. Смирницкий, обративший внимание на этот факт, писал: «Если исходить из понимания грамматической категории как обобщенной грамматической единицы, выражаемой в регулярном противопоставлении двух или более категориальных форм, то можно предположить, что и регулярное противопоставление в системе глагола личных и именных форм также дает основание для выделения особой категории... и противопоставление личных и именных форм внутри самого глагола можно рассматривать как известную категорию, характеризующую глагол в целом» [247, 246]. Он назвал эту категорию категорией репрезентации (представления) [247, 247].

Категория репрезентации имеет также и обобщенное грамматическое значение проявляющееся во всех ее формах. Обобщенное значение категории репрезентации выражается в осуществлении связи глагола с другими словами внутри предложения, что сближает ее с категорией падежа. В отличие от лексико-грамматической категории залога, которая характеризует глагольную лексему в целом во всех случаях ее реализации, категория репрезентации выступает как функциональная категория и характеризует глагольные лексемы в их определенных функциях.

Рассмотрим особенности каждой из этих форм и категорий глагола тюркоязычных памятников.

Образование залоговых форм. Наиболее продуктивными формантами понудительного залога в языке памятников являются аффиксы **-т, -тур/-тўр/-дур/-дўр**.

Аффикс **-т** присоединяется только к многосложным исходным основам с гласными или с согласным **-р** в ауслауте (а); остальные случаи присоединения этого аффикса к тем или иным основам не определены ни фонетическими, ни грамматическими факторами и носят лексический характер (б): а) бэзўт [К-148] — «возвеличить», «делать великим, большим»; татырт [X-103] — «давать, позволять отведать»; б) сэвўт [К-3511] — «делать любимым».

Аффикс **-тур/-дур** присоединяется к многосложным основам, не имеющим в ауслауте гласных и согласного **р**, к односложным основам типа СГ, ГС, основам типа СГС, (С)ГСС, которые не сочетаются с аффиксами **-/-т-, -/-р, -/-з, -гур/-ғаз, -дуз** и др.: башықтур [X-70] — «ранить»; йэтўр — [К-4119] — «давать есть»; билдўр [К-391] — «обучать», «позволять знать».

Сочетаемость остальных формантов понудительного залога (аффиксов **-/-р, -/-з, -гур, -қаз, -ғут, -дуз** и др.) с глагольными основами никакими правилами не определяется и носит словарный характер.

Образование формы понудительного залога от одного и того же глагола с помощью различных аффиксов объясняется взаимодействием продуктивных и непродуктивных моделей. Например, сэвит [К-2584]; сэвдўр [К-130]; қачыт [II, 346], қачур/қачтур [II, 79, 220].

Формы страдательного залога образуются с помощью аффикса **-/-н-** от основ на гласные и на согласный **л**, от остальных типов основ — с помощью аффикса **-/-л-**: сан [К-259] — «считаться», булун [X-222] — «быть найденным»; тэрил [К-3031] — «собираться»; уқул [К-1189] — «быть понятым».

По свидетельству Махмуда Кашгарского, аффикс **-л** мог присоединяться и к основам с гласными в ауслауте: ат бағышладды [III, 356] — «конь подарен» [см. еще: I, 211; II, 187, 275; III, 356]. В языке «Қутадғу билиг» и «Хибатул Хакайик» такое явление не наблюдается.

Формы возвратного и взаимного залогов образуются соответственно с помощью аффиксов **-/-н-** и **-/-ш-**.

В языке памятников отмечена также форма с пассивно-каузативным (позволительным) значением, образующаяся с помощью аффиксов **-сық/сик-** [см.: 236, 511—512]: арсық [К-2686] — «позволять обманывать себя».

Аффикс **-сық** непродуктивный; как в «Диване», так и в «Қутадғу билиг» он встречается в составе одних и тех же основ (арсық-, урсуқ-, алсық-, бассық-). В «Диване» он встречается еще в составе семи глаголов [см.; 98, 156—158] Махмуд Кашгарский

толкует этот аффикс как вариант аффикса *-/-қ-* [I, 58; II, 134].

О залоговых значениях. В оценке природы залогов глагола мнения исследователей как тюркских, так и других языков резко расходятся. Одни рассматривают залог как морфологическое, другие как синтаксическое явление, нет единства взглядов и в вопросе о месте залога среди словообразовательных и словоизменительных средств [см.: 236, 448—456; 36; 86; 266; 267]. В тюркологии все большее распространение получает трактовка залога как лексико-грамматической категории [236, 550; 272]. Однако не каждый исследователь залогов тюркского глагола задается вопросом, что в залоге является грамматическим (словоизменительным), и что лексическим (словообразовательным).

Принципы разграничения грамматического и лексического значений, содержащихся в диалектическом единстве в залоговых аффиксах тюркских языков, были даны С. Н. Ивановым [119, 121—124]; 112; 115; 116].

В настоящей работе залог понимается как выражение отношения действия к субъекту (подлежащему) конструкции¹. В форме основного залога оно выражается лексическим значением глагола, а в формах косвенных залогов — через характеристику субъекта действия, выраженного исходной основой, и путем преобразования управления исходной основы.

Под лексическим (словообразовательным) значением залога понимается различие в управлении производной и исходной основ [119, 121—122].

Если понятия «субъект действия, выраженного исходной основой» и «различия в управлении производной и исходной конструкций» перевести на уровень синтаксических конструкций, то первое будет соответствовать субъекту (подлежащему) исходной конструкции (т. е. подлежащему предложения, сказуемое которого выражено глаголом основного залога), а второе — служит для различия в качестве и количестве возможных дополнений в исходной и производной конструкциях. При этом необходимо выделить три типа различий в управлении производной и исходной основ — качественное различие; количественное различие; качественно-количественное различие.

Для образования тех или иных залоговых форм деление глаголов на разные семантико-синтаксические группы является релевантным, что подтверждается единым мнением всех исследователей. В языке исследуемых памятников при применении залоговых форм глаголы делятся на следующие группы: переходные/непереходные; переходно-рефлексивные/переходно-нерефлексивные; переходно-результативные/переходно-нерезультативные; непереходно-немедальные/непереходно-медальные.

¹ Здесь и далее термин «субъект (подлежащее)» употребляется условно вместо более точного, но несколько громоздкого «предмет (лицо), динамический признак которого выражается глаголом».

Немаловажен вопрос об обратимости исходной и производной конструкций, который в языкознании остается спорным [см.: 86; 267]. В данной работе исходная и производная конструкции считаются обратимыми если субъект и объект исходной конструкции эксплицитно или имплицитно содержатся в производной конструкции, при отсутствии в них семантических признаков. Поэтому конструкции типа «тавар сатылды» — имущество [кем-то] продано» и «жим эрсä тавар сатты» — «кто-то продал товар» считаются обратимыми — при сообщении (или устранении) специфических значений страдательного залога из одной конструкции может быть получена другая.

Значения понудительного залога. Для выявления значений аффиксов понудительности в языке восточнотюркских памятников является релевантной группировка глаголов по уже указанным семантико-семантическим особенностям. В зависимости от того, к какой группе исходных основ присоединяется аффикс понудительности, он может иметь следующие типы значений — активное, активно-понудительное, адресатно-понудительное, собственно-понудительное.

Глаголы понудительного залога, образованные от медиальных, указывают на активность субъекта (подлежащего) [см.: 37, 339—340; 145; § 393]. Например: элиг бушты артуқ қарартты мэниз [К-615] — «правитель сильно рассердился, сделал хмурым [свое] лицо».

Для выявления значения аффиксов понудительности сопоставим две конструкции: 1) тон öлиди [III, 272] — «одежда промокла»; ул тон öлүтти [II, 220] — «он намочил одежду». В отличие от первой, во второй конструкции субъект (подлежащее) («ул») является активным производителем действия, а прямое дополнение («тон») пассивным объектом, принимающим признак. Сопоставим вышеприведенные конструкции с конструкциями с медиальными и переходно-результативными глаголами: тон қарарды [II, 80] — «одежда стала черной»; ул тонуғ бозуды [II, 276] — «он красил одежду».

Значение активности в аффиксах понудительности является словообразовательным — в этом значении аффиксы понудительности образуют переходно-результативные глаголы от медиальных глаголов, выполняя словообразующую функцию.

Глаголы активно-понудительного значения образуются от непереходно-активных (немедиальных) исходных основ: чыбун ысырса йоганны сочытур [К-3354] — «комар, если ужалит, вспугнет слона».

Действие, выраженное активно-понудительным глаголом относится к субъекту (подлежащему) как к побуждающему (каузирующему). Ср.: мэң қоптум — «я встал» и «ул мэни... қопурды» [II, 75] — «он заставил меня подняться». Обе конструкции обратимы друг в друга по признаку наличия или отсутствия каузации. Глагол активно-понудительного значения управляет новым пря-

«қоп» и «қопур» — больше, чем залоговое. Поэтому глагол «қопурды» относится к «субъекту (подлежащему)» не как к побуждающему, а как к активному.

В зависимости от лексического наполнения конструкций, образуемых глаголами, и реализуемых значений они могут выступать активно-побудительными с залоговым значением (а) и самостоятельной лексической единицей, противопоставленной исходной основе как переходный глагол непереходному (б): а) [эр] аны көчүрди [II, 70] — «мужчина заставил его переселиться»; б) ул битиг көчүрди [II, 79] — «он переписал письмо».

Противоречия в функционировании активно-побудительных глаголов подтверждает ряд особенностей формальной стороны побудительного залога:

1. Для тюркских языков наличие нескольких показателей для образования одной и той же формы в целом нехарактерно, однако в обозримой истории тюркских языков побудительный залог имел несколько аффиксов. Это объясняется тем, что противодействуя лексикализации активно-побудительных глаголов, языковая система накладывает на основу побудительного глагола, который начал лексикализироваться, новый показатель побудительности (происходит фузия, т. е. напластование аффиксов [см.: 149]). В результате этого в составе слова оказываются либо несколько генетически побудительных аффиксов (напр., қай + т + ар —), либо возникают новые фузионные аффиксы типа -тур/-дур, -дуз, -қур/-қар и т. д., которые могут функционировать наряду с нефузионными аффиксами.

2. С лексико-грамматической двойственностью побудительных глаголов связано наличие переходных глаголов с аффиксами побудительности, исходные основы которых в синхронной системе языка отсутствуют. Например: тиргүз — [X-10] — «оживлять», түнәт [X-8] — «превращать в ночь», өгрәт [K-1214] — «обучать». Поскольку побудительные глаголы связаны не только с системой залогов, но и с лексической системой (с переходными глаголами), они могут свободно функционировать в языке как самостоятельные лексические единицы даже в том случае, когда их исходные основы выходят из употребления.

Таким образом, в функционировании активно-побудительных глаголов наиболее ярко проявляется двойственная, противоречивая сущность залога. В зависимости от реализуемого значения и лексического наполнения образуемых конструкций активно-побудительный глагол может выступать как побудительный, т. е. как форма побудительного залога от исходной непереходно-активной основы, или как активный (переходный) глагол, противопоставленный исходной основе по лексическому признаку (по переходности/непереходности) и значительно удалившийся от нее семантически.

Глаголы адресатно-побудительного значения образуются от исходных переходно-рефлексивных основ и в отличие от своих

исходных основ могут управлять косвенным дополнением в дательном падеже: түз этмак йэтүргил кишикә [К-4119] — «дай людям есть [свой] хлеб-соль». В приведенном примере дополнение в дативе при адресатно-понуздительном глаголе выражает не только субъект исходной конструкции, но и является адресатом для производного адресатно-понуздительного глагола. Нерасчлененность адресатного и субъектного значений в этом дополнении отчетливо видна в конструкции типа «ула нәң кишикә йэтүр ҳам ичүр [К-1178] — «раздай людям вещи, дай [им] пить и есть», где кишикә выступает адресатом к ула, йэтүр, ичүр и субъектом по отношению к йә, ич.

Следовательно, косвенное дополнение при адресатно-понуздительном глаголе может выражать как адресат производной основы, так и субъект исходной конструкции, в чем проявляется его противоречивость. Сопоставим адресатные объекты при адресатно-понуздительных (а) и непонуздительных (переходно-нерефлексивных, переходно-адресатных) глаголах (б): а) эркә алтур билиг [К-229] — «дай мужчине знание», «позволь мужчине усвоить знания»; б) мәнә йармақ бәр [ср.: III, 195] — «дай мне монету», «позволь мне брать монету».

Различие между этими двумя типами адресатного дополнения незначительно. Даже в тех случаях, когда адресатное дополнение адресатно-понуздительного глагола эксплицитно не выражено, адресат не исчезает, а становится имплицитным: қыйаматта көргит йүзин [К-42] — «в день страшного суда покажи [мне] его лицо».

На адресатно-понуздительные глаголы оказывает сильное влияние лексическая группа переходно-нерефлексивных (в частности, переходно-адресатных) глаголов, поэтому связь косвенного дополнения адресатно-понуздительного глагола с субъектом исходной конструкции слабее, чем связь прямого дополнения с субъектом исходной основы в конструкциях типа «қазғу мәни йатғурмады». В конструкции ул мәнә топ кәзүрди [II, 80] — «он надел на меня одежду» мәнә является побуждаемым субъектом конструкции «мен топ кәздим» — «я надел одежду», а не адресатом глагола кәзүр.

Глаголы собственно-понуздительного значения образуются от переходно-нерефлексивных исходных основ. В языке рассматриваемых памятников эти глаголы почти не отмечены. Встречаются конструкции типа ул мәнә йай қуртурды [II, 221] — «он заставлял меня натягивать лук» лишь в «Диване».

В подобных предложениях косвенное дополнение, которым выражается субъект исходной конструкции, лексически не выражается, и субъект характеризуется неопределенным побуждаемым: эр сачын йулутты [II, 307] — «мужчина позволил [кому-то] рвать [свой] волосы».

При глаголах собственно-понуздительного значения из двух косвенных дополнений (адресатное дополнение, субъектное до-

полнение) может реализоваться только одно. В языке памятников конструкции типа ул мэңә аңар йығач кэстүрди — «он заставил его рубить дерево для меня», не встречаются.

Очень часто при собственно-понудительных глаголах исходная основа которых требует адресатного объекта значение субъектности заменяется адресатным значением. Например: аманат йүзүрди бойнуқа улуг [К-1680] — «[правитель] возложил на него (букв. «на его шею») ответственное поручение». В тех случаях, когда адресатное и субъектное дополнение эксплицитно не выражены, имплицитный объект глагола выступает либо адресатным, либо субъектным: ул қапуг ачтурды [I, 224] — «он велел [кому-то или для кого-то] открывать дверь».

При понудительных глаголах, для исходной основы которых адресатное дополнение является не основным, в имплицитном косвенном объекте субъектное значение превалирует над адресатным: ул эр астурды [I, 226] — «он велел [кому-то] повесить мужчину»; ул қум эштүрды [II, 227] — «он велел (заставил кого-то) собирать [в кучу] песок».

Таким образом, при глаголах собственно-понудительного значения из двух возможных косвенных объектов (адресатный и субъектный) реализуется только один.

В языке памятников глаголы собственно-понудительного значения употребляются реже, но Махмуд Кашгарский при каждом переходно-нерефлексивном глаголе дает его понудительную форму. Следовательно, собственно-понудительное значение в аффиксах понудительного залога было развито уже в XI в., но в дальнейшем не получило широкого распространения в литературном языке. Поэтому в сочинениях Махмуда Кашгарского, который исходил из возможностей языковой системы, данное значение представлено широко, а в «Кутадгу билиг» и «Хибатул хакайик», авторы которых придерживались литературных традиций, встречается реже.

Как в «Диване», так и в других памятниках аффикс **-сық** с пассивно-каузативным (каузативно-позволятельным) значением сочетается больше с переходно-нерефлексивными глаголами (а), чем с переходно-рефлексивными (б): а) утсуқ [I, 244] — «позволять себя догонять», «проипрывать», йэтсиқ [II, 205] — «позволять себя догонять»; б) билсиқ [II, 265] — «быть, узнан», туйсуқ [III, 213] — «чувствовать».

Нельзя ли усмотреть в этом реликт древнейшей противопоставленности значений активно-понудительности (с нынешними показателями понудительного залога) и собственно-понудительности (с афф. **-сық-**, **-/-қ-/-к** и др.)?

Глаголы собственно-понудительного значения лексикализуются очень редко, при этом значение понудительности утрачивается; аффиксы понудительности сливаются с корнем, глагол либо повторяет свое первоначальное значение (а), либо получает новое, косвенно связанное со значением исходной основы (б): а) ул эт-

макка йағ сўртти [II, 432] — «он намазал масло на хлеб»; б) айыт [К-1870] — «спрашивать» (от ай «сказать», «говорить»; айыт — «заставлять, побуждать говорить» > «спрашивать»). Ср. узб. айт «сказать», «говорить».

Для выражения значения понудительности к таким глаголам присоединяется еще один аффикс понудительного залога: ул анар таш суртўрди [II, 214] — «он заставил его отшлифовать камень».

При рассмотрении аффиксов понудительности при различных семантико-синтаксических группах глаголов выявлено, что общим для всех типов значения этих аффиксов являются расширение управления исходной основы на одно дополнение, устранение², периферизация субъекта исходной конструкции.

Характер нового дополнения понудительного глагола зависит

Таблица 9

Семантико-синтаксические группы	Модели конструкций	
	с глаголом основного залога	с глаголом с аффиксами понудительности
Меднальные	$S_1 - V_1$	$S_2 - V_2 + O_2^{rec}$
Непереходно-активные	$S_1 - V_1 - O_1^{obl}$	$S_2 - V_2 - O_1^{obl} + O_2^{rec}$
Переходно-рефлексивные	$S_1 - V_1 - O_1^{rec}$	$S_2 - V_2 + O_1^{rec} + O_2^{obl}$
Переходно-нерефлексивные	$S_1 - V_1 - O_1^{rec} O_1^{obl} -$	$S_2 - V_2 - O_1^{rec} +$ $+ O_1^{obl}/O_2^{obl}$

от семантико-синтаксической группы исходной основы (табл. 9).

Новое дополнение понудительного глагола служит прежде всего для выражения устраненного субъекта исходной конструкции. Однако данный субъект занимает уже не центральную позицию подлежащего, а периферийную — дополнения. Когда исходный глагол не сочетается с прямым дополнением, а понудительный глагол сочетается с ним, и субъект исходной конструкции занимает позицию первого (важнейшего) объекта — прямого дополнения, если исходная основа сочетается с прямым дополнением, но не может управлять объектом второй степени — адресатным дополнением, понудительный глагол может сочетаться с адресатным косвенным дополнением, и субъект исходной конструкции занимает позицию второго объекта — адресатного дополнения. Во всех рассмотренных случаях управление исходной основы расширяется количественно, т. е. на одно дополнение.

В конструкции ($S_2 - V_2 + O_2^{rec}$) при глаголах активного значения пря-

² Здесь и далее термин «устранение» употребляется нами условно, не в значении элиминирования, полного удаления, а как перевод из более центральной позиции в предложении в периферийную. Поэтому «устранение» следует понимать как «периферизацию», «ослабление позиции какого-либо члена в строе предложения».

мой объект полностью отрывается от субъекта исходной конструкции и притягивается конструкциями типа $(S_1—V_1—O_1^{rec})$, образуемыми переходными глаголами.

В конструкциях типа $(S_2—V_2+O_2^{rec})$ и $(S_2—V_2—O_1^{rec}+O_2^{obl})$, образуемых активно-понудительными и адресатно-понудительными глаголами, содержится противоречие — с одной стороны, O_2^{rec} и O_2^{obl} служат для обозначения устраненного субъекта исходной основы, с другой стороны, при большинстве переходных глаголов они не связаны с исходными конструкциями. Поэтому активно-понудительные и адресатно-понудительные глаголы выступают залоговыми формами до тех пор, пока их прямое (или адресатное) дополнение обозначает субъект исходной конструкции. В тех случаях, когда прямое дополнение активно-понудительного глагола и косвенное дополнение адресатно-понудительного глагола выражают субъект исходной конструкции, он характеризуется как побуждаемый к совершению действия, а действие, выраженное понудительным глаголом, относится к своему субъекту (подлежащему) как к побуждающему (каузирующему): ул мэни қорурды [II, 75] — «он побудил меня подняться (встать)».

Если же прямое (или косвенное) дополнение активно-понудительного (или адресатно-побудительного) глагола не связано с субъектом исходной конструкции, они лексикализуются, исчезает характеристика субъекта исходной конструкции как побуждаемого, и понудительные глаголы относятся к своим субъектам (подлежащим) как к активно-действующему (а), или как к активно-адресующему (б): а) кишиләр эвиндә бу қорур тутун [К-335] — «он [грубян] поднимает в домах у людей скандал (букв. дым)»; б) кәз [II, 341] — «надевать на себя, кәзүр [II, 80] — «сделать кого-либо».

Сущность понудительного залога в конструкциях $(S_2—V_2—O_1^{rec}+O_1^{obl}O_2^{obl})$, образуемых глаголами собственно-понудительного значения, принципиально отличается от предыдущих. Здесь понудительный залог качественно изменяет управление исходной основы — в собственно-понудительной конструкции при адресатном дополнении исходной основы, субъект исходной основы становится имплицитным, либо позицию адресатного дополнения исходной конструкции занимает субъектное дополнение понудительного глагола, тогда становится имплицитным адресатный объект. Во всех случаях действие, выраженное глаголом с собственно-понудительным значением, относится к субъекту (подлежащему) как к побуждающему.

Из сказанного выше следует, что аффиксы понудительности по-разному изменяют управление разных семантических групп исходных основ. В связи с этим можно пояснить понятия качественного, количественного и качественно-количественного различий в управлении производной и исходной основ.

Качественное различие в управлении исходной и производной основ имеется в конструкциях с исходными и производными осно-

вами, отличающихся только качеством своего дополнения. Такое различие имеется в конструкции ($S_2 - V_2 - O_1^{rec} + O_1^{obc} O_2^{obl}$), от исходного ($S_1 - V_1 - O_1^{rec} - O_1^{obl}$), где новое косвенное дополнение понудительного глагола может занимать только позицию адресатного дополнения исходной основы. Здесь расширения управления исходной основы не бывает — производная основа сочетается только с качественно-новым косвенным дополнением.

В конструкциях ($S_1 - V_2 - O_1^{rec}/+,^{obl}$) и ($S_2 - V_2 - O_1^{obl} O_2^{rec}$) от исходных ($S_1 - V_1 - O_1^{rec}$) и ($S - V - O_1^{obl}$) управление понудительного глагола отличается от управления исходной основы количественно, но понудительный глагол качественно ограничен рамками субъекта исходной конструкции возможные типы этого нового дополнения. Такое различие в управлении производных и исходных основ рассматривается как качественно-количественное (т. е. количественное, но качественно ограниченное).

Количественное изменение управления исходной основы наблюдается только в конструкциях типа ($S_2 - V_2 + O_1^{rec}$) от исходных ($S_1 - V_1$), когда новое дополнение производного глагола не связано с выражением субъекта исходной конструкции. Такое же изменение наблюдается при лексикализованных активно-пундительных и адресатно-пундительных глаголах.

Следовательно, три типа различий в объектных связях производной и исходной основ и типы значения аффиксов пундительности можно классифицировать как: грамматическое — собственно-пундительное значение; лексико-грамматическое — активно-пундительное и адресатно-пундительное значения; лексическое (словообразовательное) — значение активности.

Этим объясняется наличие в составе одного слова двух неопрошенных аффиксов пундительности: первый аффикс образует переходный глагол от непереходного, а второй — собственно-пундительную залоговую форму от этого переходного глагола. Например: эр кэрү қайды [III, 263] — «мужчина обернулся назад»; ул атыг қайтарды [III, 210] — «он повернул лошадь»; [ул] ытқа кийик қайтартсун [III, 434] — «пусть он пустит собак повернуть дичь».

Значения страдательного залога. Страдательный залог соотноситель с пундительным залогом в том, что и в страдательных, и в пундительных конструкциях устраняется, становится имплицитным субъект исходной конструкции. Однако страдательный глагол, в отличие от пундительного, не получает нового активного субъекта (подлежащего) — в субъект (подлежащее) страдательного глагола переходит прямой объект исходной конструкции.

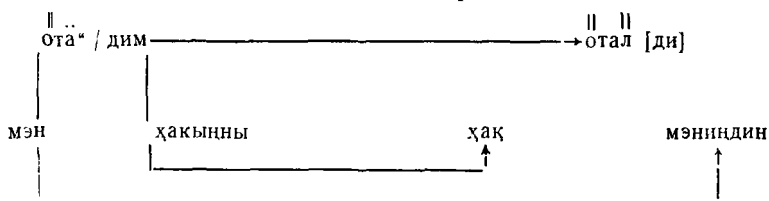
Аффиксы страдательности релевантны в следующих семантико-синтаксических группах глаголов: непереходно-медиальных; непереходно-немедиальных; переходно-результативных, переходно-нерезультативных. К основам глаголов первой группы аффикс *-/-л/-н-* присоединяться не может. В производных страдательных

основах от остальных трех групп образуются три типа значений этих аффиксов: собственно-страдательное, медиально-страдательное, безличное.

Глаголы собственно-страдательного значения образуются от исходных переходно-нерезультативных основ: эзгү тучы өгдилүр [К-894] — «добро всегда восхваляется».

Страдательные конструкции в языке памятников, как правило, являются двучленными, т. е. субъект исходной конструкции остается невыраженным — он характеризуется как неопределенный, подразумеваемый. Поэтому значения страдательности и неопределенности субъекта исходной конструкции сосуществуют нерасчлененно [209, 174; 315, 21—22; 119, 125—126]: билиг бирлә билнур сабадат йолы билег бил сабадат йолыны бу-а [X-42] — «знанием будет найден путь к счастью, приобретаёшь знания, находишь путь к счастью». Иногда в пассивных конструкциях субъект исходной конструкции вводится косвенным дополнением в форме исходного падежа: мәниндин өтәлсүн сәнә сөз хәқы [К-2631] «мною будет дана тебе плата за слова». Ср.: а) хәкынны өтүйә-мәдим мән [К-1538] — «я не смог заплатить тебе, заработанное тобою»; б) сөз хәқы мәниндин өтәлсүн.

Если сопоставить исходную (а) и производную (страдательную) (б) конструкции, то можно увидеть, что глагол өтәл сочетается с косвенным дополнением (мәниндин), но не может управлять прямым дополнением — объектом глагола өтә — становится субъектом (подлежащим) глагола өтәл, а субъект глагола өтә — объектом при өтәл, что можно представить в виде схемы:

Таким образом, по способу выражения субъекта исходной конструкции обороты «хәқ өтәди» и «эр йыгач бычтурды» и конструкции «хәқ мәниндин өтәлди» и «эр аңар йыгач бычтурды» являются соотносительными; в первых субъект исходной конструкции является неопределенным (имплицитным), во вторых — эксплицитным и выражается косвенным дополнением. Различие между ними состоит в том, что: субъект исходной основы в понудительной конструкции, даже когда он эксплицитно не выражен, в отличие от страдательной, характеризуется побуждаемым, в понудительной конструкции субъект исходной основы вводится с помощью нового дополнения производной основы, а в страдательной конструкции — косвенным дополнением производной основы, которое появляется на месте перемещенного в субъект прямого дополнения исходной конструкции. Таким образом, аффикс

-/-л/-н- при реализации собственно-страдательного значения качественно изменяет управление исходной основы — место прямого дополнения занимает косвенное (субъектное) дополнение.

Глаголы с медиально-страдательным значением образуются от исходных переходно-результативных основ. В этих глаголах медиальное и страдательное значения сосуществуют нерасчлененно. Эта особенность тюркских глаголов отмечена Махмудом Кашгарским. Поэтому такие глаголы даны в его «Диване» в двойном переводе: түгүн сэшилды [II, 141] — «узел развязался [сам по себе]» и «узел [кем-то] развязан». Реализация страдательного или медиального значения определяется отношением производной конструкции к исходной: түгүн йазылды [К-146] — «узел развязался»; сэниндин йазылды... түгүн [К-5763] — «узел развязан тобою»; эр түгүн йазды [III, 122] — «мужчина развязал узел».

Из сопоставления трех конструкций легко заметить, что первые две конструкции связаны единым субъектом и объектом исходной конструкции и обратимы:

Следовательно, здесь мы имеем залоговую форму. Но между конструкциями «эр түгүн йазды» и «түгүн йазылды» отношение обратимости отсутствует, так как в «түгүн йазылды» действие субъекта не происходит извне, а протекает в подлежащем без активного участия субъекта исходной конструкции. При медиальных глаголах субъект исходной конструкции устранен полностью и не подразумевается: түзүлди төрү ҳам этилди эли [К-1741] — «законность установилась, страна благоустроивалась»; ач бөриләр йығылды [К-3055] — «собрались [собрались] голодные волки». Действие, выраженное медиальным глаголом, относится к своему субъекту (подлежащему) не как к пассивно-объектному, а как к медиальному субъекту, в котором действие протекает без активного вмешательства извне. Другими словами, отношение действия «йазыл» к «түгүн» в конструкции «түгүн йазылды» ничем не отличается от отношения действия «өли» к «тон» в конструкции «тон өлиди». Отсюда можно сделать вывод, что медиальный глагол и его исходная основа противопоставлены не как разные залоговые формы одного глагола, а как два глагола — переходный и непереходный одного и того же (основного) залога.

В разграничении медиального и страдательного значений немалую роль играет и характер подлежащего при глаголах с аффиксом -/-л/-н-. Если в качестве подлежащего выступает слово, которое потенциально может выступать в качестве прямого дополнения исходной основы, то в таких конструкциях медиальное

и страдательное значения разграничиваются контекстуально. Например, выражение түгүн йазылды [II, 86] может быть понято, как указывает Махмуд Кашгарский, двояко: «узел [кем-то] развязан»; «узел развязался [сам по себе]», так как слово түгүн способно занимать позицию прямого объекта в конструкции «эр түгүн йазды» [III, 122]. Такие конструкции могут иметь косвенное дополнение, которым выражается субъект исходной конструкции, в этом случае они реализуют собственно страдательное значение: ср. эли этилди [K-1741] — «его страна благоустроивалась, но «йалавачдын этлур қамуғ... иш» [K-2560] — «всякие дела выполняются (устраиваются) послом».

В конструкции «чэчакләр йазылды» [K-69] — «цветы раскрылись» такой двойственности нет, так как слово «чэчәк» не может выступать в качестве прямого объекта при глаголе йаз в том значении, которое выступает в «чэчәк йазылды» (предложение «ул чэчәк йазды» — имело бы значение «он распустил, разложил цветы»). Таким образом, взаимоотношения медиально-страдательного и активно-понудительного глаголов со своими исходными основами принципиально не отличаются. В зависимости от лексического наполнения конструкции производные основы могут иметь либо залоговое (понудительное или страдательное), либо словообразовательное значение (образовывают непереходно-медиальные основы от переходно-результативных и наоборот).

Если в конструкциях с медиальными глаголами имеется орудийный объект, глагол реализует нерасчлененное медиально-страдательное значение: урунчун йа малын этилмәс ишим [K-1162] — «взяткой или имуществом не устраивается мое дело».

К медиальным глаголам с аффиксом -/-л/-н-, как правило, аффикс понудительного залога присоединяться не может. Это объясняется тем, что в медиально-страдательных глаголах наряду со словообразовательным медиальным имеется и словоизменительное залоговое значение, при котором невозможно получение словом еще одного залогового значения.

С нерасчлененностью медиального и страдательного значения в глаголах рассматриваемого типа связано также возникновение аффикса -лын-/-лин-. Аффикс -лын-/-лин- — фузионное образование [см. 149], состоящее из двух вариантов аффикса страдательности с показателями -л- и -н- и служащее для разграничения медиального значения от страдательного [III, 122]. Однако определенная группа глаголов с -лын-, представленная в основном в «Диване»³, имеет как медиальное, так и страдательное значения. Поэтому данный аффикс не получил развития в последующей истории развития тюркских языков [198, 94].

Производные основы с аффиксом -/-л/-н-, образованные от непереходно-активных глаголов имеют неопределенно-личное (без-

³ В языке «Кутадгу билиг» аффикс -лын встречается очень редко: тобық йувлынур [K-648] — «мяч катится».

личное) значение. Подлежащее в таких предложениях отсутствует, и такие глаголы являются центром односоставных предложений [145, § 1025; 146, § 528, 531]: эвдин чықылды [II, 153] — «вышли из дома».

Такое же значение безличности имеют страдательные глаголы, которые сочетаются с прямым дополнением: чығайығ көзәзилсә орту болур [К-5449] — «если заботиться о бедных, [они] станут середняками».

Как видно из примеров, значение неопределенности субъекта в страдательных (тавар сатылды) и в безличных конструкциях (эвга барылды) различно. В страдательных конструкциях допускается эксплицитное выражение субъекта в составе трехчленных конструкций, а в безличных подобное выражение субъекта невозможно. Поэтому в этих конструкциях аффикс *-/-л/-н-* имеет наряду со значением безличности оттенки модальных и аспектуальных значений — возможности/невозможности [145, § 391]. Значение возможности/невозможности аффикса *-/-л/-н-* может развиваться до нейтрализации признаков неопределенности деятеля и пассивности подлежащего, т. е. страдательный по форме глагол может иметь при себе активное подлежащее и пассивное прямое дополнение: элиг... тиләк тәг булуды сынады эриг [К-579] — «правитель смог найти испытанного человека, такого которого хотел»; ағыштәг бу эзгү агулмас киши [К-890] — «доброта подобна подъему, человек не может подниматься на нее».

Аффикс *-/-л/-н-* со значением безличности не изменяет управления исходной основы — она не может иметь подлежащего. Кроме того данное значение этого аффикса соприкасается со значениями грамматических категорий лица/числа и возможности/невозможности. Поскольку отсутствие подлежащего не характерно ни для залоговых форм, ни для каких-нибудь лексических групп, значение безличности следует рассматривать в аффиксе *-/-л/-н-* как незалоговое грамматическое значение.

Значение собственно-страдательности в данном аффиксе может рассматриваться как грамматическое залоговое, так как при реализации этого значения управление производной основы качественно отличается от управления исходной основы. Медиально-страдательное значение аффикса *-/-л/-н-* выступает как лексико-грамматическое. Принципы такого деления типов значения этого аффикса те же, что при понудительных глаголах.

Значения возвратного и взаимного залогов. Возвратные и взаимные глаголы в семантико-функциональном аспекте противопоставлены понудительным и страдательным. Эта противопоставленность выражается в том, что при возвратных и взаимных глаголах субъект (подлежащее) активно-действующий, и является непосредственным исполнителем действия, в чем противопоставляется пассивному и каузирующему субъектам понудительных и страдательных глаголов [37, 336—337].

Субъект исходной конструкции занимает также позицию под-

лежащего и характеризуется при возвратных глаголах как заинтересованный [ср.: 200, 50; 236; 480], а при взаимных глаголах как соучаствующий [119, 123] в выполнении действия; в производной конструкции устраняется один из объектов (прямой или адресатный) исходной конструкции.

Другое отличительное свойство возвратного и взаимного залогов заключается в том, что только отдельные значения аффиксов возвратности и взаимности воспроизводимы при всех единицах определенной семантико-синтаксической группы глаголов. К ним относятся значения адресатно-возвратности и имитативности в аффиксе -/-/н-, ассисивности и совместно-множественности в аффиксе -/-/ш-. Значения прямо-возвратности, обще-возвратности (в аффиксе -/-/н), взаимно-возвратности, медиальности (в аффиксе -/-/ш-) выступают в определенных группах слов.

Все типы значения аффикса -/-/н- обладают оттенком активизации субъекта.

Активизирующий оттенок исходит из противопоставления субъекта (подлежащего) возвратного залога субъектам других залогов, где он характеризуется либо как пассивный, либо как каузирующий, или соучаствующий. Поэтому данный оттенок характеризуется Махмудом Кашгарским как «выполнение действия самим субъектом без участия других» [II, 185] и как первое значение аффикса -/-/н-. В возвратных глаголах, образованных от переходных основ, выделить оттенок активизации субъекта затруднительно, так как исходная основа лексически относится к субъекту (подлежащему) как к активно-действующему. Однако в некоторых контекстах даже при переходных исходных основах можно уловить данный оттенок: битигмү кэрәк йа сөз ызса тилин йарағы нэ эрсә сән андағ қылын [К-1317] — «необходимо ли письмо, или надо передать устно, как надобно, так ты [сам] и поступай»; бу бәғләр тәгинди ажун сүзгүкә [К-3917] — «только беки [удостоились] чести управлять миром».

Оттенок активизации имеет важное значение при разграничении лексикализованных форм возвратного залога от лексикализованных форм страдательного залога.

Глаголы адресатно-возвратного значения образуются от исходных переходно-нерефлексивных основ и обозначают действие, направленные действующему лицу. Адресатно-возвратные глаголы, управляя прямым дополнением [145, § 380; 236; 37, 339], с адресатным дополнением сочетаться не могут — адресатом действия является субъект (подлежащее) адресатно-возвратного глагола: оғулсуз өлүрдә өкүнди тилин аһа кән кәлигли оғул-қыз қылын [К-3328] — «бездетный при смерти раскаивался со словами: «О вы следующие за [нами] обзаведитесь сыновьями [и] дочерьми».

Сопоставим исходную (а) и производную (б) конструкции: а) асығ өзкә ал [К-1794] — «бери себе (для себя) пользу», б) асығһи алын [К-354] — «бери себе пользу [молодости]».

В исходной конструкции адресат выражен возвратным местоимением *өзкә* (в позиции которого может выступать любое другое местоимение или имя). В производной же в качестве адресата выступает сам субъект возвратной конструкции. Поэтому при адресатно-возвратном глаголе адресатное дополнение может быть выражено только возвратным местоимением [II, 186]. Кроме того, из сопоставления исходной и производной конструкций следует, что субъект (подлежащее) адресатно-возвратного глагола выступает как заинтересованный в выполнении действия и как адресат этого действия.

При активном развитии адресатно-возвратного значения аффикса *-/-/н-* он может выступать также при переходно-рефлексивных исходных основах: *билин* [К-423] — «знай себе», *сақын* [X-88] — «думай [в свою пользу]».

Имитативное значение — результат одностороннего развития и грамматикализации субъекта возвратного залога в отрыве от других признаков противопоставленности возвратных глаголов глаголам других залогов: *ул оқ атынды* [I, 208] — «он сделал вид, что выстрелил из лука». Имитативное значение не меняет управление исходной основы и, по свидетельству Махмуда Кашгарского, является воспроизводимым при всех переходных и непереходных глаголах [II, 234].

Несмотря на неоднократное упоминание Махмудом Кашгарским значения имитативности в аффиксе *-/-/н-* и его продуктивности, обнаружить данное значение в языке других памятников не удалось. Следует полагать, что значение имитативности было распространено либо в определенных диалектах, либо употреблялось только в разговорной речи.

При реализации прямо-возвратного значения, в отличие от адресатно-возвратного, устраняется не адресатный, а прямой объект исходной конструкции. В этом случае действие относится к своему субъекту как к активно-действующему, т. е. возвращается на субъект. Исходные основы глаголов прямо-возвратного значения не имеют определенных семантико-синтаксических групп, что свидетельствует о связи данного значения с лексикой.

По характеру значения и сочетаемости с прямым дополнением прямо-возвратные глаголы можно разделить на два типа: частично-возвратные глаголы, выражающие действие, которому подвергается часть субъекта (подлежащего), и собственно-возвратные глаголы, обозначающие действия, которые полностью переходят на субъект (подлежащее).

Частично-возвратные глаголы могут сочетаться с прямым дополнением: *ұрағут башын суқунды* [II, 179] — «женщина мыла себе голову». В этих возвратных конструкциях позиция прямого дополнения значительно ослаблена — прямое дополнение утрачивает центральное место в предложении и выступает как детерминирующий член предложения (ср.: русск. «он одел халат», «он оделся» и «он оделся в халат»). Такие возвратные глаголы имеют

адресатно-возвратный оттенок, что подтверждается сопоставлением исходной (а) и производной (б) конструкций: а) [ул] азагыга йорганчү сарлады [III, 311] — «он намотал на ноги портянки»; б) эр йорганчү сарланды [II, 287] — «мужчина намотал себе портянки».

Через частично-возвратное значение устанавливается связь адресатно-возвратного значения с собственно-возвратным, так как при частично-возвратных глаголах значение прямого дополнения ослабляется, нейтрализуется, становится факультативным (ср.: йана турды... таранды [К-6096] — «он снова встал... причесался» и эр сачын тарынды [II, 168] — «мужчина причесал себе волосы»). При глаголах собственно-возвратного значения прямое дополнение устраняется; они могут лишь сочетаться с прямым дополнением, выраженным местоимением «öz» — сақлан [К-1387] — «бережь себя», «приостановить себя», қарған [II, 290] — «проклинать, ругать себя», боғун [II, 165] — «задушиться», тутун [К-3402] — «воздерживаться».

В исходной конструкции позиция прямого дополнения свободная (ср. мэни, өзүн[ни]): мэни ул йулар [К-4685] — «меня он спасет», отғын өзүн йул [X-6] — «спасай себя от огня [ада]». В производной конструкции возвратное местоимение (өзүнни), избыточно, так как идея объекта действия содержится в отношении собственно-возвратного глагола к своему субъекту (подлежащему): қул йулунды [III, 94] — «раб спасся (откупился)», өзүнни йулун [К-1423] — «спасайся, откупись».

Так как в собственно-возвратной конструкции идея прямого объекта действия полностью устраняется, то собственно-возвратный глагол лексикализуется и противопоставляется исходной основе как непереходный глагол переходному. В результате лексикализации собственно-возвратных глаголов образуется большая группа глаголов общевозвратного значения (ср. урун — [I, 209] — «бить себя» (собственно-возвратный глагол) и урун — [I, 210] — «напрягаться» (общевозвратный глагол), тутун — [К-3402] — «воздерживать себя» и «затмеваться»).

Из сказанного выше следует, что медиально-страдательный и собственно-возвратный глаголы в результате лексикализации дают основы, противопоставленные их исходным основам по лексическому признаку переходности/непереходности.

В тюркологической литературе медиальные и общевозвратные значения, как правило, не дифференцируются и рассматриваются как точки соприкосновения значений аффиксов страдательности и возвратности [см., например, 236, 485]. Общее между медиальностью и общевозвратностью проявляется в противопоставлении переходных и непереходных глаголов. Но внутри непереходных глаголов медиальные и общевозвратные глаголы противопоставлены по характеру отношения выражаемых ими действий к субъекту (подлежащему): медиальные глаголы выражают стихийные действия, протекающие в самом субъекте без

активного вмешательства извне (чэчэк йарылды — «цветок раскрылся»), а общевозвратные глаголы — действия, выполняемые субъектом, но концентрирующиеся в нем самом: сэвин [II, 178] — «радоваться», умун [К-3563] — «надеяться», этин [К-3147] — «приготовиться».

Таким образом, выявляется внутренняя противоречивость общевозвратных глаголов — они обозначают активные действия, но не сочетаются с прямым дополнением. Поэтому аффикс -/-/н- как сигнализатор активности субъекта очень часто встречается в составе глаголов активного значения, исходная основа которых либо является непереходной (а), либо в системе языка без аффиксов возвратности не употребляется (б):

а) тапун [К-3025] — «служить»; тап [К-2985] — то же самое; барун [К-233] — «отправляться»; ашун [К-3044] — «перебираться; переходить»; болун [К-3233] — «стремиться становиться»; бақың [К-1310] — «осматриваться»; сэрин [К-3028] — «терпеть, выносить, останавливаться»;

б) озун [К-3248] — «просыпаться»; ўзун [I, 209] — «засыпать»; осан [К-3130, X-52] — «быть беспечным, относиться с пренебрежением»; талпын [II, 298] — «трепыхаться»; өкүн [К-357] — «раскаиваться» и многие другие.

Учитывая древнейшую нерасчлененность в тюркском глаголе значений переходности/непереходности, можно объяснить употребление именно аффикса -/-/н- в составе непереходно-активных глаголов, который устраняет прямое дополнение, но сохраняет активность субъекта.

Значение активности субъекта в аффиксе -/-/н- настолько сильно, что аффикс -/-/н- может образовывать от медиальных глаголов непереходно-активные глаголы: сүчин [К-798] — «радоваться» (от медиального сүчи — «становиться сладким»); курун — [II, 181] — «сушиться, вытираться [после мытья]»; от куры — «сохнуть»; арын [I, 209] — «очищаться, удалять волосы на теле»; от ары — «очищаться [стихийно]».

Поскольку субъект (подлежащее) общевозвратных глаголов является активно-действующим (или аффектируемым), большинство общевозвратных глаголов управляют дательным (или исходным) падежом (т. е. относятся к V группе глаголов). Объекты при них выражают причину, источник или орудие действия, концентрирующегося в самом субъекте: булмадуқ нэнә сэвинмән [I, 396] — «не радуйтесь ненайденной (неприобретенной) вещи». В данной конструкции объект «нэнә» вызывает (каузирует) в субъекте проявление действия «сэвин». Таким образом, глаголы общевозвратного действия противопоставляются не только медиальным глаголам, но и глаголам понудительным, субъект (подлежащее) которых побуждает объект глагола выполнять какое-либо действие, а при общевозвратных глаголах объект возвратного глагола каузирует субъект переживать какое-либо состояние.

Между медиально-страдательными и собственно-возвратными

(а также общевозвратными) глаголами имеется и другое существенное различие — медиально-страдательные глаголы не могут сочетаться с аффиксами понудительного залога, чему препятствует пассивное залоговое значение субъекта этих глаголов. Активизация субъекта при собственно-возвратных глаголах и лексикализация собственно-возвратных и общевозвратных глаголов допускает сочетание этих глаголов с аффиксами понудительности: тапындур [К-621] — «заставлять служить»; өкүндүр [К-3795] — «заставлять каяться»; осандур [К-4158] — «заставлять врасплох»; сэвиндүр [К-2104] — «радовать». Такие понудительные глаголы, образованные от исходных непереходно-активных основ имеют активное-понудительное значение: бэгләр кулын тапундургу [К-621] — «беки должны заставлять своих рабов служить».

Рассмотрим несколько значений аффикса *-/-ш-*. Глаголы, образованные от исходных переходно-нерефлексивных основ имеют ассисивное значение, что соотносит их с адресивно-возвратными глаголами. Общее между ними заключается в том, что они выражают действие в интересах кого-нибудь. Семантическое различие между ними проявляется в том, что адресатно-возвратные глаголы выражают действия только в интересах действующего лица (подлежащего) (а), ассисивные глаголы — действия для других (б): а) ул... йэмиш тэринди [II, 170] — «он собирал ягоды для себя»; б) ул... йэмиш тэришиди [II, 102] — «он помогал собирать ягоды [кому-то]».

В адресатно-возвратной конструкции адресатное дополнение исходной конструкции устранено, поэтому в этой конструкции в качестве адресатного дополнения может выступать только возвратное местоимение «өзиңә», а в ассисивной конструкции в позиции адресатного дополнения может выступать любое слово, обозначающее лицо: ул мэнә йэмиш тэришиди [II, 102] — «он помогал мне собирать ягоды».

Адресатное дополнение ассисивного глагола качественно отличается от такового исходной основы: ул мэнә йэмиш тэриди — «он собирал ягоды для меня (я мог и не участвовать в действии)»; ул мэнә йэмиш тэришиди [II, 102] — «он помогал мне собирать ягоды» («он» и «я» собирали ягоды только для меня).

Как видно из примеров, адресатное дополнение ассисивного глагола одновременно является соучастником в совершении действия и качественно отличается от адресатного дополнения исходной конструкции, который не является соучастником действия.

Взаимно-возвратные глаголы образуются не от всех глаголов, их исходные основы являются чаще переходными (а), реже — непереходно-активными (б): а) күчүш [II, 98] — «обниматься», өпүш [I, 189] — «целоваться»; б) бақыш [К-133] — «противостоять», йақыш [К-2997] — «приближаться друг к другу», тэгиш [К-3374] — «соприкасаться (переносно — сражаться)».

Различие в управлении взаимно-возвратного глагола и исходной основы проявляется в том, что прямое (или сильноуправ-

ляемое косвенное) дополнение исходной основы при взаимно-возвратном глаголе устраняется и замещается косвенным слабо управляемым дополнением с послелогом «бирла»: ул мэниң бирлә кучушды [II, 98] — «он обнимался со мной», Йалчық... Йашық бирлә ётрү бақыша толур [К-133] — «когда Меркурий противостоит Солнцу, [фаза его] наполняется». Косвенное дополнение с послелогом «бирлә» очень часто опускается, и субъект взаимно-возвратного глагола выражает множественность: экки нэн... йақышмас [К-2997] — «две вещи не сближаются друг с другом».

Глаголы взаимно-возвратного значения легко лексикализуются, что объясняется невозможностью сочетания с прямым дополнением: билиш [К-488] — «знакомиться», көрүш [К-488] — «видаться», «встречаться». Лексикализованные глаголы с аффиксом -/-/ш- могут сочетаться с аффиксами понудительного залога — йараштур [К-142] — «примирить, приводить в соответствие».

При глаголах взаимно-возвратного значения Махмуд Кашгарский отмечает также значение соревнования [II, 183]. Предполагается, что данный оттенок представляет собой производное от взаимно-возвратного значения — если взаимные глаголы управляют прямым дополнением (т. е. если действие не возвращается на субъекты), то они выражают совершение каждым субъектом в отдельности какого-либо действия, что неизбежно приведет к возникновению значения соревнования: ул мэниң бирла йай қурушды [II, 105] — «он соревновался со мной в стрельбе из лука».

С взаимно-возвратным значением тесно связаны два последующих значения аффикса -/-/ш- — значения совместно множественности и медиальности.

Совместно-множественное значение имеют глаголы с аффиксом -/-/ш-, которые выражают совершение действия множеством субъектов, но эти субъекты объектом по отношению друг к другу не являются. Совместно-множественное значение развилось на основе отношения взаимного глагола к своему субъекту как к соучаствующему — если из взаимно-возвратной конструкции выпадает косвенное дополнение с послелогом «бирлә», то взаимный глагол реализует значение совместно-множественности. Поэтому предложение «улар сэвишди» может быть понято двояко: «они любили [друг друга]» или «они любили [кого-то]».

Совместно-множественное значение может реализоваться как при переходных, так и при непереходных основах: мусулман қарышты ичин эт йэшүр [К-6247] — «мусульмане враждуют, пожирают друг друга»; эрән қамуғ тавар күсәшди [II, 110] — «мужчины все захотели иметь имущество».

Аффикс -/-/ш- с совместно-множественным значением дублирует форму множественного числа конечного сказуемого [см.: 146, § 8; 78, 50—51; 92, 53] и не изменяет управление исходной основы.

Медиальное значение в аффиксе -/-/ш- является нерегулярным, выступает в составе лексикализованных форм и иногда имеет

оттенок усиления признака [см.: 36, 194]: этмак қамуғ қурушды [II, 103] — «хлеб совершенно высох»; тон кирдән тоғрашды — «одежда изорвалась от грязи». Уже в XI в. аффикс -/-/ш- с медиальным значением обособился от системы залоговых значений и вошел в состав глаголообразующего аффикса -лаш.

Значения аффиксов -/-/н- и -/-/ш- классифицируются на основании критериев, изложенных выше:

1) значения адресатно-возвратности и ассисивности могут быть оценены как грамматические залоговые, так как они воспроизводимы при всех единицах определенной лексической группы глаголов, различия в управлении производной и исходной основ при реализации этих значений являются только качественными;

2) прямо-возвратное и взаимно-возвратное значения в этих аффиксах являются лексико-грамматическими;

3) общевозвратное и медиальное значения выступают как словообразовательные типы значений этих аффиксов, так как при реализации этих значений аффиксов -/-/н- и -/-/ш- образуются непереходные основы от исходных переходных;

4) значения имитативности и совместно-множественности являются грамматическими незалоговыми; при реализации этих значений управление исходной основы не меняется, и эти значения соприкасаются со значениями грамматических категорий модальности и лица/числа.

Основной залог. Отношение действия, выраженного глаголом основного залога, к субъекту (подлежащему) не ограничивается определенными признаками и зависит от лексического значения глагола и его грамматической формы. Субъект (подлежащее) может быть активным (при переходных и непереходно-активных глаголах) и неактивным (при медиальных глаголах), определенным и неопределенным (в зависимости от выраженности/невыраженности подлежащего и формы лица/числа конечного сказуемого), побуждающим (при повелительном наклонении), заинтересованным (при формах желательного наклонения), соучаствующим (при форме множественного числа сказуемого) и т. д. Иными словами, основной залог является нейтральным по отношению ко всем значениям залоговых аффиксов — он может, при определенных условиях, выражать любое из них, но ни одно из них не является для него обязательным [ср.: 92, 180]. Следовательно, обобщенным значением залога — различное отношение действия к субъекту (подлежащему), разнообразные характеристики деятеля, различные объектные связи — обладают только глаголы основного залога. В косвенных залогах эти отношения уточняются и заключаются в определенные рамки.

Соотношение залогов. Рассмотрение значений залоговых аффиксов обнаруживает, что в каждом залоговом показателе могут сосуществовать следующие типы значений: 1) грамматические залоговые, 2) лексико-грамматические залоговые, 3) лексические (словообразовательные), 4) грамматические незалоговые.

К грамматическим залоговым (собственно-залоговым) относятся такие типы значений этих аффиксов, которые реализуются в производных конструкциях, обратимых с исходными: здесь субъект и объект исходной конструкции сохраняются, но подвергаются качественным изменениям. Этот тип значений залоговых аффиксов, как правило, не лексикализуется. К ним относятся собственно-понудительное, собственно-страдательное, адресивно-возвратное, ассисивное значения залоговых аффиксов.

Сущность залоговых аффиксов при реализации лексико-грамматических типов значения зависит от характера взаимоотношения компонентов исходной и производной конструкций, от отношения ее нового компонента к устраняемому члену исходной конструкции. До тех пор, пока новым компонентом производной конструкции выражается устраняемый член исходной, или в производной конструкции он подразумевается, выражается имплицитно на абстрактно-грамматическом уровне, обратимость этих конструкций сохраняется и реализуются грамматические залоговые значения. Если новый компонент производной конструкции отрывается от удаляемого компонента исходной конструкции, или же в производной конструкции утрачивается идея устраненного компонента исходной конструкции, залоговая форма лексикализуется, противопоставляется исходной основе только по количеству возможных дополнений при ней, семантически развивается по законам системы той лексико-синтаксической группы, к которой она относится. К лексико-грамматическим относятся следующие значения залоговых аффиксов: активно-понудительное; адресатно-понудительное, медиально-страдательное, прямо-возвратное, взаимно-возвратное.

К лексическим (словообразовательным) типам относятся значения активности (транзитивности), медиальности и общевозвратности. При реализации этих типов значений залоговые аффиксы переносят слово из одной лексической группы в другую.

При реализации неграмматических незалоговых значений генетические залоговые аффиксы не влияют на управление исходной основы. Грамматические незалоговые значения соприкасаются со значениями тех категорий, с которыми залоговые связаны парадигматическими отношениями. К этой группе относятся значения безличности, имитативности, совместно-множественности.

Рассмотренные выше типы значений залоговых аффиксов отличаются существенно друг от друга и образуют внутри себя определенную самостоятельную систему. Поэтому оппозиции значений залоговых аффиксов внутри каждой группы являются различными. Грамматические залоговые значения оппозитивны в следующих позициях.

1. Межзалоговые оппозиции: понудительный и взаимный залоговые как многосубъектные противопоставлены возвратному и страдательному залогом, которые нейтральны по отношению к количеству субъектов, возвратный и взаимный залоговые, при кото-

рых субъект исходной конструкции не устраняется, является активным производителем действия и занимает позицию субъекта (подлежащего) производной конструкции. Они противостоят понудительному и страдательному залогам, при которых субъект исходной конструкции становится периферийным, факультативным и может быть введен в страдательные и понудительные конструкции только с помощью косвенного дополнения довольно редко.

2. Внутризалоговые оппозиции: многосубъектные залого (понудительный и взаимный) противопоставлены друг другу по наличию или отсутствию признака «побуждаемость» («каузируемость»), который присутствует в понудительном залоге, но не выражен во взаимном.

Моносубъектные залого (возвратный и страдательный) противопоставлены по признаку «активно-объектность субъекта (подлежащего)», который выражен в возвратном залоге, а не в страдательном (субъект страдательного глагола является не активным, а объектным, т. е. трансформированным из прямого объекта исходной конструкции).

Залого с устраненным субъектом исходной конструкции (понудительный и страдательный) противопоставлены по признаку «пассивность субъекта (подлежащего)». Данный признак выражен в субъекте (подлежащем) страдательного глагола и не выражен в субъекте (подлежащем) понудительного глагола. Поэтому он может иметь целый спектр каузирующих значений от физического принуждения до пассивного позволения [см.: 145, 393].

Залого, при которых субъект исходной конструкции занимает позицию субъекта (подлежащего) производной конструкции, (возвратный и взаимный залого) противостоят друг другу по признаку «соучастие субъекта (подлежащего)». Данный признак маркирован в субъекте взаимного глагола, но не выражен в субъекте возвратного глагола.

Словообразовательные типы значений залоговых аффиксов оппозитивны по лексико-синтаксическому признаку «сигнализации активности субъекта (подлежащего)». По данному признаку маркированы словообразовательные типы значения и лексикализованные формы понудительного залога, а таковые страдательного, возвратного и взаимного залогов не маркированы, так как среди них могут быть глаголы как с активным субъектом (глаголы общевозвратного значения), так и с пассивным (медальные глаголы).

Грамматические незалоговые типы значений этих аффиксов являются оппозитивными по признаку «сигнализация модальных значений». По данному признаку маркировано значение имитативности, но значения безличности и совместно-множественности являются не маркированными (значение безличности может сопровождаться модальными оттенками возможности/невозможности).

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Категория лица/числа

Предикативные формы глагола образуются взаимодействием форм лица/числа и времени/наклонения. Категорией лица/числа в тюркских языках обладают личные местоимения, аффиксы принадлежности и сказуемостные формы, семантико-функциональная сущность которой и ее языковое значение выявляются при изучении всех средств выражения лица/числа как единой категории. Поэтому в этой работе мы ограничимся формальной характеристикой форм лица/числа в тюркоязычных памятниках.

Т а б л и ц а 10.

Лицо	Первая группа	Вторая группа	Третья группа
I лицо ед. числа	-Мән, -ма	-м	-(а) й/- (а) йы/ - (а) йын
II — „—	-сән, -сә	-ң	-Ø; -Ғыя
III — „—	-Ø; -ул	—Ø; ул; (-сы)	-су/-сун/-суны
I лицо мн. числа	-миз/-муз	-миз	- (а) лым/- (а) лың
II — „—	(-сиз)	- (-) ныз	( ) ң/-(-) ныз/- (-) нлар
III — „—	-Ø; -лар	- Ø; -лар	-су (лар)/-сун-(лар)

Категория лица/числа, выражая отношение действия к участникам речевого акта, является важнейшей категорией сказуемости и основой предикативности [3, 232]. Формы лица/числа в языке памятников образуются с помощью трех групп аффиксов (таблица 10).

Показатели лица/числа первой группы (за исключением аффикса -лар) исторически являются личными местоимениями и могут присоединяться как к именам, так и к глаголам. В составе глагола эти аффиксы указывают только на лицо/число (а), а в составе имен — на время и наклонение (настоящее-будущее время изъявительного наклонения) (б); а) сөзләсәмэн [К-3407] — «если я буду говорить»; билірмә [К-3897] — «я знаю»; б) көзүм-сә кулақымса көргин эшит [К-5724] — «ты мои глаза и уши, смотри и слушай».

Усеченные варианты аффиксов I и II лица ед. ч. -мә, -сә встречаются только в языке «Қутадғу билиг», где отмечены и их полные варианты.

В III лице единственного числа в языке памятников широко употребляется лично-указательное местоимение -ул: йигитлик кәчәр-ул тириглик өчәр [К-228] — «молодость пройдет, жизнь угаснет»⁴.

⁴ В языке памятников имеется и усилительная частица -ул: «мән айдым эшиттин сән өгрәндиң-ул [К-4053]— «я говорил, ты слушал и научился».

Показатель предикативности туруп в языке памятников выступает, в основном, в форме III лица ед. ч. (а) и очень редко — в формах II лица (б): а) эр сөгӱл туруп [III, 196] — «мужчина большой»; б) йалнуз турупсӱн [К-3306] — «ты одинок».

Аффикс **-тур** (а) и **-дур** (б) встречается один раз в «Диване» и в некоторых списках «Хибатул ҳақайық»: а) атса оқын кӱзкӱриб ким тур аны йығдачы [III, 116] — когда, положив стрелу на тетиву он [мир] стреляет, кто сумеет приостановить [его]; б) сӱз ул дур такабурни йӱрдин салыб [X-134] — «наставление (слово) таково — оттолкнув и выбросив гордость...».

Для предикативной связи выступает также слово эр, сочетающееся с показателями форм изъявительного и условного наклонения: билитсизкӱ ҳақ сӱз татықсыз эрӱр [X-55] — «невежде правдивые слова не нравятся».

Показателями лица/числа II группы служат аффиксы принадлежности. При спряжении словоформ с помощью аффиксов II группы форма третьего лица, как правило, имеет нулевую морфему, очень редко в этой позиции выступает **-ул**: мӱним ардтадыул [К-6356] — «[разве] у меня ум помутнелся?». Только при спряжении формы будущего времени на **-ғу** в III лице может иногда появляться аффикс **-сы**.

Аффиксы III группы являются фузионными аффиксами (флексиями), в которых значения наклонения/времени и лица/числа не расчленены. Аффиксы этой группы присоединяются только к глаголам и образуют форму повелительно-желательного наклонения.

Указанные три группы аффиксов лица/числа связаны по признаку слитности/отдельности показателей лица/числа с формантами, образующими основу времени (или наклонения).

Аффиксы I группы при функционировании в составе глагола отделены от показателей времени/наклонения: қоз-масасӱн [К-4634] — «если ты не оставишь». Аффиксы II группы в составе глагольных словоформ утрачивают значение аффиксов принадлежности и имеют тенденцию к слиянию с показателями времени/наклонения. В словоформах типа кӱл+ди+м, кӱл+ди+н аффиксы лица/числа и основа времени «могут быть извлечены из состава парадигм только как «лингвистическое отвлечение» [119, 171]. Тот факт, что аффиксы II группы не осознаются в синхронной системе языка как аффиксы принадлежности, доказывается и тем, что аффиксы лица/числа II группы, по сравнению с аффиксами принадлежности, являются ущемленными — не имеют материально выраженного показателя III лица, совпадающего с таковым аффиксов принадлежности.

У аффиксов лица/числа III группы даже при сравнительно-историческом исследовании не всегда удается выделить показатели лица/числа и наклонения/времени.

Однако аффиксы I группы, легко отделяющиеся в глагольных словоформах от показателей наклонения/времени, обладают и

противоположной сущностью — при именах эти аффиксы, подобно аффиксам лица/числа III группы при глаголе, указывают одновременно на лицо/число и наклонение/время: *kōzūmsā* — «ты мой глаза». Таким образом, аффиксы I группы в составе именного сказуемого имеют ту же сущность, что и аффиксы III группы при глагольном сказуемом. Аффиксы II группы в отношении выделяемости/невывделяемости от показателей времени/наклонения занимают промежуточное положение между аффиксами I и III групп.

Категории времени и наклонения

В языке изучаемых памятников имеются три наклонения: изъявительное, повелительно-желательное и условное. Особое место в системе наклонений занимают формы ирреальности. Развитую систему временных форм имеет изъявительное наклонение.

Категории времени и наклонения вместе с категорией лица/числа составляют основу предикативности. Тесные взаимосвязи и единство этих категорий как категорий предикативности затрудняют адекватное изучение системных отношений среди форм каждой из этих категорий. Поэтому в тюркологических исследованиях системное значение временных форм нередко определяется на основании таких невременных признаков, как видовые, персональные (лично-безличные) и модальные. Иными словами, во временную систему включаются значения других явлений, соприкасающихся с категорией времени [см.: 73]. Это связано с тем, что в конкретной словоформе значения категорий, характеризующих действие во время совершения, способ его совершения (характер протекания), отношение к действительности, выступают нерасчлененно, а едино: на значение одной категории (напр., времени) накладываются значения других категорий (напр., наклонений и вида). Каждая из этих категорий является относительно самостоятельной языковой микросистемой, имеющей собственные средства выражения значения соответствующих категорий.

Для установления места **временной формы** в системе времен важную роль играет собственно временное значение данной формы, а ее видо-модальные, лично-безличные оттенки — второстепенную. При определении места данных форм, например, в системе модальных (или видовых) значений, то здесь их временное значение отходит на второй план и основным становится их модальное (или видовое) значение, на основании которого они вступают в системную связь не друг с другом, а со специальными средствами выражения модальных (или видовых) значений. Поэтому при описании конкретных временных форм в языке восточнотюркских памятников видо-модальные и другие невременные оттенки каждой

формы отмечаются, но системная связь временных форм по этим оттенкам не устанавливается, так как она находится вне категории времени.

Однако связь категории времени с категорией модальности настолько тесна, что ряд явлений в функционировании временных форм объясним только с точки зрения места этих форм в системе средств выражения модальности. Это связано с тем, что категория времени находится в диалектическом единстве с одним из средств выражения модальности — с категорией наклонения.

Связь категории времени с категорией наклонения признается почти всеми лингвистами [64, § 55; 119, 135; 225; 240; 298]. Иногда одни и те же формы (особенно формы будущих времен и перфекта) классифицируются ими то как временные формы, то как формы особых наклонений [см.: 167; 141—155; 279; 59, 9—21; 224]. Это связано с тем, что категория времени выражает отношение действия к моменту речи (или к какой-нибудь другой точке отсчета), а наклонение — отношение действия к действительности. В наиболее обобщенном виде отношения действия к точке отсчета могут быть определены как «предшествующее (прошедшее) — одновременное (настоящее) — последующее (будущее)», а отношения действия к действительности — как «реальное» или как «идеальное» («имевшее место — предстоящее»). При совпадении точки временного отсчета с моментом речи (с объективным настоящим для говорящего) противопоставление последующего (будущего) и идеального (предстоящего) устраняется, образуется большая зона взаимоперехода между формами непрошедшего времени и косвенных наклонений, что дает возможность различной характеристики одного и того же явления, выступающего включенным третьим в оппозиции полярно противоположных единиц. Поэтому категория времени в языке восточнотюркских памятников рассматривается в данной работе в тесном взаимодействии с категорией наклонения, а категория наклонения — во взаимодействии с категорией времени.

Тесное взаимодействие категории времени с другими категориями выражается в том, что иногда две (или несколько) форм по собственно временному значению находятся в отношениях дополнительной дистрибуции (т. е. по собственно-временному значению не отличаются друг от друга), но различаются модальными (или видовыми, персональными) значениями. В структуре системы временных значений такие формы занимают одинаковое место, выступают как одна единица времени, хотя в системе модальных (видовых и др.) значений каждая из этих форм может занимать вполне самостоятельное место.

Для отграничения собственно временного значения от оттенков значения других категорий и для изучения функционирования временных форм важное значение имеет выяснение точки отсчета, по отношению к которой определяется время совершения действия. Принято считать, что точкой отсчета для определения вре-

менного значения выступает «настоящее», т. е. момент речи⁵. Однако момент речи является понятием относительным, условным и является только одной из возможных точек для отсчета времени.

С точки зрения диалектического материализма «в применении ко времени, — как писал Ф. Энгельс, — бесконечная в обе стороны линия, или бесконечный в обе стороны ряд единиц, имеет известный образный смысл» [3, 45]. При измерении этого ряда учитывается, «что единицей, с которой мы начинаем считать ряд, точкой, отправляясь от которой мы производим измерение линии, может быть любая единица в ряде, любая точка на линии, и что для линии и ряда безразлично, где мы поместим эту единицу или эту точку» [3, 49—50]. Такой точкой (или единицей) и выступает момент речи. Однако, как следует из высказывания Ф. Энгельса, он не является единственной возможной точкой отсчета — в качестве таковой может быть принята всякая другая точка, находящаяся на любом отрезке бесконечной в обе стороны линии. Поэтому в зависимости от характера точки отсчета различают абсолютное (прямое, самостоятельное, индикативное) и относительное (релятивное) значение временной формы [212, 206—214; 58, 155—61; 158, 12—20; 193, 18—19]. Если форма глагола указывает на время совершения действия по отношению к моменту речи, она имеет абсолютное временное значение; форма, определяющая время совершения действия относительно событий (действий, явлений, состояний) настоящего, прошлого или будущего, имеет относительное временное значение.

В последующем изложении будем различать абсолютное и относительное временное значение каждой формы и ее абсолютное и относительное функционирование. Формы, различающиеся абсолютным временным значением, назовем формами с абсолютным временным значением, а формы, имеющие одинаковое абсолютное временное значение, но отличающиеся друг от друга своим относительным временным значением — формами с относительным временным значением.

Определение сущности форм с относительным временным значением и установление абсолютного или относительного функционирования временной формы возможны только тогда, когда значение временной формы рассматривается в широком контексте. В зависимости от него значение формы может существенно изменяться. Например, словоформа «öлүр эрди» в предложении «öлүр эрди:.. қамуғ игләгән» в зависимости от контекста может иметь несколько значений: если в предыдущем контексте речь шла о болезни или эпидемии, то она имеет значение «каждый [человек], заболевший [этой болезнью] умирал»; в контексте, где противопоставляются болезнь и смерть, имеет совершенно другое значение «если бы умер каждый, кто заболел».

⁵ О физической и грамматической, характеристике «настоящего» (момента речи) см.: [129, 419—423; 247, 338—341; 194, 138; 158, 9—11; 59, 25—26; 58, 65—68; 88, 111—117].

Поэтому при рассмотрении функций временных форм нельзя ограничиваться контекстом в объеме одного предложения или его части.

Образование временных форм

По особенностям структуры своих морфологических показателей формы времени подразделяются на две группы: формы с простыми (синтетическими) морфологическими показателями; формы со сложными (аналитическими) морфологическими показателями.

К формам с синтетическими показателями относятся: прошедшее на **-ды**; перфект на **-мыш**; настоящее-будущее на **-/-р**, ближайшее будущее на **-галыр**; будущее на **-га/гай**; будущее на **-гу**.

Формы с аналитическими морфологическими показателями свойственны языку восточнотюркских памятников, в основном, микросистеме прошедших времен и образуются путем сочетания основ форм с синтетическим показателем с прошедшим временем недостаточного глагола *эр* (т. е. по модели «синтетическая форма +эрди»). К ним относятся неопределенный имперфект на **-/-р+эрди**, давнопрошедшее на **-ды+эрди**, давнопрошедшее на **-мыш+эрди**.

Коротко рассмотрим особенности образования временных форм в языке изучаемых памятников.

Прошедшее время на **-ды** образовывается с помощью аффикса **-ды/-ди/-ты/-ти** и спрягается с помощью аффиксов лица/числа II группы. В языке «Кутадгу билиг» форма прошедшего времени на **-ды** от глагола *ба* — «связывать, привязывать» может иметь вместо [д] интердентальный [з]: базым [К-45], базың [К-540].

По свидетельству Махмуда Кашгарского, в языке отдельных племен вместо спрягаемой формы прошедшего времени на **-ды** функционировало причастие на **-дук/-туқ**, не сочетающееся с аффиксами лица/числа [II, 64—65]: *қурдуқ* [II, 65] — «натягивал (и) [лук]». Прошедшее время на **-дук** в языке «Кутадгу билиг» употребляется очень редко, а в «Хибатул хакайик» не встречается: *өзүң тапламадуқ бару кәлмәкин* [К-3826] — «ты сам не захотел придти сюда». Кроме того, Махмуд Кашгарский указывает еще на ряд других особенностей образования этой формы в языке различных племен [см.: 60, 89—96].

Перфект в языке памятников образовывается стабильно — спряжением причастия на **-мыш** с помощью аффикса лица/числа I группы.

Настоящее-будущее время образовывается с помощью аффиксов **-р/-ар/-әр/-ыр/-ир/-ур/-ўр/-йур/-йўр** (положительная форма) и **-маз/-мәз/-мас/-мәс** (отрицательная форма). В языке памятников употребление варианта с начальным [й] и без него не регулируется определенными закономерностями. Ср.: *бәзүйўр* [К-716] и *бәзүр* [К-427], можно только отметить, что в языке «Хибатул хакайик» от основ с гласным в ауслауте настоящее-будущее вре-

мя образовывается чаще с помощью аффикса **-йур**: **сӧзлайур** [X-59], **кизлайур** [X-59] [см. еще: X-60, X-100, X-115].

Ближайшее будущее время образовывается с помощью аффикса **-галыр/-гӓйир**, сочетающегося с аффиксами лица/числа I группы. Форма на **-галыр** в языке изучаемых памятников в атрибутивной и субстантивной функциях не выступает [об этом см.: Дс, 652; 296, 199—203].

Будущее на **-га/-гай** образовывается с помощью аффикса **-га/-гӓ/-қа-//кӓй/-гай/-гӓй/қай/кӓй** + аффикс лица/числа I группы. Фонетические варианты **-га** и **-гай** употребляются параллельно.

Будущее на **-ғу** образовывается с помощью аффикса **-ғу/-ғӱ/-қу/-қӱ** (очень редко с негубными гласными) + аффикс принадлежности. Форма на **-ғу** в предикативном употреблении отчетливо сохраняет именной характер. Это выражается не только в том, что она спрягается с помощью аффиксов принадлежности, но и в том, что форма отрицания может быть образована с помощью аффиксов **-мағу (а)**, **-ғусуз (б)** и отрицательных слов **-ғу эрмӓз (в)**, **-ғу + афф. принад. + йоқ (ғ)**⁶: а) **ӧлмӓгӱ** [K-1745]; б) **алғусуз** [K-307]; в) **қал-ғу эрмӓз** [K-5031]; г) **тӓгкӱси йоқ** [K-4596].

Будущее на **-ғу** встречается в языке памятников, как правило, в форме III лица ед. числа, и в этом значении аффиксы **-ғу** и **-ғусы** (т. е. с аффиксом принадлежности и без него) употребляются параллельно. Очень редко будущее на **-ғу** встречается в форме I лица ед. и мн. числа.

Формы с аналитическими морфологическими показателями образуются, как было сказано выше, по модели «синтетический показатель времени + эрди». Необходимо подчеркнуть, что в языке изучаемых памятников стяжение этих форм и элизия [эр] (т. е. **кӓлӓрди** вместо **кӓлӓр эрди**) невозможны. Только один раз в наманганском списке «Кутадгу билиг» встречается форма **-гарды**, которой в венской и каирской рукописях соответствует форма **-гай эрди**: **ӧлӱр эрди иглӓб киши тӓгмӓ иг киши қалмағарды бу йӓрдӓ тириг** [K-5865] — «если бы заболев всякой болезнью, человек умирал, на этой земле не осталось бы живой [души]». Трудно сказать, является ли «**қалмағарды**» результатом стяжения «**қалмӓгӓ эрди**», или же это особая форма на **-ғар**, связанная с аффиксом **-га/-гай** [ср. саларское будущее на **-ғар**; 215, 83; 264].

В языке восточнотюркских памятников можно видеть начало формирования аналитической формы настоящего-будущего времени на **-адур**; в языке «Кутадгу билиг» два раза встречается форма **тӓгӓдӱр** [K-1787, 4601], которая может быть рассмотрена как форма настоящего-будущего времени на **-а** от глагола **тӓг-**. Кроме того, аналитические конструкции типа деепричастие на **-а/-у + туруп** семантико-функционально очень близки к временным формам: **этил сувы ақа туруп** [I, 103] — «течет река Волга», **кӧрнӱ туруп** [K-4655] — «виднеется».

⁶ Ср. аналогичное явление в узбекском перфекте [118].

Значения временных форм

Прошедшее на -ды имеет наиболее обобщенное временное значение и указывает на совершение действия до момента речи относительно характеру протекания, давности совершения и является нейтральным ко всем видо-модальным значениям [193, 5; 119, 142]. Поэтому в лингвистических работах зафиксировано до двадцати значений этой формы [см.: 298, 16], которыми не исчерпываются возможные контекстуальные оттенки значения данной, нейтральной по отношению ко всем невременным значениям, формы. Данная временная форма в зависимости от контекста может иметь оттенки однократности (а), многократности (б), обычности совершения действия в прошлом (в), начинательности (г), возможности (д), результативности (е) и др.: а) элиг имләди кэлгил [К-607] — «правитель подал знак: «Иди [сюда]»; б) шәкәрлиг йәдиң сән узун [К-3557] — «долгое время ты питался сладостями; в) билигсиз билиглигкә болды йағы [К-197] — «невежда [всегда] был врагом ученого»; г) йаруды баса йылдуруқ [К-5555] — «потом засветился Сириус»; д) ул арзу тиләкни өзүм булмады [К-4831] — «я не смог достичь те желания и стремления»; е) йана айды билгә бөгү сөзләди өзүн тутнумас эр башын йәр тәди [К-2479] — «он еще сказал: «Знающий мудро говорил — мужчина, который не может воздержаться, губит себя».

Форма прошедшего времени может употребляться относительно и обозначать действие, предшествующее другому действию в прошлом, т. е. может иметь значение давнопрошедшего: орун бәрдим эрсә басындың мәни [К-632] — «Я дал [тебе высокую] должность (букв. место), ты [же] притеснил меня». Другим случаем относительного функционирования формы на -ды является употребление в позиции сказуемого главной части условного периода. Такое употребление прошедшего категорического времени для выражения идеального (будущего, несовершившегося) действия характерно экспрессивному (эмоциональному, волевому) языку [64, 430; 158, 44] — транспозиция формы прошедшего категорического времени на будущее придает словоформе оттенки убежденности, неизбежности совершения действия и результативности; будущее действие изображается осуществившимся, достигшим цели и предела [64, 430]: мәңә болса фазлың қутулды өзүм [X-20] — «если пощадишь меня [считай, что] я спасся».

Аналогичное употребление прошедшего категорического времени встречается и вне условного периода, но в сочетании с модальными словами: тутайы сән аймыш элиг тапғыны тўғал билдим эш тўш боздун қылқыны [К-4595] — «Допустим, я усвоил полностью службу у правителя, о которой ты говорил, и поведение друзей, сверстников, народа».

Таким образом, форма на -ды имеет абсолютное временное значение прошедшего, но может употребляться относительно и является нейтральной по отношению к видо-модальным значениям.

Настоящее-будущее время на *-/-р* обозначает такое действие, период совершения которого включает и момент речи, т. е. действие совершается на таком отрезке прошлого и будущего, между которыми есть момент речи [247, 340; 58, 148]. Этим обуславливаются разнообразные контекстуальные оттенки значения этой формы. Форма на *-/-р* в языке памятников обозначает:

действие в момент речи: азынсыг корүрмэн бу күн қылқ этиг [К-768] — «сегодня [твой] нрав и поступок кажутся мне иными (букв. я вижу иными поведение, поступок)»;

обычное, постоянно повторяющееся действие, «совершающееся в не временных условиях» [145, § 461]: билиг бирлә билнүр сабадат йолы [X-42] — «знанием познается путь к счастью». Вневременное употребление глагольной формы указывает на постоянство признака [135, 31] и может иметь сильно выраженный качественный оттенок: йылқы йазан этләннүр [I, 282] — «летом скот (лошади) тучнеет». Поэтому формой настоящего-будущего времени обозначается род деятельности и занятия субъекта, проявление которых не ограничено моментом речи и которые в момент речи могут и не проявляться: йана-ма айытты тиләкин нэ-ул нэқу иш қылурсэн кэрәгин нэ-ул [К-513] — «кроме того [хаджиб] спросил [у Айтолды]: «Чего ты хочешь? Чем ты занимаешься? В чем твоя нужда?»;

действие, которое совершится в будущем (идеальное действие), имеющие оттенки категоричности, возможности, предположительности и др.: бу күн мэн барырман муну эркисзин йарын сэн кәлирсэн узу шаксизин [К-1350] — «вот я сегодня ухожу по неволе [из этого мира], завтра ты придешь, несомненно, следом [за мной]».

В относительном употреблении форма на *-/-р* используется для описания действий в прошлом и ее временное значение определяется не по отношению к моменту речи, а по отношению к моменту совершения другого действия в прошлом: анар ағдым эмди бирәр бағнача башынга тәги бағна садым нэчә башында бир атчы мәнә сув бэрүр алыр-мә түгәтү ичиб өз қанур [К-5909—5910] — «по одной ступеньке поднялся я [по лестнице], до верха сосчитал несколько ступенек, на конце [лестницы] всадник дает мне воду, я беру воду, пью до конца, и душа уснокаивается». В этом контексте форма на *-/-р* служит для живописного описания событий прошлого.

Таким образом, форма на *-/-р* как и прошедшее на *-ды* является нейтральной по отношению к видо-модальным значениям; может обозначать как реальное (совершающееся в момент речи), так и идеальное действие. Данная форма может реализовать как абсолютное, так и относительное временное значение.

Будущее время на *-ғә/-ғай* в абсолютном функционировании обозначает действие, совершаемое в будущем: атың эзгү болғай эһи сәвғәләр [К-4154] — «ты приобретешь доброе имя, тебя полюбят». Значение будущего времени на *-ғә/-ғай* часто сопро-

вождается модальными оттенками категоричности, предположения, пожелания, цели, долженствования, возможности и др.: мэнä бэргил эмди бир от сав эриг магар эзгүлүккә тэгилгәй элиг [К-4986] — «дай мне напутственное слово, совет и наставление, чтобы можно было приниматься только за хорошие дела».

В относительном употреблении форма на -ға/-ғай выступает чаще всего в составе сказуемого главной части условного периода. В этой позиции функциональное противопоставление настоящего-будущего на -/-р и будущего на -ға/-ғай снимается: бэги эзгү болса ... тақы эзгү йурығай қулы [К-2080] — «если правитель [страны] ведет себя хорошо (букв. если правитель хороший), подданные ведут себя еще лучше» ср.: қалы болса арсланқа ыт башчысы бу арслан болур барча ыт сақышы [К-2014] — «если собака (трусливый человек) станет главою [храбрых] львов, все эти львы станут подобными собаке». В относительном употреблении форма на -ға/-ғай может обозначать действие, совершающееся после другого будущего (будущее в будущем): төрү эзгү ур күнүң эзгү болға [К-1438] — «праведно соблюдай төрю, дни твои станут хорошими».

Будущее время на -ғу. Функционирование данной формы в языке изучаемых памятников очень интересно и противоречиво. Противоречивость ее заключается в том, что данная форма может употребляться как в личном (а), так и в безличном (б) значениях, что связано, видимо, с значением оттенка долга, сопровождающим эту форму почти всегда: а) көрү турғу бэкләр [К-1724] — «беки должны следить»; б) бу бэкләр сөзин тутғу бэрк [К-4018] — «следует внимательно прислушиваться к словам беков»; сэнä барғу эрсä [К-3147] — «если тебе надо идти».

Форма на -ғу почти всегда сопровождается модальными оттенками долженствования, возможности, предлагательности-предписательности и др., частичная нейтрализация модальных значений наблюдается очень редко: қалы өпмәгү бу уқушлуқ кишиг [К-1745] — «как можно не хвалить смысленного человека»; нэчä қачса ахыр өлүм тутғусы [К-1367] — «куда бы ни бежал, в конце концов смерть достигнет».

Очень часто долженствовательное значение формы на -ғу подерживается с помощью модального слова кэрäк — конечное сказуемое может иметь как личное, так и безличное значение: отäгү кэрäкмэн бу ҳақлар сэнä [К-1571] — «я должен оплатить тебе то, что ты заслужил». Очень часто слово кэрäк является факультативным: киминдин эшитгү кэрäк сөз чыны сөзүг кимгä айғу мэнä ай [К-997] — «скажи мне, от кого должны исходить истинные слова [и] кому следует говорить их».

С нейтральностью аффикса -ғу по отношению к значению лица связано функционирование безличной формы -ғулуқ в качестве синонима формы на -ғу: башы барды хайрның соны барғусы өни кэлди шаррның соны кэлгүлүк [X-196] — «начало добра ушло,

остатки (букв. конец) тоже уйдут, начало зла пришло, последствия должны придти».

Следовательно, в языке памятников три формы — **-ғу**, **-ғу**, **-кэрак**, **-ғулуқ** имеют одинаковое значение. Это связано с многозначностью самого аффикса **-ғу**. Форма **-ғулуқ** возникла в результате противоречия между личными и безличными значениями в аффиксе **-ғу**; при передаче безличных типов значения аффиксу **-ғулуқ** это противоречие снималось бы. Как стремление языковой системы к отграничению значения долженствовательности от прочих модальных значений следует рассмотреть возникновение аналитической формы **-ғу+кэрак**. Однако эти процессы в языке рассматриваемого периода еще не были завершены.

В относительном употреблении форма на **-ғу** может иметь значение «будущего в будущем»: оқы кэлсә кэлғай қалы кэлмәсә нәкүкә иләнғүм [К-3123] — «ты пригласи [его], если придет, придет, если [же] не придет, на что же я буду обижаться».

Как было сказано выше, отрицательная форма этого времени образовывается с помощью аффиксов **-мағу**, **-ғусуз** и аналитических конструкций **-ғу эрмәз**, **-ғусы+йоқ**.

Отрицание на **-ғусуз** употребляется в тех случаях, когда функционирование формы очень близко к обстоятельству: билиг байлық-ул бир чығай болғусуз [К-307] — «знание — богатство, которое никогда не иссякнет (букв.: не может стать бедным)».

Отрицание на **-мағу** употребляется чаще при реализации безличных оттенков долженствования, предписания, возможности — **өз асғы тиләркә кәнәшмәғү сөз** [К-3447] — «не следует советоваться с человеком, преследующим свою пользу». Отрицание **-ғу эрмәз**, как правило, имеет значение обычного действия, постоянного признака и иногда сопровождается оттенками возможности/невозможности: тиләб булғу эрмәз тириглик тучы йана йанғу эрмәз йигитлик күчи [К-5041] — «не всегда, когда хочешь, можно быть в живых (букв.: находить жизнь), снова не вернется — энергия молодости».

Отрицание **-ғу+афф.** принад.+йоқ употребляется при значительной нейтрализации модальных значений: сәнә тәгкүси йоқ мәғәр эки бөз [К-4596] — «тебе не достанется [ничего], кроме двух [аршинов] бязи». При отрицании **-ғу+йоқ** данная форма выступает как имя действия: эмгәксизин турғу йоқ мунда [I, 597] — «здесь нельзя жить (букв.: нет жизни) без тягот».

Таким образом, в отрицательных формах будущего времени на **-ғу** специализация каждой формы отрицания для выражения определенных типов значения ощущается яснее, чем в положительных формах. В положительных формах будущего времени на **-ғу** мы можем видеть только начальную стадию, предпосылку этого явления — наличие разнородных значений и параллелизм средств выражения, но закрепления типов значения за определенными формами еще не произошло.

Из изложенного выше следует, что в языке памятников функционируют три формы, которые могут обозначать будущее (идеальное) действие — настоящее-будущее на *-/-/р*, будущее на *-ға/-ғай* и будущее на *-ғу*. Сопоставление значений этих форм обнаруживает, что эти формы со значением будущего (идеального) действия по степени выражения модальных значений находятся друг с другом в отношениях градуальной оппозиции; форма на *-/-/р* является нейтральной по отношению к модальным значениям, форма на *-ға/-ғай*, хотя и сопровождается всегда модальными оттенками, но они в этой форме выражены слабее, чем в форме на *-ғу/-ғулуқ*.

С другой стороны, формы на *-ғу* и на *-ға/-ғай* противопоставлены привативно по признаку «личности формы». Данный признак маркирован в форме на *-ға/-ғай*, так как значение этой формы всегда связано с определенным лицом, а форма на *-ғу* может иметь как личное, так и безличное значение. Поэтому в языке памятников формы лица/числа в будущем на *-ғу* не развиты.

Из оппозиции форм, способных выражать идеальное действие, можно сделать вывод, что эти формы противопоставляются по невременным признакам («модальность», «личность/безличность»). Однако это не говорит о том, что формы на *-/-/р*, на *-ғу* и на *-ға/-ғай* занимают одинаковое место в системе времени, так как форма на *-/-/р* только на основании одного значения соприкасается с формами на *-ғу* и на *-ға/-ғай*, но в отличие от них способна выражать реальное (протекающее в момент речи) действие.

Перфект

Центральным значением тюркского перфекта принято считать значение результативности [113, 17; 12, 6], и все остальные оттенки значения данной формы выводятся из этого основного значения [см., напр., 240, 22—27]. Это связано с наиболее распространенным пониманием перфекта как формы с результативным значением⁷. Однако не все случаи функционирования данной формы могут быть объяснены значением результативности. Например, обратимся к контексту, следующему за сказуемым: *көрү турса* — «если посмотреть»:

*бөгү бэк ким эрсә билигкә йақын/билиглиг кишиг қылмыш
өзкә йақын/элиг урмыш ишкә бақыб ишләмиш/билиг ишкә тут-
миш бузун башламыш/элин этмиш өтрү байумыш қара.../аты эзгү
болмыш атанмыш ақы ... өлүрин билиб өзкә қылмыш этиг/битиб
қозмыш атын тиригкә битиг [К-251—255] — мудрый правитель,
если он обладал знанием, приблизил к себе знающих людей. Он
обдуманно приступил к делу, за которое взялся, благоустроил
страну свою, благодаря чему разбогател народ. Имя [такого пра-
вителя] стало добрым, прославилось щедрым. Понимая неизбеж-*

⁷ Анализ взгляда языковедов на перфект см.: [210, 125; 58, 62—69; 213, 254—258; 247, 289—308].

ность смерти, он приготовился [к этому], вписав свое имя, оставил последующим (букв.: живым) письмена.

Из употребленных здесь восьми форм перфекта только последняя (бити́б қозмыш) имеет резульативное значение. Остальные выражают действие, происшедшее до состояния, принимаемого за точку отсчета.

Форма на -мыш может обозначать действие, завершившееся до другого прошедшего действия. С этим значением перфекта связана его классификация в некоторых работах как давнопрошедшее [82, 25; 188, 144]: эшитим сэнин эзгү қылқың йанын... байат қылмыш эмди сэнә эзгүлүк билиг бэрмиш эрдам уқуш бг үлүг [К-3160—3161] — «я услышал о твоём хорошем нраве [и] поведении... бог сделал тебе [много] добра: наделил тебя совершенством, разумом [и] смышленностью». В этом контексте действия қылмыш, бэрмиш совершаются раньше действия эшитим, время совершения которого принимается за точку отсчета.

Перфектом может быть обозначено также действие, совершившееся до какого-либо процесса (или состояния) в настоящем: қайу айды қан тутмыш... муны [К-1044] — «некоторые [лекари] сказали: «У него повысилось [давление] крови». Из такого употребления перфекта в зависимости от лексического значения глагола и контекста легко могло развиваться резульативное значение [ср.: 247, 304—305]: тажиклар битигда битимиш муны [К-278] — «таджики написали о нем в книгах»; «күмүш күрси урмуш үзә олтуруп [К-756] — «поставив серебряное кресло, сидит в нем». То, что значение резульативности является производным от значения «осуществление процесса до того времени, которое имеется в виду, о котором идет речь» [247, 291], а не наоборот, доказывается следующими явлениями:

во-первых, перфектом может быть обозначено действие, совершившееся в прошлом, но его резульат может не проявиться: бу дунйа нэни ул сэчилмиш мэңә [К-3516] — «явления этого мира перебраны (распознаны) мною»;

во-вторых, оттенок резульативности может появляться и тогда, когда перфектом обозначается действие, имевшее место до другого прошедшего (т. е. резульат действия наличествует не в момент речи, а в прошлом): элигкә бақа көрди йашру көзүн қашы көзи түгмиш ачитмыш йүзин [К-755] — «он попытался тайком бросить взгляд на правителя: [правитель сидел] нахмурившись и сделав строгое лицо».

На основании относительности временного значения перфекта легко могли возникнуть такие контекстуальные оттенки этой формы как передача чужой речи (а), опосредственная информация о действии (б), неожиданность появления признака прошлого действия (в) и, наконец, неочевидность (г):

а) алп эр... сөзләмиш эр өзрүм кэрәк сү толумлуғ тэмиш [К-2301] — «храбрые богатыри наставили: «Нужны отборные мужчины, вооруженное войско», — говорили;

б) бу айтолды ҳалын эшитти элиг ёлўм тутғақы иг тэгўрмиш элиг [К-1053] — «правитель узнал (услышал) о состоянии Айтолды; вестник смерти — болезнь прикоснулась к нему»;

в) көңўл көзи бирлә туруб тыңладым өзўм йолда азмыш туруб таңладым [К-5570] — «глазами сердца я осмотрелся, оказывается я заблудился, я удивился»;

г) ул бармыш [II, 63] — «он, кажется, ушел».

Таким образом, общим для всех случаев функционирования формы на **-мыш** является сигнализация осуществленности действия раньше какого-нибудь временного отрезка, который определяется временем совершения другого действия или контекстом. Другими словами, форма на **-мыш** имеет значение прошедшего времени, однако оно является относительным — перфект, обозначающий действие, совершившееся до какого-либо состояния (действия, события, явления) в настоящем, выступает как предстоящее время, а на фоне другого прошедшего — как предпрошедшее (давнопрошедшее) время.

Помимо относительного временного значения перфект обладает и абсолютным временным значением. Временное значение перфекта по отношению к абсолютному временному значению является прошедшим и в этом отношении он не отличается от других форм прошедшего времени. Специфическим значением формы на **-мыш**, отличающим данную форму от других форм прошедшего времени является относительное временное значение, т. е. осуществление действия раньше другого действия или события. Этим перфект противостоит прошедшему на **-ды**, который указывает на совершенность действия до момента речи, и для которого сигнализация отнесенности к моменту другого действия (состояния) несущественна.

Ближайшее будущее на **-ғалыр** в языке памятников встречается редко и по своим особенностям напоминает перфект на **-мыш**. Однако форма на **-ғалыр** выражает действие, совершающееся после какого-либо действия или состояния. Поэтому в контексте, где функционирует форма на **-ғалыр** ясно ощущается временной фон, по отношению к которому данная форма выражает предстоящее или начавшееся действие: сэвинчин туғар эрди туғмыш күнўм/кўнўм батғалыртэг йарумас тўнўм [К-1058] — «[раньше] мое восходящее солнце восходило [сопровожаемое] радостью [для меня], [теперь] мой день закатывается, [темная] ночь не осветится для меня».

Действие, по отношению ко времени которого форма на **-ғалыр** выражает предстоящее действие, может быть совершившимся до момента речи (чаще в этой позиции выступает прошедшее на **-ды** с оттенком результативности), так и не совершившимся (будущим). Когда временная форма на **-ғалыр** накладывается на будущее время, она обозначает действие совершающееся непосредственно после совершения этого действия, или совершающееся одновременно с ним (а), но когда в качестве фона выступает

прошедшее действие с оттенком результативности, форма на **-ғалыр** обозначает действие, начавшееся в момент речи и продолжающееся в будущем или совершающееся в ближайшем будущем (б): а) сэзигсиз өлүм ахыр бир күн кэлир тирилмиш бу жанлығ жанын алғалыр [К-1451] — «несомненно, смерть наступает однажды, отнимет душу у [всех] живых существ»; б) өлүм тутғақы тутты өз барғылыр [К-5851] — «вестник смерти [болезнь] пристала [ко мне], душа вот-вот покинет [тело]». Иногда в форме на **-ғалыр** могут усиливаться модальные оттенки долженствования (или желания). В этом случае форма на **-ғалыр** семантико-функционально соприкасается с формой на **-ғу**: аяа кэң йорықлы бузун өгтәми өлүм бузғалыр көр тириглик тамы [К-6041] — «о, ты, живущий на широкую ногу хвастливый человек, смотри, смерть несомненно, разрушит основу жизни».

Из рассмотрения функционирования ближайшего будущего на **-ғалыр** можно заключить, что данная форма подобно перфекту имеет относительное и абсолютное временное значение. Относительность ее значения выражается в обозначении действия, совершающегося после какого-нибудь временного отрезка (события, действия, состояния), а ее абсолютное временное значение составляет значение действия, совершающегося после момента речи (или начавшегося в момент речи и продолжающегося в будущем).

Неопределенный имперфект обозначает действие, имевшее место в определенный период прошлого и соотносит время совершения данного действия со временем совершения другого действия [ср.: 92, 147; 240, 43]. Чаще всего в период протекания действия, обозначенного неопределенным имперфектом, совершается другое действие. Оттенок незавершенности, длительности, выделяемый во всех работах в этой форме, связан именно со значением «состояние в определенный период прошлого»: азыб йүгрүр эрдим айу бәрди йол [К-378] — «я ходил в заблуждении, [мне] он указал путь».

Состояние (действие), обозначаемое неопределенным имперфектом, в период протекания которого совершается другое действие, может локализоваться по отношению к моменту речи как в далеком, так и в недалеком прошлом: узыр эрдиң эрсә тур ач эмди көз [К-80] — «если ты спал, проснись, открой глаза»; тақы иймәнүр эрдим эмди сәнә саламат аман бәрдиң эмди мәнә [К-4961] — «[только что] я еще стеснялся тебя, теперь ты [своим] приветствием обеспечил мне безопасность».

Часто неопределенный имперфект используется для описания обычного, повседневного действия (состояния) в прошлом, которое прекращается или изменяется в момент речи (или в определенный период прошлого): сэвинчин туғар эрди туғмыш күнүм/күнүм батғалыр-тэг йарумас түнүм [К-1058] — «[раньше] мое восходящее солнце восходило [сопровождаемое] радостью [для меня], [теперь] мой день вот-вот закатится, [темная] ночь не осветится [для меня]». Значение этого состояния (действия) в

данном примере вытекает из формальной структуры неопределенного имперфекта, которая является во временном значении двухплановой [ср.: 279, 134; 278; 18; 213, 257]. Форма настоящего-будущего времени выражает действие в какой-либо длительный период, а эрди относит его на плоскость прошедшего. Поэтому действие, обозначенное неопределенным имперфектом выступает как период, как настоящее (одновременное) по отношению к другому действию в прошлом. Следовательно, собственно временное значение неопределенного имперфекта является относительно и выступает как «настоящее длительное в прошедшем».

Различие между значениями неопределенного имперфекта и перфекта, имеющих относительное временное значение, заключается в том, что:

1) перфект указывает на совершенность действия до другого действия или состояния, а неопределенный имперфект — на то, что действие совершалось в определенный период прошлого, и поэтому в процессе протекания этого действия может происходить и завершаться другое действие;

2) перфект чаще всего выражает совершенность действия по отношению к событиям (действиям, состояниям) настоящего, а имперфект выражает совершение действия на фоне прошедшего.

Давнопрошедшее на -ды эрди в языке «Кутадгу билиг» встречается редко и служит для обозначения прошедшего действия, совершившегося до другого прошедшего: байат берди эрди анаржан раван йана йандрю алды чыкыб барды жан [II, 179/34] — «бог дал ему душу тленную [и] снова отнял, душа улетела». Поэтому данная форма может употребляться в том случае, когда речь идет о событиях более давних и прошедший временной фон давнопрошедшего может обозначаться контекстуально: йалың кэлдим эрди йалың киргү йэргä [К-6319] — «я родился (букв. пришел) нагим, нагим и вынужден уйти в землю».

Поскольку в относительном употреблении прошедшее категорическое на -ды может обозначать действие, совершившееся до другого совершившегося действия, временная последовательность действий не подчеркивается, форма на -ды может заменить собой давнопрошедшее на -ды эрди: кимиг сэрдим эрдим кимиг ма ачыттым [К-6309] — «кого-то я ругал, кого-то обидел».

Таким образом, давнопрошедшее на -ды эрди подобно перфекту и имперфекту имеет как относительное, так и абсолютное временное значение. Абсолютное временное значение данной формы является прошедшим, а ее относительное значение давнопрошедшим.

Давнопрошедшее на -мыш эрди встречается в языке памятников очень редко. Поэтому мы не можем выявить оттенки значения и особенности функционирования, отличающие эту форму от других временных форм и предикативного функционирования причастий: төрүтүлмүш эрдиң төрүгли өлүр [К-1226] — «ты был сотворен, [а] сотворенное гленно (букв. умрет)».

Соотношение форм времени

Характер собственного временного значения, по которому какая-нибудь форма противопоставляется другим, оппозитивным, у форм прошедшего категорического (-ды), настоящего-будущего (-/-/р) и будущего (-га/-гу) и перфекта (-мыш); ближайшего будущего (-галыр), имперфекта (-/-/р эрди), давнопрошедшего (-ды эрди), различен. Первые оппозитивны по своему абсолютному временному значению и в случаях относительного функционирования сохраняют признаки противопоставления по этому значению; вторые противопоставляются другим формам, прежде всего, по своему относительному значению, и их собственно временное значение раскрывается на фоне форм с абсолютным значением. Абсолютное временное значение в этих формах определяет на фоне каких форм с абсолютным временным значением раскрывается это относительное временное значение.

В языке для отражения объективного времени языковыми средствами решающее значение имеет микросистема форм с абсолютным значением, так как только эти формы могут непротиворечиво разделить объективное время на прошедшее, будущее и обозначить их относительную границу — настоящее. Поэтому формы с абсолютным значением образуют основу системы времен, а формы с относительным временным значением — ее обрамление, окружение. С этим связаны в истории тюркских языков и в языке рассматриваемых памятников два явления:

во-первых, формы с абсолютным временным значением являются наиболее употребительными и нейтральными по отношению ко всем невременным значениям, сопровождающим, как правило, предикативные формы (т. е. к значениям модальности, вида, лица/числа);

во-вторых, формы с абсолютным временным значением во всей истории тюркских языков обнаруживают удивительную устойчивость (прошедшее на -ды и настоящее-будущее на -/-/р употребляются почти во всех тюркских языках), формы же с относительным временным значением значительно отличаются не только в разных тюркских языках, но и в разных периодах развития одного и того же языка.

Оппозиция форм на -/-/р, на -га/гай и на -гу, выражающих будущее действие, строится по невременным признакам. Если отвлечься от невременных значений форм на -га/-гай и на -гу (от модальных и персональных оттенков), то в микросистеме форм с абсолютным значением они находятся в отношениях дополнительной дистрибуции с формой на -/-/р. Именно со значением будущего действия (но не на основании модальных и других невременных оттенков) включаются формы на -га/-гай и на -гу в микросистему форм с абсолютным значением. Поскольку включение форм на -гу/-гай/-га в эту микросистему является условным, частичным, те два свойства элементов микросистемы форм с абсо-

лутным значением, указанные выше, не распространяются на эти формы.

Если сгруппировать формы с относительным значением вокруг форм с абсолютным значением, то получим следующее:

1) вокруг абсолютного прошедшего объединяются имперфект (-/-р+эрди) и давнопрошедшее (-ды+эрди);

2) вокруг настоящего-будущего — перфект (-мыш) и ближайшее будущее (-галыр).

Неопределенный имперфект выступает как настоящее, как период совершения для другого совершающегося действия. Поэтому действие, обозначенное неопределенным имперфектом совершается не в один кратчайший момент, а в определенный отрезок прошлого и напоминает действие, обозначаемое формой абсолютного настоящего-будущего времени на -/-р, которое совершается в отрезок прошлого и будущего, который включает и момент речи;

Давнопрошедшее (-ды эрди) выступает как прошедшее по отношению к прошедшему, перфект как прошедшее по отношению к событиям настоящего, ближайшее — будущее как будущее по отношению к событиям настоящего.

Формы будущего времени на -га/-гай и -гу могут быть отнесены как к будущему времени, так и к косвенным наклонениям (идеальному). Поэтому различие между формами на -га/-гай-гу и -/-р (в значении будущего действия) не временное, а модальное. Это послужило причиной расхождения мнений исследователей при определении места форм со значением будущего времени в системе форм времени и наклонений; одни и те же формы могут быть оценены и как формы будущего времени, и как формы косвенных наклонений, что вытекает из двойственной природы этих форм и из диалектического характера единства категорий времени и наклонения.

Обобщим оппозиции временных форм изъявительного наклонения в языке изучаемых памятников:

Формы на -ды, -га/гу и -/-р, которые могут реализовать как абсолютное, так и относительное временное значение, противопоставлены формам на -мыш, на -галыр, на -/-р эрди и на -ды эрди, которые различаются относительным временным значением.

Формы на -мыш, -/-р и на -ды эрди, маркированные по признаку реальности, совершенности действия, противопоставлены ближайшему будущему на -галыр, которое, как правило, выражает действие, начавшееся в момент речи и устремленное в будущее.

Форма на -/-р эрди оппозитивна формам на -ды эрди и на -мыш по признаку «одновременность», который выражен в форме на -/-р эрди. Времена на -ды эрди и -мыш являются нейтральными по отношению к данному признаку и выражают прежде всего действия, разобщенные во временном плане с другими действиями.

Формы на -мыш и на -ды эрди противопоставлены по призна-

ку «отнесенность к прошлому», который маркирован в форме на -ды эрди и не выражен в форме на -мыш. Поэтому перфект на -мыш выражает действие, соотношенное с событиями настоящего и довольно редко обозначает состояние на фоне другого прошедшего действия.

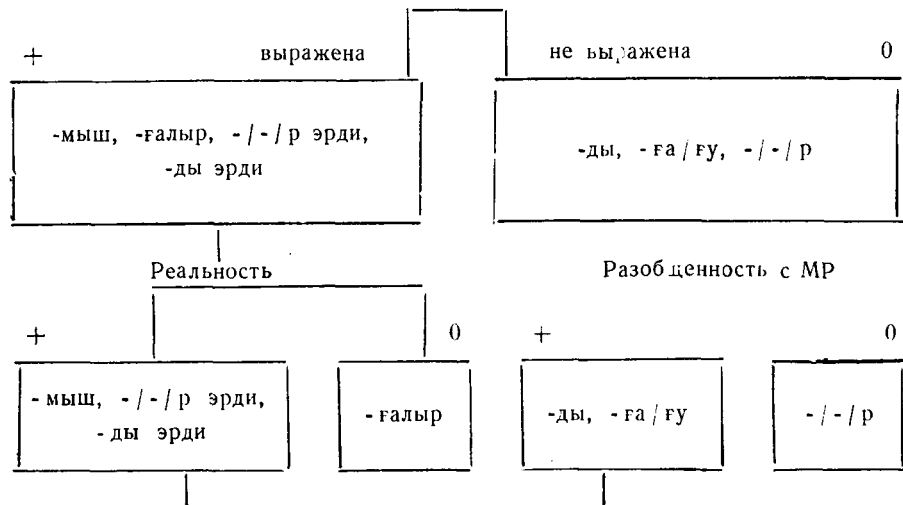
Формы с абсолютным временным значением оппозитивны по признаку «разобщенность с моментом речи». Данный признак выражен в формах на -ды и на -га/-гу, но не выражен в форме на -/-р.

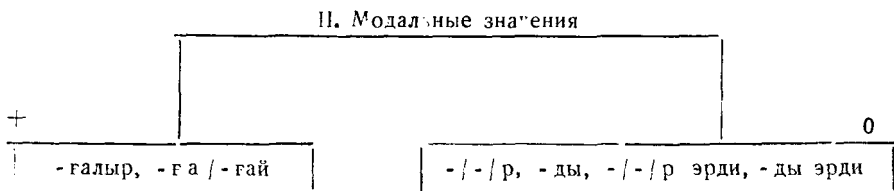
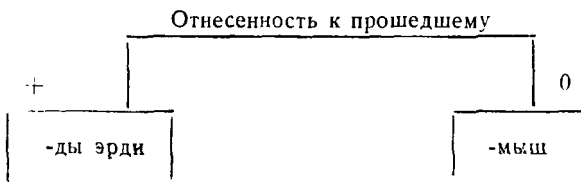
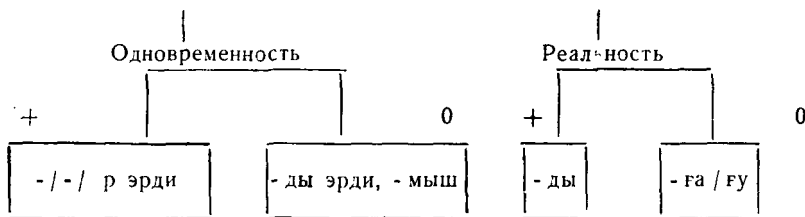
Формы на -ды и -га/-гу оппозитивны по признаку «реальность действия». Данный признак выражен в форме на -ды.

Как видно из противопоставления формы на -ды с формами на -га/-гу и формы -мыш, -/-р эрди, -ды эрди с формой на -галыр признаки противопоставления форм прошедшего времени с формами будущих времен выходят за пределы собственно временного значения и затрагивают сферу взаимоотношения наклонений. Это свидетельствует о том, что в системе времен формы прошедшего и будущего времени по временному значению не противопоставляются. Оппозиции этих форм проявляются через настоящее-будущее, которое включает в себя моменты реального и идеального.

Другой ряд оппозиций временных форм основывается не на собственно временных значениях, а на признаках межкатегориальных отношений — на отношениях категории времени с категорией модальности (в частности с наклонениями). В этой оппозиции по признаку «выраженность модальных значений» формы на -галыр, на -га/-гай и на -гу выступают сильным, а остальные формы, нейтральные по отношению к выражению модальных значений, слабым членом. Сказанное можно представить в виде следующей схемы:

1. Относительность значения

В тюркских языках сложение и развитие системы времен тесно связаны с причастиями и аналитическими формами глагола. Поэтому иногда затруднительно ответить на вопрос, является ли какая-нибудь форма формой времени, обособившейся от причастий, или представляет собой причастие в предикативной функции. Определяющую роль играют функционирование этой формы и ее положение в системе времен. Если она занимает там определенное место, то ее можно рассматривать как форму времени, в противном случае, когда она не включена в эту систему, ее нельзя классифицировать как временную, обособившуюся от причастий (или аналитических форм). Например, форма на *-дачы/-дäчи* в предикативном употреблении имеет значение настоящего или будущего: *осал болмагыл эй тириг болдачы тириг боддың эрсä öзүн öлдäчи* [К-1052] — «не будь беспечным, о ты живущий, ты хотя и жив (букв. ты стал живым), [но] должен умереть» [28]. То же самое с сочетаниями типа «- / - / глы + турур», «- / - / гсақ + турур» и др., которые не занимают определенного места в системе времен. Временное значение, выступающее в предикативном употреблении этих форм, представляет собой проявление временного значения причастий, которое в систему временных форм не входит. Формы на *-мыш*, *- / - / р*, *-гу*, которые занимают в системе временных форм однозначное место как формы предикативности. Несмотря на то, что они дают иногда конструкции типа «формант причастия + турур», их нельзя исключить из этой системы. Такие конструкции

для этих форм выступают как рудименты прошлого глагольно-именного состояния этих форм и являются результатом двойственности причастий как именных и глагольных форм: тилаб булмаса барча захыд болур сабрда азын хыйла булмас турур [К-3398] — «каждый, кто хотел чего-то, но не смог достичь, станет отшельником, [так как] у него нет другого выхода, кроме как терпение». Поэтому развитие и функционирование форм на **-мыш**, **-/-р** и др., обособившихся от причастий, в предикативном употреблении, определяется не системой причастий, а системой временных форм.

Таким образом, изъявительное наклонение является нейтральным как по отношению к видо-модальным, так и к временным значениям, может обозначать как идеальное, так и реальное действие. Этим обуславливается возможность варьирования временных форм индикатива в зависимости от синтаксического окружения и контекста, реализации ими различных видо-модальных и временных значений.

Повелительно-желательное наклонение. Его положительные формы образуются с помощью следующих аффиксов⁸:

Лицо	Единственное число	Множественное число
I	-й/-ай/-йы/айы/-айын	-лым/- (а) лым; - (а) лың -
II	-ø; -гыл	-/-н; -/-/ңыз; -/-/ңлар
III	-су/-сы/-сун/суны	-су/-суң/-сулар/-сунлар

Отрицательная форма образуется с помощью аффикса **-ма**: қылмайын [К-5528].

Аффикс **-алың** встречается только один раз в «Кутадгу билиг» (кираһың [К-4826]), аффикс **-/-ңыз** зафиксирован только в «Диване» (қойманңыз [II, 51]), аффикс **-/-ңлар** — в «Диване» и «Кутадгу билиг» (тутунлар [К-4763]). В функционировании вариантов аффиксов повелительности не наблюдаются: семантико-функциональные различия: Айтолды тур элигкә көрүңгил [К-560] — «Айтолды, встань, покажись правителю».

Формы повелительно-желательного наклонения могут употребляться самостоятельно и сопряженно. При самостоятельном употреблении они выражают приказ, побуждение, просьбу субъекта: қатығлан аны кәлдүр ... мәнә [К-3228] — «постарайся, приведи его ко мне»; барайын мән эмди [К-5534] — «пойду-ка я теперь».

При сопряженном употреблении формы повелительно-желательного наклонения выражают значение цели. Очень часто в рамках одного и того же предложения выступают несколько форм этого наклонения, где одна форма является самостоятельной, а другие — сопряженными. Сопряженная форма повелительно-желательного наклонения обозначает цель действия выраженного другой повелительной формой. При сопряженном функционировании формы этого наклонения семантико-функционально сближаются с формами условного наклонения: ҳажиб айды ашну мәнә кәлсүни кө-

⁸ О происхождении этих аффиксов см. в работах [43, 90—103; 48].

рәйин аны мән мәни көрсүни [К-497] — «хаджиб сказал: «Пусть он сперва придет ко мне, чтобы я его видел и чтобы он видел меня».

Действие в форме повелительно-желательного наклонения обращено в будущее. Поэтому формы этого наклонения имеют ряд свойств, общих с формами будущего времени, могут употребляться в тех позициях, где могли бы выступать и формы будущих времен: қайу өзтә ҳажиб тиләсә мәни ул өзтә кәләй тәди [К-547] — «он подумал (букв. сказал) про себя: «когда хаджиб позовет, тогда и приеду [к нему]».

Условное наклонение. Формы условного наклонения образуются с помощью аффикса *-са/-са*, и только один раз в «Кутадгу билиг» встречается форма эрсәр [К-2837]. В спряжении форм условного наклонения по лицам имеются следующие особенности:

1) формы лица/числа условного наклонения в языке «Дивана» и «Кутадгу билиг» могут образовываться как с помощью аффиксов лица/числа I группы (а), так и II группы (б). Семантико-стилистические различия между такими формами не ощущаются (в): а) тәсәмән [К-631]; тиләсәсэн [I, 146]; урсамыз [К-3923]; б) айсам [К-188]; қолсам [I, 380]; тиләсан [К-566]; в) қалы кәлсан асғы тосусы сәңә/йәма кәлмәсән йасы йоқ мәңә [К-3219] — «если не придешь, нет мне вреда [от этого]»;

2) аффикс *-са* без материально выраженного личного показателя может употребляться не только в третьем лице, но и во втором: тапуғ қылма қылса сазақа тапын [К-933] — «не поступай на службу, если поступишь, [то] служи у достойного».

Характерной особенностью форм условного наклонения является сопряженность их функционирования, т. е. зависимость значения формы от контекста (семантики предыдущего или последующего предложения, лексического окружения формы, взаимосвязей семантики сказуемого главного и зависимого предложений, наличия или отсутствия модально-предикативных слов и т. д.). Даже в тех случаях, когда форма на *-са* со значением цели, пожелания, предположения, совета выступает в качестве сказуемого самостоятельного (или главного) предложения, значение словоформы вскрывается на фоне контекста. Например: йарағ булса ҳажиб өтүнса сөзүм [К-517] — «когда хаджиб находит [удобный] момент, чтобы [он] изложил мою просьбу». Данное предложение на первый взгляд кажется законченным и самостоятельным. Однако «өтүнсә» является главным только по отношению к «йарағ булса», и в семантическом плане служит для раскрытия содержания предыдущего предложения.

В зависимости от контекста и окружающих форм формы условного наклонения могут приобретать следующие значения:

1. Форма на *-са* передает условие совершения действия, выраженного сказуемым главного предложения, означающего идеальное действие (формами настоящего-будущего, будущего времен, повелительно-желательного или условного наклонений): тил ба-

шықтурса бутмаз [X-70] — «если нанести [кому-нибудь] рану языком, она [никогда] не заживет».

Нередко значения условия и времени сосуществуют нерасчлененно [см.: III, 225]: улуғлар йәсә аш түгәсә йәгү/кичикләркә бәргү аш ичкү йәгү [K-4554] — «когда старшие поедят, [и] закончится обед, следует [потом] дать младшим яства, еду, напиток».

2. Словоформа на -са выражает цель, пожелание, возможность, долженствование и др. В таком случае форма на -са раскрывает содержание предыдущего контекста: тиләк бу элигкә тапунсә өзүм йарағ булса ҳажиб өтүнсә сөзүм [K-517] — «моя цель такова — чтобы я служил правителю и хаджиб находит [удобный] момент, чтобы изложить [правителю] мою просьбу».

В таком контексте противопоставление условного, повелительно-желательного наклонений и форм будущих времен частично снимается. В одной и той же позиции могут употребляться как формы повелительно-желательного наклонения, так и формы будущих времен. Ср.: йанут бәрди өгдүлмиш айды элиг/муңәр-ма эзи кәз йәтүрсү билиг [K-2844] — «Огдюльмиш ответил: «Правитель очень хороший [человек], должен (может) приняться за это [дело]».

3. Формой на -са могут быть выражены уступительность, сопоставление и ирреальное условие. Значения уступительности и сопоставления реализуются при наличии в составе предложения вопросительных местоимений (а, б), причем в уступительных предложениях помимо вопросительных местоимений очень часто фигурируют союзы йәмә, ҳам и частица -ма (б). При выражении ирреальности сказуемое главного предложения оформляется прошедшим временем форм (или слов) с модальными значениями (в): а) нәчә эр бәзүсә баш агрығ бәзүр [X-427] — «насколько возвеличивается человек, настолько увеличиваются заботы»; б) йалқса йәмә йәғ эзгү [III, 440] — «лучше жар [чем голод], хотя и [быстро] надоедает»; в) кәрәк эрди билгә тирилсә қутун [K-1517] — «должно было так, чтобы ученый жил счастливо».

Форма условного наклонения от недостаточного глагола эр- и от глагола бол- служит для выражения условной модальности.

Действие, обозначаемое глаголом в форме условного наклонения, передается будущим временем. Этим условное наклонение сближается с формами повелительно-желательного наклонения и будущих времен, но в отличие от последних формы условного наклонения употребляются всегда сопряженно. Поэтому для определения их значений контекст этих форм, обуславливающий реализацию тех или иных значений, выходит за пределы одного предложения. Этим условное наклонение отличается от повелительно-желательного и изъявительного наклонений, формы которых могут функционировать как самостоятельно, так и сопряженно.

Формы ирреальности. В грамматическом строе тюркских язы-

ков особое место занимают формы, выражающие модальность в прошедшем времени (т. е. будущее в прошедшем).

Общим для всех форм ирреальности является то, что они в положительной форме выражают несовершившееся, а в отрицательной — состоявшееся действие (явление). Это связано с отношением будущего времени к модальности и модальности — ко времени.

К формам ирреальности относятся:

1) формы будущего времени с недостаточным глаголом эрди: (-/-р эрди; галыр эрди; -га/-гай эрди; -гу эрди);

2) формы всех косвенных наклонений в сочетании с эрди (-су/сун эрди; -са эрди).

Форма настоящего-будущего времени на -/-р может выражать как реальное, так и идеальное действие. Поэтому сочетание на -/-р эрди обладает двойственностью:

на основе значения реального действия, протекающего в момент речи, в сочетании аффикса -/-р с эрди образуется неопределенный имперфект (настоящее в прошедшем);

на основе значения идеального действия в этом аффиксе в сочетании с эрди образовывается одна из форм ирреальности; на двойственность формы на -/-р эрди указывали языковеды [146, § 278; 278, 21, 138].

Формы ирреальности наглядно показывают диалектическую связь категорий времени и наклонения, неразрывность модальных и временных значений и обнаруживают то существенное, что объединяет эти далеко отстоящие друг от друга формы. Таким объединяющим началом в формах будущих времен и косвенных наклонений является значение идеальности действия. Именно это существенное значение реализуется в формах перед эрди, т. е. в позиции, где прочие значения этих форм нейтрализуются.

В языке памятников имеется ряд других явлений, подтверждающих единство форм будущих времен и косвенных наклонений как форм выражения идеального действия:

1) при относительном (сопряженном) функционировании эти формы в определенных позициях взаимозаменяемы;

2) сказуемое придаточного предложения цели, вводимого союзным словом тэйү/таб может быть оформлено как формами будущих времен, так и формами косвенных наклонений [144]: биләк эттим аны шаҳымға мән-өк хавадарлығымны тугал билсү тәб [X.40] — «я же посвятил (преподнес) ее (книгу) моему шаху, чтобы он узнал сполна мою преданность».

Исходя из особенностей форм ирреальности можно заключить, что в языке памятников восточнотюркского языка XI—XII вв. противопоставляются два ряда форм: выражающие реальные действия и выражающие идеальные действия.

Формы же ирреальности выступают как включенное третье между ними — они переносят идеальное в реальное, поэтому имеют ирреальное значение, противоположное своему аспекту.

Соотношение наклонений. В языке изучаемых памятников имеются точки соприкосновения не только между категориями времени и наклонения, но и между самими наклонениями. Такие точки выступают включенными третьими между взаимопротивопоставленными наклонениями и обеспечивают их единство.

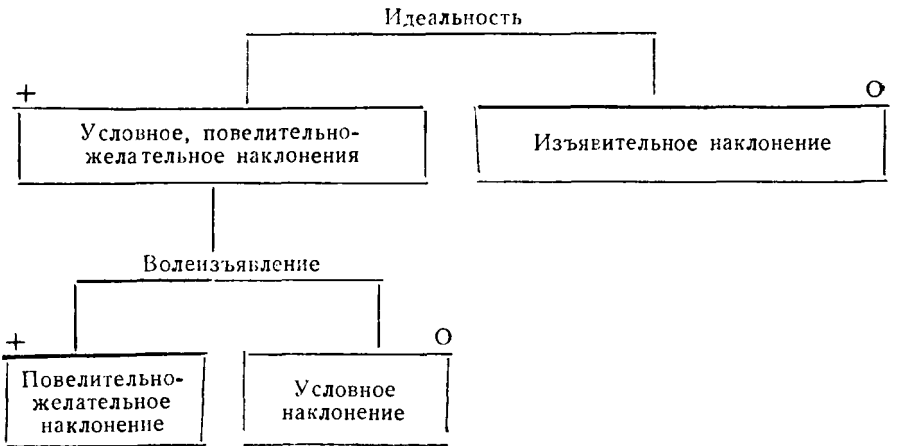
Все косвенные наклонения выражают идеальное действие. В изъявительном наклонении данный признак не выражен, поэтому оно может обозначать как реальное, так и идеальное действие. Благодаря нейтральности изъявительного наклонения по отношению к признаку реальность/идеальность действия, для форм данного наклонения становится возможным представление действия как протекающего во времени и выражение действия, совершающегося в момент речи. Косвенные наклонения не способны выражать отношение действия к моменту речи. Как формы, указывающие на идеальность, они лишены способности обозначать реальные действия и вводят только действия будущего времени, но имеют большие потенциалы для выражения различных модальных значений. В таком противопоставлении выступают включенными третьими, с одной стороны, формы будущих времен, связывающие категорию времени с категорией модальности, и формы ирреальности, переносящие идеальное на плоскость реального (прошедшего).

Косвенные наклонения, маркированные по признаку идеальности действия, оппозитивны по признаку выраженности волеизъявления субъекта. В этой оппозиции повелительно-желательное наклонение выступает как сильный, а условное наклонение как слабый член. Связь повелительно-желательного и условного наклонений осуществляется через значения цели, пожелания, общие для форм обоих наклонений.

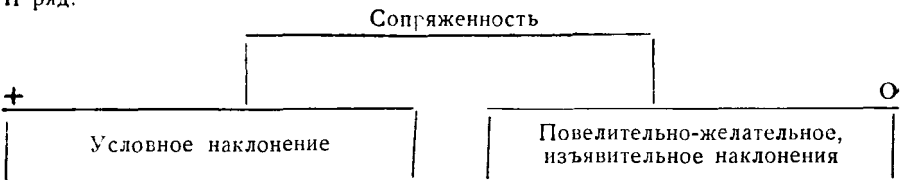
Второй, функциональный, ряд оппозиций наклонений основывается на характере функционирования форм каждого наклонения. Формы же изъявительного и повелительно-желательного наклонений могут употребляться как сопряженно, так и самостоятельно. Поэтому при сопряженном употреблении форм повелительно-желательного наклонения противопоставление этих форм формам условного наклонения частично снимается.

Способность к самостоятельному и сопряженному (относительному) функционированию в изъявительном наклонении проявляется при временных формах с абсолютным и относительным временными значениями. Следовательно, противопоставление форм времени с абсолютным и относительным значением является следствием противопоставления на более высоком уровне — на уровне наклонений, что отражено в следующей схеме:

I ряд:

II ряд:

НЕПРЕДИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

К непредикативным формам глагола относятся формы связи глаголов с глаголами — деепричастия, и формы связи глагола с именами — именные формы глагола.

Именные формы глагола

Они имеют ряд свойств, сближающих их с глаголами и именами. Глагольность этих форм заключается в том, что они сохраняют грамматическое категориальное значение глагольной лексемы — выражают процессуальность в морфологической категории залога. Именные свойства этих форм проявляются в том, что они могут сочетаться с аффиксами принадлежности, числа, падежа и выступать в позиции подлежащего, дополнения, определения и обстоятельства. В зависимости от функциональных особенностей именные формы глагола распадаются на три группы: имена действия (масдары), имена деятеля, причастия.

Имена действия выступают как «глагольный номинатив» [203, 87—88; 61, 343], т. е. именуют состояние (действие). Характерной чертой имен действия, отличающей их от имен деятеля и причастий, является их неспособность выступать в качестве неизафетного определения — имена действия могут реализоваться в качестве определений только в изафетных словосочетаниях.

Имена деятеля обозначают всегда носителя признака и в ка-

честве своего определения могут иметь слова только со значением субъекта действия, выраженного основной глагола.

Причастия совмещают в себе свойства как имен деятеля, так и имен действия, могут выступать определением к словам, обозначающим не только субъект, но и объект, орудие, место и время совершения действия, обозначенного причастием [112, 115]. При обозначении состояния (действия) специфическое отличие причастий от имен действия заключается в том, что причастия, как правило, выражают состояние (действие), отнесенное к определенному лицу. Этот признак не существует для имен действия. Поэтому как глагольный номинатив (как название действия, не отнесенного к лицу) причастия выступать не могут. Однако в тех позициях, когда имена действия в сочетании с аффиксами принадлежности выражают состояние, отнесенное к лицу, они могут заменяться причастиями.

Вышеуказанные признаки дифференциации каждой из трех подгрупп именных форм глагола являются свойствами «идеальных» имен деятеля и действия, а также причастия [ср. 308, 24]. В конкретном проявлении каждая из этих форм имеет специфические свойства, сближающие эту форму с другими или удаляющие ее от них.

Имена действия. Единственным широкоупотребительным показателем имен действия, обособившимся от причастий и имен деятеля, является аффикс **-мақ/-мәк**. Форма на **-мақ/-мәк** выступает без аффиксов принадлежности как название действия (состояния), склоняется по падежам (а), сочетается с послелогами (б), может иметь оттенки пожелания, цели (в) [142; 37, 422] и образовывается от основ всех залогов: а) йағы бойны йанчмақ тилар эрсә сән [К-1991] — «если хочешь склонить (букв.: подавить) шею противника»; б) тапунмақ үчүн кәлдим [К-585] — «я пришел служить»; в) мәниц эвга кәлмак турур-ли [К-4913] — «он намерен прийти в мой дом».

Аффиксы принадлежности при форме на **-мақ** выражают отнесенность действия (состояния) к определенному лицу: бәзүн тап-ламадуқ бару кәлмәкин мәңәр тушмақын ҳам йүзүм көрмәккин [К-3826] — «ты сам не захотел прийти сюда, остановиться у меня и встретиться со мной». Другие показатели имен действия (такие как **-/-/ғ/қ**, **-/-/ш**, **-ма**) не образуются от основ косвенных залогов, выступают как отглагольные имена и как лексикализованные формы.

Имена деятеля. Махмуд Кашгарский указывает на наличие в языке описываемой им эпохи следующих показателей имен деятеля:

1. Имена деятеля, нейтральные по отношению к модальным значениям, образуются при помощи аффиксов **-ғучы/-қучы**; **-дачы/-тачы**; **-/-/ғчы/-ғчи**; **-/-/ғлы/-ғли**; **-учы/-учи**.

2. Имена деятеля с модальными оттенками долженствования, намерения, цели совершать действие образуются с помощью

аффиксов **-/-ғсақ/-гсәк**, **-/-ғсық/-гсик**. Однако в языке изучаемых памятников имена на **-/-ғсақ** на **-/-ғсық** на **-/-ғчы** и на **-учы** встречаются, в основном в «Диване» и то крайне редко. Остальные имена деятеля употребляются с аффиксами **-/-ғлы**; **-ғучы** и **-дачи**.

Имена деятеля на **-/-ғлы**, **-ғучы** и на **-дачи** между собой по временному значению не различаются и, в зависимости от контекста и лексического значения глагола, обозначают постоянное или временное свойство субъекта (а), иногда могут сопровождаться модальными оттенками долженствования или возможности (б): а) қамуғ эзгү ишкә улағлы овут [К-1974] — «скромность — это то, что приведет [человека] ко всем хорошим делам»; б) өлдәчи сычқан [I, 411] — «мышь, которая должна (хочет) умереть».

Имена деятеля сочетаются с аффиксами принадлежности, падежа и числа (а) легко лексикализуются и субстантивируются (б): а) элиг тутгачымға [X-15] — «тому, кто меня возьмет за руку», «моему руководителю»; б) ачығлы [К-3685] — «голодный», тозуғлы [К-3685] — «сытый».

Рассмотрение функционирования имен деятелей на **-/-ғлы**, **-ғучы** и на **-дачи** показывает, что они находятся друг с другом в отношениях дополнительной дистрибуции и могут заменять друг друга: қаны амри мағруф қылығлы киши [К-6238] — «где люди, делающие добрые дела?»; ср.: аманат аты бар қаны қылдачы [К-6237] — «от обязанности осталось только название, где же [люди] выполняющие [их]». Теперь становится ясным, почему Махмуд Кашгарский относит формы на **-дачи** и на **-ғучы** к разным языкам; процессы унификации форм выражения имен деятеля и устранения избыточности, существующей в системе, в разговорном языке опережали нормы литературного языка. Эти процессы могли привести либо к специализации каждой из этих форм для выражения определенных видо-модальных и других оттенков, либо к отмиранию некоторых из этих форм. В языке памятников ощущается явная тенденция к ограничению функционирования отдельных форм имени деятеля.

Причастия. Причастия в языке восточнотюркских памятников образуются с помощью аффиксов **/-/р/-маз/-мас**, **-ғу/-қу**, **-мыш**, **-дуқ**, **-ған/-қан**.

Показатели причастий в тюркских языках (как и все другие аффиксы функциональных форм глагола) нейтральны по отношению к залоговым значениям — залоговые показатели предшествуют аффиксам причастий и «обращены на исходную основу, а не на определяемое» [119, 129]. Категория залога как категория отнесения слова к «предшествующему» («действия» к «субъекту», «сказуемого» к «подлежащему») определяет возможные типы и характер субъекта в причастных оборотах (т. е. «предшествующего» по отношению к причастию). Отношение же причастия к определяемому или управляемому слову (т. е. к «послед-

дующему» по отношению к причастию) выражается средствами отнесения к «последующему» (примыканием, локализацией и управлением). Поэтому позицию субъекта («предшествующего») во всех типах причастных (а также инфинитивных, масдарных) оборотов, где субъект не выступает в качестве определяемого, может занимать только то слово, которое могло бы реализовываться как подлежащее при сказуемом, выраженном глаголом данного залога: Ср. айтолды элигкә көрүнмишин айур [К стр. 126] — «[глава] повествует о встрече Айтолды с правителем». Предикативная реализация данного глагола имеет форму — **«айтолды элигкә көрүнди»**. Из этого предложения можно получить обороты типа айтолды көрүнмиш элиг — «правитель, с которым встретился Айтолды», айтолды элигкә көрүнмиш օзтә (или йәрдә) — «тогда, когда (там, где) встретился Айтолды с правителем» и др., в том числе и оборот «элигкә көрүнмиш айтолды» — «Айтолды, который встретился с правителем». Из этого можно заключить, что аффиксы причастий, нейтральные по отношению к залоговым значениям, являются средствами трансформации простого предложения в своеобразные обороты [40, 95—96; 113, 88]. Синтаксическое функционирование таких оборотов мало отличается от оборотов самостоятельных слов (или целостных словосочетаний) языка. Возможные типы субъекта («предшествующего») при этом определяются залоговой формой глагола (т. е. возможными типами подлежащего или предикативной реализации данного глагола), а набор определяемых или управляющих слов (т. е. «последующих») зависит от лексической сочетаемости (от валентности) глагола, от которого образована форма причастия. При атрибутивном функционировании причастных оборотов позицию «последующего» может занимать одно из слов, способных вступать с данной глагольной лексемой в предикативную, объективную, обстоятельственную и изъяснительную связь [112; 115; 146; § 486; 119, 128], при объектно-субъектном и обстоятельном — слова, лексическая сочетаемость которых позволяет вступать в связь с семантикой всего оборота. Грамматические же отношения причастного оборота с «последующим» и «предшествующим» устанавливаются средствами отнесения к «последующему» (последложно-падежной формы, примыкание, локализация) и к «предшествующему» (категориями залога и принадлежности).

Поскольку причастия (или причастные обороты) выступают в синхронной системе языка как знаменательное развернутое слово (или как словосочетание), трансформированное из предикативной единицы — предложения, они, подобно всем остальным знаменательным словам, могут выполнять в предложении различные синтаксические функции. В зависимости от выполняемой синтаксической функции причастия (или причастного оборота) в предложении различают атрибутивное, объектно-субъектное, обстоятельное и предикативное функционирование этих форм.

В языке изучаемых памятников по характеру относительного

временного значения показатели причастий образуют две группы: причастия на **-мыш** и на **-дук**; причастия на **-/-р-маз** и на **-ғу/-қу**. Особое место в этой системе занимает форма **-ған/-қан**.

Временное значение причастий определяется по отношению ко времени совершения действия конечного сказуемого. Формы на **-мыш** и на **-дук** реализуют перфектное значение (т. е. выражают совершенность действия до того момента или к тому моменту, когда совершается действие, выраженное сказуемым). Различие во временном значении между формами на **-мыш** и на **-дук** в языке изучаемых памятников не наблюдается: эшитмиш сөзүнни эшитмәдүк эт [К-3965] — «забудь все, что ты слышал»; ср.: ызышлыг сувуғ мән түгәл ичмишим [К-5932] — «то, что я полностью выпил воду, [которая была] в чаше»; мөвә бақтың эрсә көзүм йүмдүгүм [К-649] — «[тем, что] я закрыл глаза, когда ты любя смострел [на меня]».

Формы на **-/-р** и на **-ғу** выражают постоянный вневременной признак, или признак, приобретаемый в результате действия, совершающегося одновременно с действием конечного сказуемого или же после него. Различие между значениями форм на **-/-р** и на **-ғу** заключается в том, что форма на **-ғу** часто сопровождается модальными оттенками долженствования и возможности, по отношению к которым форма на **-/-р** является нейтральной: тайанғу киши [К-6223] — «человек, на которого можно положиться», бу йалнуқ билір өлгүсин [К-5950] — «человек знает, что он должен умереть». Ср.: қайу күн блүрүг йоқ ул билдачи [К-3364] — «нет [человека] знающего когда наступит смерть».

В форме на **-ғу**, когда она выступает определением к словам со значением орудия времени, такие модальные оттенки нейтрализуются.

Деление двух групп причастий по временному значению наиболее отчетливо выступает в тех контекстах, где эти формы противопоставляются друг другу: йанылмаз киши ким айу бэр мәнә йанылмыш туман миң айайын сәнә [К-195] — «скажи мне, кто не ошибается? [А] я тебе скажу — ошибившихся сотни тысяч».

Временное значение формы на **-ған** в языке памятников является противоречивым. По свидетельству Махмуда Кашгарского [I, 61, 69, 169; II, 58, 298, 369—370; III, 328], при помощи аффикса **-ған** образовывались имена деятеля со значением постоянности признака и длительности, многократности действия. Причем формальным показателем таких имен указывается то аффикс **-ған**, то аффикс **-аған**⁹. Однако материалы «Дивана» и других памятников показывают, что функции аффикса **-ған** не ограничивались образованием имен деятеля; этот аффикс образует причастия, которые очень часто выступают в атрибутивной функции как определения к словам со значением субъекта, но и могут

⁹ О противопоставлении этих двух аффиксов по материалам «Дивана» см. [198, 260—262].

также выступать субъектно-объектной (субстантивной) и обстоятельственной функциях. Однако временное значение формы на **-ган** является двойственным — форма на **-ган** может реализовать как перфектное (а), так и вневременное значения (б): а) *өлүр эрди эрсә қамуғ игләйгән*; б) *киши калмәгәй эрди рузи йәгән* [К-1099] — «если бы все заболевшие умирали, не осталось бы [человека, который] потребляет [свой] хлеб насущный».

Это явление объясняется несколькими причинами. Либо причастные показатели как средство трансформации предложения в оборот на правах самостоятельного слова являлись первоначально нейтральными не только к залоговым, но и к временным значениям. Развитие перфектного и неперфектного значений в той или иной форме причастий — результат поздней специализации отдельных форм причастия для выражения каждого из этих значений. Форма на **-ган** в языке памятников еще нейтральна по отношению к временным значениям.

Развитие формы на **-ган** в узбекском языке подтверждает именно такое предположение, так как в современном узбекском литературном языке три формы причастия — формы на **-ган**, **-аётган**, **-адиган**, характеризующиеся разным временным значением, различаются не по временному значению аффикса **-ган**, а по временному значению основ, от которых они образованы (форма на **-ган** — от основы с нейтральным временным значением, форма на **-аётган** от основы настоящего времени на **-аётган-**, а форма на **-адиган** — исторически от основы настоящего-будущего времени на **-ади<-адур**) [279, 168—175].

Почти во всех тюркских языках так называемые причастия прошедшего времени в позиции определения могут выражать постоянный (вневременной) признак, а при субстантивном и обстоятельном функционировании значительно нейтрализуют временное значение.

Либо перфектное значение в причастиях, как выражающее раз и навсегда приобретенный признак [113, 140—142], легко могло ассоциироваться со значением постоянности признака, длительности, многократности действия.

Субъект действия, обозначенного основой причастия, выражается лексико-синтаксически, морфологически, морфолого-синтаксически.

При лексико-синтаксическом способе выражения субъекта причастного оборота слово, обозначающее этот субъект, либо вступает в предикативную связь с причастием и образовывается двусоставный причастный оборот [113, 50], структурно напоминающий конструкции предложения [146, § 487] (а), либо слово, обозначающее субъект, занимает позицию определяемого (б): а) *байатқа шуқр қылды артуқ өкүш байат бәрмиш үчүн оғулқа уқуш* [К-1235] — «он вознес премного благодарности богу за то, что бог дал [его] сыну разум»; б) *тилин эмгәмиш эр* [К-161] — «человек, пострадавший из-за языка».

В словообразованиях типа «байат бэрмиш үчүн» несмотря на то, что связь производителя и действия является предикативной, словоформа «бэрмиш» не является финитивной формой глагола, так как она не выражает значение лица/числа. Это доказывается еще и тем, что в этой позиции могут выступать и такие формы, которые не могут занимать позицию конечного сказуемого: аны биз оқымақ эзи кез мағал [К-4804] — «нам очень трудно пригласить его [сюда]».

Развитие морфологического способа выражения субъекта в причастных оборотах опирается на нерасчлененность выражения значений лица/числа и синтаксической функции обозначения несенности слова к «предшествующему» в аффиксах принадлежности. Аффиксы принадлежности при причастии (или при его определяемом) выражают отнесенность причастия к I или II лицу (а), к какому-нибудь другому лицу, имени в составе предложения (б), или же известному по контексту (в) как производителю действия; само же слово, обозначающее субъект действия, обозначенного причастием в синтаксическую связь с причастием не вступает: а) мэвә бақтың эрсә көзүм йүмдүгүм сәнә көргитүрмән нэкү эрдүгүм [К-649] — «[тем, что] я закрыл глаза, когда ты смотрел любя [на меня], я показываю тебе какой я есть»; эшитмиш сөзүнни эшитмадүк эт [К-3965] — «забудь все, что ты слышал»; б) билір эрдің эмди жағачы ажун жаға қылғусын сән осандың узун [К-1221] — «ты знал, что жестокий мир должен поступить жестоко, [но ты] долго медлил [с решением]»; в) өзи бармышын ҳам нэтэг көрмишин айу бәрди өг сав нэкү аймышын [К-6111] — «[Айтолды] рассказал [о том, как] он пошел [к Озгурмышу], как встретился [с ним], передал (пересказал) советы, наставления [и] все то, что говорил [Озгурмыш]».

При морфолого-синтаксическом способе выражения субъекта причастного оборота слово, обозначающее этот субъект, в форме основного падежа вступает с причастием в предикативную связь, а причастие (а) или его определяемое (б) получает аффикс принадлежности соответствующего лица и числа: а) мәниңдә кэзин сән нақү қылғуны айайын эшитгил [К-1262] — «Послушай, я скажу [тебе], что ты должен делать после моей [смерти]»; башыңға мән ағыб ул атчы кэлиб мәңә бәрдүки сувны ичим алыб [К-5929] — «я поднялся доверху, взял и выпил воду, которую, подойдя [ко мне], подал тот всадник»; б) сән аймыш сөзүн [К-5904] — «слова, которые ты произнес». Следует особо подчеркнуть, что родительный падеж субъекта в языке памятников встречается только при субстантивном (субъектно-объектном) функционировании причастных оборотов, т. е. тогда, когда они вплотную сближаются с именами действия: бизиң кэлгүмизкә көзәзиб йатур [К-4731] — «они ждут, когда мы присоединимся [к ним]». Родительный субъектный встречается при именах действия: сәниң кәлмәкиң [К-702] — «твой приезд».

Особенности выражения субъекта в причастных оборотах поз-

воляют сделать некоторые предположения о развитии конструкций с развернутыми причастными оборотами в тюркских языках.

Причастия как формы связи глагола с именами осуществляли атрибутивную и предикативную связи глагола с именем — «оқумыш киши» и «киши оқумыш». Поскольку законы развития атрибутивных и предикативных форм определяются разными микро-системами языка, дальнейшее развитие причастных форм в атрибутивной и предикативной позициях шло разными путями, определяемыми системными отношениями категорий предикативности и атрибутивности.

Следующей стадией развития причастий в атрибутивной функции могла быть их реализация в качестве определения к словам со значением объекта действия — «оқумыш битиг». Такие построения допускают лексико-синтаксический способ выражения субъекта в этих оборотах — «киши оқумыш битиг».

В оборотах типа «киши оқумыш битиг» под воздействием предикативного (самостоятельного) функционирования причастия сочетание «киши оқумыш» легко могло обособляться от определения — «киши оқумыш + битиг».

Обособившийся оборот «киши оқумыш» на основании своей семантико-синтаксической целостности мог функционировать в языке как самостоятельное развернутое слово (или словосочетание) и вступать в атрибутивную, объектную и обстоятельственную связь с другими словами, с которыми семантически может сочетаться (байат бәрмиш үчүн ~ анын үчүн).

Способность глагола быть распространенным с помощью других слов сделала возможным включение между словом, обозначающим субъект, и причастием других слов. Отрыв слова, обозначающего субъект, от причастия обусловил необходимость оформления причастия показателями, обозначающими отнесенность слова к «предшествующему». В качестве таковых могли выступать только аффиксы принадлежности, обладающие такой способностью, а залоговое значение основы причастия ограничивало возможные типы «предшествующего» рамками субъекта¹⁰: мән... ул атчы кэлиб мәнә бәрдүжи сувны ичтим.

При атрибутивном функционировании причастных оборотов законы тюркской агглютинации допускают «переход» аффиксов принадлежности от причастия к определяемому (сэн аймыш сөзүн), но и в таких конструкциях причастный оборот сохраняет свою целостность: обороты типа «сэн аймыш сөзүн» сегментируются не как «сэн + аймыш сөзүн», а как «сэн аймыш + сөзүн», что до-

¹⁰ В языке памятников имеются примеры, которые говорят о том, что аффиксы принадлежности первоначально не были показателями лица/числа субъекта, а были средствами отнесения к «предшествующему». В приведенных ниже примерах в качестве этого «предшествующего» выступает не субъект действия, а его объект: бэзүг иш бузун башламақы ағыр [К-2113] — «великое дело — народ, управлять им тяжело»; қайу нэн талу эрсә озрұм болур аның қыламақы барча озкә болур [К-885] — «все, что избранное, лучшее, делать это приличит каждому».

кажется наличием оборотов типа «сэн эшитмиш сөзүм», которые могут сегментироваться только как «сэн эшитмиш+сөзүм».

Включение между субъектом и причастием других распространителей глагола сделало необходимым оформление слова, обозначающего субъект причастного оборота, как средства отнесения к «последующему», родительным падежом. Этот этап развития причастных оборотов в языке памятников находится в начальной стадии.

Таким образом, в языке изучаемых памятников XI—XII вв. представлены все этапы такого гипотетического развития причастных оборотов.

Причастие на -/-р в языке памятников выступает как определение к словам со значением субъекта (а), объекта (б) и к словам со значением времени (в): а) кэрәк сөзни сөзләр киши [К-182] — «человек, который говорит нужные слова»; б) йәр ашым [К-364] — «пища, которую я употребляю»; в) бушар өз [К-763] — «во время гнева».

В субстантивной функции форма на -/-р выступает редко (а), в обстоятельственной функции выражает состояние (б) и семантико-функционально может сближаться с деепричастиями (в): а) өзүнни йавузрак билүриң учун [К-5019] — «из-за того, что ты считаешь себя более злым (дурным)»; б) өтүнди элигкә... өлүрдә васийят этиб қозмышын [К-6136] — «[Айтолды] рассказал правителю то, что завещал при смерти [Озгурмыш]»; в) тилим тэбрәмәсдә билүр ул сөзүм [К-3699] — «не успею я шевельнуть языком, [бог] поймет мои слова».

Причастие на -/-р в сочетании с эркән также может выступать в обстоятельственной функции: қылыч тэбрэр эркән йағы тэбрәмәз [К-2160] — «когда действует меч, враг не шелохнется» [19а].

Форма на -ғу широко употребляется в атрибутивной и субъектно-объектной функциях. В атрибутивной функции она выступает как определение к именам со значениями субъекта, объекта, места, времени и орудия действия (а), в субъектно-объектной функции выражает предстоящее действие (б), в обстоятельственной функции встречается реже и вводит обстоятельство цели (в): а) күргү йол [К-3554] — «путь, по которому проходит [пища]»; эки ажуңны тутғу элиг [К-345] — «рука, способная держать оба мира»; б) сәвүг савчы бирлә» қопур қопғумы [К-40] — «воскреси меня вместе с любимым пророком»; в) ажуң тутғуға эр уқушлуғ кэрәк [К-214] — «чтобы управлять страной, нужен умный мужчина».

Форма на -мыш в атрибутивной позиции служит определением к словам со значениями объекта, субъекта, реже места: элиг урмыш иш [К-252] — «дело, за которое [он] принялся»; эзгү атанмыш киши [К-4141] — «Человек, прославленный как добрый». В этой позиции форма на -мыш чаще, чем другие причастные формы образует двусоставные обороты: бөгү сөзләмиш сөз [К-300] —

«слово, которое сказал мудрец». Поэтому в языке памятников ощущается явная тенденция к приобретению данной формой пассивного значения, что, видимо, обусловлено наличием формы на **-ған**, выступающей в основном как присубъектное определение. Ср.: **төрүтгән барына төрүтмиш тануқ [К-14]** — «творения (букв. сотворенные) — [это суть] доказательства к существованию творца». Поэтому форма на **-мыш** очень часто субстантивизируется и лексикализируется с пассивным значением, Махмуд Кашгарский называет эту форму страдательным причастием [II, 63]; термин [К-1348] — «собранное», **көтүрмишни инмәк тиләсә [К-1731]** — «если [бог] захочет унизить (букв. опустить) вознесенного».

Форма на **-мыш** в субстантивной функции встречается часто (а), а в обстоятельственной функции — реже (б): а) **тапуғчы йанымса оқытғу кәрәк нәкүкә йаңылмышны сорғу кәрәк [К-627]** — «если служащий ошибается, следует его пригласить и спросить почему он ошибся»; б) **сэн... мәнә кәлмишиндә бару [К-4581]** — «с тех пор как ты пришел ко мне».

Форма на **-дуқ** в языке памятников выступает очень часто в субъектно-объектной (а) и обстоятельственной функциях (б), в атрибутивной функции данная форма встречается редко (в): а) **учуб көккә өрләб түгәл ағдуқуң тиләк бәргә таңри нәкү кулдуғун [К-5921]** — «[если во сне] ты, взлетев, поднялся до небес, [это признак того, что] всевышний даст тебе все, что ты хотел»; б) **айыттуқта сөзлә оқытуқта кир [К-4001]** — «когда спрашивают, говори, когда зовут, входи»; в) **кнши кирмәдүк эл [К-483]** — «страна, где не был человек».

Словоформы на **-дуқ** в большинстве случаев имеют значение субъекта (а) и очень редко реализуют значение объекта (б): а) **бу сөзин эшит эй мәнә келмәдүк [К-3840]** — «послушай эти слова, о ты непришедший ко мне»; б) **сэниң малың ул мал ашынтурдуғун [X-217]** — «твое [собственное] богатство то, что ты давал [другим]».

Формы на **-ған**, как было сказано выше, выступают как определение к именам со значением субъекта и очень редко в обстоятельственной (а) и субъектно-объектной (б) функциях: а) **билиг билмәгәндин бир анча бузун [X-61]** — «из-за невежества некоторые народы»; б) **қара қылқы тәңсиз йава сөзләгән [К-972]** — «говорить непристойное [и] недостойное — свойство черни».

Форма на **-ған** в обстоятельственной и субъектно-объектной функциях, а также в перфектном значении в позиции определяемого встречается в языке «Хибатул ҳакайык» относительно чаще, чем в «Диване» и «Кутадгу билиг», где данная форма выступает скорее как форма имени деятеля, хотя уже в этих памятниках ощущается ее переход в причастие. Следовательно, в языке памятников XI—XII вв. в образованиях на **-ған** отмечается тенденция перехода от имен деятеля к причастиям.

В языке памятников употребляются образования на **-ды** и **-/нды**, которые выступают как непродуктивные, пассивные, лек-

сикализованные формы¹¹: айытмады бэкләр [К-949] — «беки, которые не спрашивали»; бу Айтолды айды өкүш сөз ул ул айытмады сөзлөб ириксә жөнүл [К-991] — «Айтолды сказал: «многословие — это надоедливо говорить о том, о чем не спрашивали»¹², кэчти түн [К-3549] — «прошлая ночь»; эң өзүрүнди [К-2559] — «самый лучший».

Именные формы глагола сыграли большую роль в истории развития тюркского отглагольного имяобразования — многие аффиксы, образующие имена от глаголов, исторически восходят к показателям причастий, имен действия и имен деятеля [см.: 238; 282; 248; §§ 123—141, 180—187; 145, §§ 169—200, 255—265; 33, 389—410], многие имена представляют собой результат лексикализации именных форм глагола. В синтаксических конструкциях именные формы глагола, в частности, причастия, могут служить определением к именам со значением субъекта, объекта, места, времени, орудия и называть само действие. Однако лексикализуются они при сохранении одного из этих значений. Поэтому одни и те же аффиксы в разных лексикализованных формах могут иметь различное значение. Например, аффикс *-/-ғ/г/к/к*, который исторически образовывал форму причастия, встречается в составе слов со значениями субъекта, объекта, места, времени, орудия и названия действия и функционирует в ряде кипчакских языков как продуктивная форма имени действия [132; 37; 406].

Деепричастные формы глагола

Деепричастия В. В. Виноградов определил как гибридные глагольно-наречные образования [61, 308]. В грамматическом строе тюркских языков они играют большую роль, чем в индоевропейских языках. В тюркских языках деепричастия служат универсальной формой связи глагола с глаголом. Поэтому при перечислении последовательных действий только последний глагол должен иметь финитивную форму; все остальные могут быть в форме деепричастия: эва кэлиб түшүб кирди тынды бир анча сэриб [К-4778] — «[Айтолды] приехал домой, сошел [с коня], вошел [в дом], успокоившись, немного отдохнул». Деепричастия могут связываться не только двумя глаголами, вступающими в предикативную связь с субъектами, но и причастиями и именами деятеля: түзү тын тоқығы ачыб тозгучы [К-4299] — «все живые существа, испытывающие [чувство] голода и насыщения» (букв.: голодная, насыщаясь).

Грамматическими признаками, связывающими деепричастные формы с глаголом являются: морфологическая категория залога, семантика процессуальности, глагольная валентность.

¹¹ О причастиях на *-ды*, *-нды* и */-/-нчу* см.: [182, LXIX; 141, 112—117; 38, 205—217; 303, 121; а также «Диван» I, 420].

¹² В этом контексте слово «айытмады» может быть рассмотрено и как деепричастие на *-ды/-ты* от отрицательной основы.

Деепричастие, не распространенное управляемыми им словами, не реализует глагольную валентность, в нем частично нейтрализуется и категория залога. Поэтому в строе языка изучаемых памятников только нераспространенные деепричастия могут выступать как глагольно-наречные образования и лексикализироваться: сөз айдым кэсә [К-4407] — «я сказал решительно»; туташы [К-426] — «вместе»; туға [X-243, К-861] — «с рождения» «от рождения».

Деепричастные формы, встречающиеся в языке изучаемых памятников, по частоте употребления образуют следующий ряд: -(-)б, -а/- (й)у, -ғынча-, -мадин (реже — мады), -галы, -мазыб, -(-)н¹³.

Деепричастия не имеют абсолютного временного значения и указывают лишь на время совершения действия, обозначенного деепричастием, относительно времени совершения действия, обозначенного конечным глаголом-сказуемым. Другими словами, время совершения действия, выраженного конечным глаголом-сказуемым, выступает своего рода точкой отсчета для определения времени протекания действия, обозначенного деепричастной формой. По характеру своего относительного временного значения деепричастные формы образуют две группы:

формы на **-ғынча**, **-галы**, выражающие действия, разобщенные с точкой отсчета (т. е. совершающиеся и завершающиеся до или после совершения действия конечного глагола-сказуемого);

формы на **-(-)б**, **-а/- (й)у**, **-мадын**, **-мазыб**, **-(-)н** выражают действия как разобщенные с временем совершения действия конечного сказуемого, так и одновременные с ним.

Деепричастие на -(-)б/п служит для выражения действия, предшествующего действию конечного глагола-сказуемого (а), или ряд последовательных действий (б): а) элиг йарлықаса барайын нару зийарат **қылыб** тэрк йанайын бару [К-554] — «если соизволит правитель, я пойду туда, повидавшись [с ним] быстро вернусь назад»; б) асал татруп илкин тамақ татытып кээинки қадаққа **сунуп** захр қатар [X-104] — «мир] дает сначала попробовать мед и подластить горло, протягивая следующий кубок, он примешивает [в него] яд».

Обозначая действия, протекающие одновременно с действием конечного глагола-сказуемого, деепричастие на **-(-)б** выражает состояние, при котором совершается это действие и выступает в качестве обстоятельства образа действия: ажун тээгинүрләр тирилгү тиләб өги көнли бүтрү байатқа **улаб** [К-4336] — «умом и душой всецело отдавшись богу, [торговцы] бродят по миру в поисках средств существования».

Деепричастие на **-(-)б** может иметь собственный субъект. Деепричастные обороты с собственным субъектом в зависимости от

¹³ О функционировании этих форм в современных и древних языках, а также об их этимологии см.: [303, 157—162; 192, 48—52; 153; 143; 8; 295; 302; 320].

контекста (взаимоотношения лексического значения основы деепричастия и финитного глагола, содержания деепричастного оборота и предложения, в состав которого включен данный оборот), могут иметь разнообразные временные, условные, причинные и т. д. оттенки значения. Форма на -(-)б в оборотах с собственным субъектом чаще выражает предшествующее (а), реже одновременное с конечным сказуемым действие (б). Очень редко данная форма с собственным субъектом может входить в состав причастного оборота (в): а) мэн ундаб улар ма мэнә кэлгәләр [К-4466] — «я приглашу, они (гости) придут ко мне»; б) тиләккә бу күн тәгдим арзум қаныб [К-577] — «сегодня я достиг цели, исполнились мечты»; в) э бәкләр ағырлаб бәзүк болмыш эр [К-3984] — «о мужчина, который стал великим благодаря милости беков».

В языке памятников употребляется и другой вариант этого деепричастия — аффикс (-)бан. Семантико-функциональные различия в употреблении вариантов -(-)б и -(-)бан не выявлены [см. 138; 295]: ул анда йатыбан бэрүр саныны [X-138] — «он, лежа там (в могиле), дает счет (своего имущества)».

Между деепричастиями на -а/-ә и на -у/-ү/-йу/-йү (реже — -ы/-и) в языке памятников также нет семантико-функциональных различий [302, 229]; қазашы тапа барды сәнвү күлә [К-4864] — «радостный и веселый он пошел к своему родственнику».

Деепричастия на -а/- (й)у могут обозначать действия как одновременные (а), так и предшествующие (б) по отношению к действию конечного глагола-сказуемого. В распространенных деепричастных оборотах с формами на -а/- (й)у можно уловить в этих формах оттенки длительности, многократности, повторяемости, обычности действия: а) элигкә кирә қам тиқа төрчиди [К-595] — «он [постоянно] посещал (букв. входил и выходил) правителя»; б) өкүш арзуньмат йәйү сәмриди [К-5582] — «вкусавши долго наслаждений, [душа и плоть] разжирелись».

Нераспространенные деепричастия на -а/- (й)у, как правило, оттенками длительности не обладают, семантико-функционально приближаются к наречиям и могут быть заменены деепричастием на -(-)б¹⁴ — ср. в одном списке «Хибатул Хакайык»: эвә сөзләмә [X-179] — «не говори второпях», а в другом списке: эвип сөзләмә [X-179, 434].

Иногда в деепричастии на -а/- (й)у оттенок длительности полностью нейтрализуется (а), или же передается повтором (б): (а) бару кәлгил андын қопа [К-3221] — «уходи (букв. вставай) оттуда, приходи сюда»; б) тама тама көл болур [III, 372] — «из капель образуется озеро».

Обилие лексикализованных форм деепричастий на -а/- (й)у (туға [К-861] — «от рождения»), видимо, говорит о том, что

¹⁴ О взаимозаменяемости деепричастий на -(-) б и на -а/- (й)у пишет и автор «ат-Тухфат-уз-закья...» [109, 19].

в языке XI—XII вв. имелась тенденция к утрате этой формой видовых оттенков, на основании которых данная форма противопоставлялась деепричастию на **-(-)б**¹⁵. Утрата видовых оттенков у **-а/-(й)у** и нивелирование семантических различий между формами на **-а/-(й)у** и на **-(-)б** способствовали лексикализации форм на **-а/-(й)у**.

Как лексикализованные формы деепричастий на **-(й)у** следует рассматривать образования на **-лайу**, рассматриваемые некоторыми исследователями как формы уподобления [301, 21; ср.: 7, 5]: борлайў [I, 197] — «как волк», «по-волчьему».

Деепричастие на **-(-)н** встречается всего несколько раз в «Кутадгу билиг» и в материалах «Дивана», обозначает как предшествующее (а), так и одновременное (б), по отношению ко времени совершения действия конечного сказуемого, действие: а) қурымыш йағачлар бэзанди ... йапун ал сарыг көк қызыл [К-66] — «зсысохшие деревья украсились, одевшись в розовое, желтое, зеленое [и] красное»; б) улышыб эран бөрлайў йыртын йақа урлайў [I, 147] — «мужи выли как волки, разрывая на себе одежду, и, проливая слезы».

Малоупотребительность деепричастия на **-(-)н** не позволяет выделить оттенки значения и специфику функционирования этой формы, на основании которых данная форма противопоставляется деепричастиям на **-а/-(й)у** и на **-(-)б**.

Деепричастие на **-мадын** в языке «Кутадгу билиг» и «Хибатул Хакайык» выступает как отрицательная форма деепричастий на **-(-)б** и на **-а/-(й)у** и имеет значение как предшествующего (а), так и одновременного (б) действия. Нераспространенные деепричастия на **-мадын** семантико-функционально приближаются к наречиям (б): а) эвәклик бу эрди ээни билмәдин йақын туттум өзкә тапунтурмадын [К-620] — «поспешностью было то, что я, не изучив тебя, приблизил к себе, не испытав на службе (букв. не заставив служить)»; б) билигсиз нә айса айур уқмадын [X-119] — «все, что говорит невежда, говорит по непониманию».

В языке «Кутадгу билиг» встречается и «усеченный вариант» (по В. М. Насилову [252, 50]) этого деепричастного показателя — аффикс **-мады**: ээнин жайыңы бир бағырсақ изи мәнә бәрсү қаҙғун мәни қозмады [К-1217] — «чтобы единственный [и] милостивый господь, не оставляя меня в горе, дал твою участь мне».

В языке памятников положительная форма этого деепричастия не встречается. Однако один раз в «Кутадгу билиг» и в двух списках «Хибатул Хакайык» встречаются словоформы «алдын» и «йәрдин», которые, исходя из контекста, могут быть истолкованы как деепричастия на **-дын** от глаголов **ал-** и **йәр-**: эзиз ыаршда алдын қарақа тәги [К-23] — «С высокого неба до черной земли»;

¹⁵ Поэтому в современных тюркских языках деепричастие на **-а/а** употребляется преимущественно парно [146, § 303; 37, 466], или с вспомогательным глаголом *тур*, который вносит оттенок длительности [91, 97].

«сöзул ким такабурни йәрдин салыб тавазуьны бэрк тут [X-134, 342] — «наставление (букв. слово) таково: оттолкнув и выбросив гордость, держись крепко за смирение».

В других списках «Хибатул Хакайык» вместо «йәрдин» написано «баштын».

В «Диване» аффикс **-мадын/-мады** не встречается. Функцию этого отрицательного деепричастия выполняет аффикс **-мазыб**: тэнри узалмазыб [III, 133] — «не стыдясь бога».

Таким образом, в языке изучаемых памятников отмечены три положительные и две отрицательные формы деепричастий, обозначающих действия, предшествующие или одновременные по отношению ко времени совершения действия конечного глагола-сказуемого. Из положительных форм деепричастия на **-(-)н** употребляется очень редко и является, видимо, отживающим элементом. Что касается форм на **-(-)б** и на **-а/(й)у**, то они взаимно противопоставляются по признаку «наличие/отсутствие видового оттенка». Деепричастие на **-а/(й)у** сопровождается часто оттенками длительности, многократности и обычности, а форма на **-(-)б** является нейтральной по отношению к этим оттенкам. Поскольку различие между этими формами только видовое, а выражение противопоставленности по видовым значениям в языке памятников особой морфологической категории не составляет, видовые оттенки различия между формами на **-а/(й)у** и на **-(-)б** могут легко нейтрализоваться. С этим связаны, видимо, следующие два явления:

1) во-первых, довольно часто в одних и тех же контекстуальных условиях в одном и том же значении могут выступать как деепричастие на **-а/(й)у**, так и на **-(-)б** (особенно часто при одиночном, нераспространенном функционировании этих форм);

2) во-вторых, в качестве отрицательной формы и деепричастия на **-(-)б**, и деепричастия на **-а/(й)у** выступает одна и та же форма отрицательного деепричастия (в «Кутадгу билиг» и «Хибатул Хакайык» — **мадын**, а в «Диване» — **мазыб**).

Перейдем к рассмотрению функционирования деепричастий, выражающих действия, которые совершаются (или завершаются) до или после действия конечного глагола-сказуемого.

Форма на -галы употребляется в языке «Кутадгу билиг» и «Дивана» и образует, в основном, деепричастие цели, т. е. обозначает действие, совершающееся после главного действия. При реализации целевого значения субъект действия, обозначенный деепричастием совпадает с субъектом (подлежащим) предложения (а), или же выступает как объект действия, обозначенного глаголом в финитной форме (б): а) тирәнди унамас бару кэлгәли [K-4817] — «[он] упорствует, не соглашается прийти сюда»; б) тишиг ызма эвдә өңни чыққалы [K-4414] — «не позволяя женщине выходить из дома».

В языке «Кутадгу билиг» деепричастие на **-галы** может выступать во временном значении [см.: 11, 98] и обозначать действие,

предшествующее действию конечного сказуемого. В этом значении деепричастие на **-галы** в языке «Кутадгу билиг» встречается только один раз, хотя данное значение в этой форме широко представлено в языке памятников уйгурского письма (древнеуйгурского языка) [см.: 262, 14]: айур эй қазашым қалы кэлдиң ай сәңдә тушқалы мән тақы кәчмәс ай [К-5564] — «он спрашивает (букв. говорит): «Скажи, мой родственник, зачем ты приехал ко мне? Ведь еще не прошло и месяца, как я был (букв. остановился) у тебя».

Таким образом, деепричастие на **-галы** в языке памятников обозначает действие, которое совершается после действия конечного глагола-сказуемого (целевое значение), но очень редко выражает такое действие, время совершения которого является начальным пределом другого действия (временное значение — «с тех пор, как»).

Деепричастие на **-гынча** имеет временное и сравнительное значение. Во временном значении оно является антонимом деепричастия **-галы** во временном значении. Если в этом значении деепричастие на **-галы** обозначает действие, совершающееся раньше другого действия (так как время завершения первого является началом для другого), то деепричастие на **-гынча** обозначает действие совершающееся позже действия конечного сказуемого: тапуғқа көрүңгүнчә көрсә мәни [К-2524] — «чтобы он встретился со мной до того, как представится на службе» (сперва встречайся со мной, **потом** приступай к службе).

При реализации в форме на **-гынча** сравнительного значения характер соотношения периодов совершения действий, обозначаемых деепричастием и глаголом-сказуемым сохраняется (а), хотя временное значение как деепричастия, так и глагола в личной форме значительно нейтрализуется и покрывается модально-оценочными оттенками «лучше... чем» (б): а) элик тутгынча от тут [II, 231] — «прежде чем брать [кого-нибудь] на поруки, бери [в ладонь] огонь» (лучше брать в ладонь огонь, чем брать кого-нибудь на поруки); б) өкүз азақы болгынча бузағу башы болса йәг [I, 91] — «лучше становиться головой телка, чем ногами быка».

Отрицательная форма данного деепричастия выражает условие совершения действия конечного глагола-сказуемого. Как условие совершения другого действия действие, выражаемое деепричастием на **-магынча**, является идеальным, но реальная последовательность времен совершения действий, обозначенных этой словоформой и конечным глаголом-сказуемым, является обратным по сравнению с последовательностью этих действий при положительной форме этого деепричастия. Если словоформа на **-гынча** выражает действие, совершающееся позже действия конечного глагола-сказуемого, то действие, выражаемое словоформой на **-магынча** должно совершиться **раньше** действия глагола в личной форме: кишидә йырақ болмагынча... байат тапғыға тәгсә болмас

[К-4708] — «пока не (если не) отдаляться от людей, нельзя достичь служения богу».

Поскольку аналогичные противоположные взаимоотношения имеются и в сложных предложениях с придаточным реального условия (ср. узб. «келса, бораман» — «если он придет, я пойду (сперва он придет, потом я пойду)», можно полагать, что форма на -ғынча/-мағынча выражает действие, идеальное по отношению к действию, выраженному конечным глаголом-сказуемым.

Таким образом, если не учитывать временное значение формы на -ғалы, то формы на -ғалы и на -ғынча обозначают действия, идеальные по отношению к действию конечного глагола-сказуемого¹⁶, чем они противопоставляются деепричастиям на -(-)б, -а/-(й)у, выражающим действия, реальные (совершившиеся или совершающиеся одновременно) по отношению к действию конечного сказуемого.

Следовательно, характер противопоставления деепричастий по временному значению как бы повторяет взаимоотношение категорий времени и наклонения в финитных формах — и формы времен/наклонений, и формы деепричастий противопоставляются как формы, выражающие реальные или идеальные действия. Однако точка отсчета времени для каждой из этих систем является различной (момент речи — для времен/наклонений, период совершения действия конечного глагола-сказуемого — для деепричастий).

Рассмотренные формы деепричастий в языке памятников противопоставлены по следующим признакам:

1. Деепричастия на -ғалы и на -ғынча как выражающие действия, идеальные по отношению к действию конечного глагола-сказуемого, противостоят формам на -(-)б и на -а/-(й)у, нейтральным по отношению к выражению данного признака. Деепричастия на -(-)б, -а/-(й)у выражают главным образом, действия, реальные (предшествующие или одновременные) по отношению к действию конечного глагола-сказуемого, но их нейтральность по отношению к признаку идеальности выражается в том, что в редких случаях эти формы могут обозначать цель или условие совершения действия конечного сказуемого [см.: 11, 144; 12, 517—518; 303, 158], т. е. иметь оттенок идеальности по отношению к этому действию.

Поскольку деепричастие на -ғалы имеет значение идеальности действия (т. е. деепричастие цели) его противоположная функ-

¹⁶ Специализацией формы на -ғалы в восточнотюркском языке XI—XII вв. для выражения идеального действия связано, видимо, ограничение употребления этой формы во временном значении. Так как одинаковая степень распространенности противоположных типов значения в одной и той же форме не допускается языковой системой. Поэтому в тех языках, где форма на -ғалы выражает, в основном, идеальное действие (т. е. имеет целевое значение), ее временное значение (значение реального действия) либо отсутствует (например, узбекский язык), либо является малоупотребительным, ограниченным (например, староузбекский язык), а в языках, в которых данная форма широко употребляется во временном значении (например, турецкий язык) отсутствует ее целевое значение.

ция — выражение реального действия (т. е. его временное значение) — вступает в противоречие с его системным значением и избегается языковой системой (поэтому во временном значении деепричастия на **-галы** встречается в языке памятников только один раз).

2. Деепричастия на **-(-)б**, **-а/-(й)у**, нейтральные по отношению к признаку реальность/идеальность действия оппозитивны по признаку наличие/отсутствие видовых оттенков. В этой оппозиции деепричастие на **-а/-(й)у** является сильным, маркированным, а деепричастие на **-(-)б** — слабым, немаркированным членом.

3. Деепричастия на **-гынча** и на **-галы**, выражающие идеальные действия, оппозитивны по признаку «наличие модальных оттенков», присущему форме на **-галы**, которая выражает цель другого действия. Форма на **-гынча**, которая может иметь такой оттенок при условном, сравнительном значении, но может не иметь его во временном значении.

Как было сказано выше, признак «идеальность» всегда предполагает наличие модальных оттенков значения и поддерживается ими. Однако форма на **-гынча** нейтральна по отношению к выражению модальных значений. Как нейтральность настоящего-будущего времени на **-(-)р** по отношению к модальным оттенкам позволяет данной форме обозначать как действия, протекающие в момент речи, так и действия, совершающиеся в будущем, так и нейтральность деепричастия на **-гынча** к модальным оттенкам дает возможность данной форме выражать иногда такое действие, в определенный период совершения которого завершается действие конечного глагола-сказуемого. Но само действие, выраженное деепричастием может завершаться как одновременно с действием конечного глагола-сказуемого, так и после него. Такие случаи функционирования формы на **-гынча** в языке памятников не представлены¹⁷, но достаточно распространены в тюркских языках (ср., напр., узб. «у мақолани ўқигунча, мен хатни ёзиб бўлдим» — «Пока он читал статью, я закончил письмо»).

Форма на **-(-)б** в ряду внутрикатегориальных отношений деепричастий выраженных признаков не имеет. Поэтому именно эта форма выступает как соединительное деепричастие — универсальная форма связи одного глагола с другим. Деепричастия на **-(-)б** является нейтральным по отношению ко всем видо-временным и модальным оттенкам. Поэтому в действиях, следующих друг за другом, только последний глагол выступает в финитной форме, а все остальные с аффиксом **-(-)б**, причем действия, выраженные деепричастиями, имеют те же временные и модальные значения, что и действие, выраженное глаголом в личной форме [119, 160]. Нейтральность деепричастия на **-(-)б** по отношению к видо-временным и модальным значениям наиболее наглядно выступает в

¹⁷ Вообще в языке памятников положительная форма деепричастия на **-гынча** в временном значении употребляется редко.

тех позициях, когда аффикс **-(-)б** заменяет показатели имени деятеля, не обладающие выраженными видовременными значениями: ачыб тозгучы [К-4299] — «голодающий и насыщающий».

Соотношение функциональных форм глагола. Функциональные формы служат для связи глагола с другими словами. Личные, предикативные формы устанавливают связь глагола-сказуемого с подлежащим.

Именные формы глагола связывают глагол с именными частями речи, а деепричастия — с глаголом. Однако признак «связь глагола с глаголом», маркированный в деепричастиях, в именных формах глагола является не выраженным. Поэтому именные формы в определенных позициях функционально могут сближаться с деепричастиями [см.: 145, § 842; 113, 132—135; 30]: нечә кўр кўвәзләр бир иг игләмәс қара йәркә кирди [К-4621] — «сколько смелых и гордых без всякой болезни (букв. не заболев ни одной болезнью) ушло под черную землю». Именные формы глагола как средство связи его с глаголом выступают также в аналитических формах глагола: тиләр болдум [К-4682] — «я стал ищущим». Кроме того, ряд деепричастных показателей исторически восходит к именным формам глагола (напр., **-ғынча**).

Именные формы глагола играют важную роль в формировании и развитии личных (предикативных) форм глагола [37, 414], которые устанавливают связь глагола-сказуемого с подлежащим. Поскольку подлежащее в тюркских языках выражается, главным образом, именами и местоимениями, в качестве сказуемого могли выступать именные формы глагола.

В противопоставлении имен и глаголов именные формы выступают как включенное третье — они сохраняют глагольную семантику (процессуальность), важнейшую морфологическую категорию глагола (залог), но в то же время могут принимать аффиксы принадлежности и изменяться по падежам. В именных формах глагола противопоставление имен и глаголов частично снимается. Поэтому из именных форм могут развиваться как личные формы глагола (ср. формы времен на **-(-)р**, **-мыш**, **-ғу**, **-ды** и др.), так и лексикализованные имена.

Аналогичную функцию в противопоставлении наречий и глагола выполняют деепричастия.

В проявлении категории времени в личных (предикативных) и неличных (непредикативных) формах имеется ряд общностей и различий. Различие состоит в том, что в формах изъявительного наклонения категория времени выражает отношение действия к моменту речи (в абсолютном употреблении), или к моменту какого-либо действия (явления, состояния), принимаемого за точку отсчета (относительное употребление времен). В именных формах и в деепричастиях временное значение проявляется в сигнализации одновременности или неодновременности действия, выраженного этими формами, с действием, обозначаемым конечным сказуемым. Другими словами, временное значение этих форм являет-

ся относительным и точкой отсчета здесь служит момент совершения действия конечного глагола-сказуемого. Однако между относительным временным значением деепричастий и именных форм глагола и временными формами с относительным значением имеется существенное различие. Временные формы с относительным значением (напр., прошедшее на -ды эрди) имеют не только относительное временное значение (прошедшее по отношению к другому прошедшему), но и абсолютное временное значение (прошедшее). Именные и деепричастные формы обладают только относительным значением. Поэтому действие, обозначаемое деепричастием по отношению к моменту речи предполагается в будущем, но совершится раньше действия глагола в личной форме, т. е. действие, обозначенное деепричастием, может быть идеальным по отношению к моменту речи, но реальным по отношению ко времени совершения действия конечного глагола-сказуемого: элиг йарлықаса барайын нару зийарат қылыб тэрк йанайын бару [К-5544] — «если соизволит правитель, я пойду туда, повидавшись [с ним], быстро вернусь назад».

В особенностях проявления видо-модальных оттенков значения между неличными формами и формами времен наблюдается определенный параллелизм. Причастия и деепричастия, обозначающие реальные действия различаются по признаку «наличие/отсутствие видовых оттенков» (деепричастие на -(-)б ~ -а/(й)у, причастия на -мыш/дуқ ~ ған), а формы, выражающие идеальные действия — по наличию (отсутствию) модальных оттенков (причастия на -(-)р ~ -гу, деепричастия на -ғалы ~ ғынча).

В противопоставлении форм деепричастий минимально отражается оппозиция категорий времени/наклонения в целом. По признаку «реальность/идеальность действия» противопоставляются деепричастия внутри себя.

Соотношение форм и категорий глагола. Таким образом, в языке памятников XI—XII вв. тюркский глагол обладает категориями залога, наклонения, времени, лица/числа, деепричастными и причастными формами. Категория залога характеризует глагольную лексему на уровне лексико-грамматических групп и не зависит от функционирования глагола. По своей синтаксической сущности она представляет собой категорию отнесения к «предшествующему». Однако такая категориальная функция реализуется противоречиво двойственно — залог, с одной стороны, указывает на типы объектов, управляемых данным управляющим словом — глаголом (словообразовательная функция залога) и с другой стороны, определяет характер отношения действия, выраженного глаголом, к «подлежащему» (словоизменительная функция залога).

Другой грамматической категорией, выражающей отнесенность словоформы к «предшествующему», является категория лица/числа, устанавливающая связь глагола-сказуемого с подлежащим. Таким образом, грамматическое (словоизменительное)

значение залога в предикативных формах глагола соприкасается с синтаксической сущностью категории лица/числа. Поэтому собственно грамматическое значение ряда залогов семантико-функционально соприкасаются именно со значением и функцией категории лица/числа. Особенно наглядно это видно в грамматикализованных типах значений аффиксов **-(-)л/-н** и **-(-)ш**, служащих для образования форм страдательного и взаимного залогов. Как известно, аффикс **-(-)л/-н** при глаголах движения выражает неопределенно-личное значение: **эвдин чыкылды** — «вышли из дома». Аналогичное неопределенно-личное значение реализуется формой множественного числа третьего лица: **бири эзгү эрди аны өгдиләр бири эсиз эрди аны сөктиләр** [К-239] — «Один [из них] был хорошим, и его восхвалили, другой был дурным, его порицали».

В предикативных формах глагола значение множественности действующих лиц может быть выражено как с помощью аффикса **-(-)ш**, служащего для образования формы взаимного залога, а также с помощью аффикса **-лар**: **көзләр йумлушты** [III, 115] — «глаза закрылись». Ср.: при именах с собирательной семантикой: **имрәм тәришти** [I, 132] — «народ собрался»/«люди собралась»; **мәни йалнуқ ирсәл тэйү айыглаб йурырлыр** [К-671] — «люди обвиняют меня, называя непостоянным».

Однако между категориями лица/числа и словоизменительным значением залога имеется существенное различие. Грамматическое значение залога определяет положение денотата, динамический признак которого выражается глаголом («подлежащего»), по отношению к действию и не имеет никакого отношения к лицу этого производителя и к его синтаксической функции в предложении (данное слово может занимать позицию подлежащего, изафетного или неизафетного определения, определяемого и др.). А категория лица/числа согласует сказуемое и подлежащее и не определяет характер взаимоотношения действия и его производителя («подлежащего»). Кроме того, категория залога характеризует глагольную лексему в целом, независимо от ее функционирования, а категория лица/числа — только одну из функциональных форм и выступает только в предикативной позиции. Поэтому в предикативной реализации глагольной лексемы, когда слово, обозначающее предмет, динамический признак которого выражен глаголом, совпадает с подлежащим предложения, уславливаются тесные взаимодействия между категориями залога и лица/числа. В других позициях реализации глагольной лексемы взаимоотношения категории залога с категорией лица/числа нейтрализуются, так как залоговые отношения сохраняются в тех позициях, в которых категория лица/числа выступать не может.

Если залог и лицо/число указывают на отнесенность действия, выраженного глаголом, к «предшествующему», то деепричастия являются формами, указывающими на противоположный признак — на отнесенность к «последующему», а именные формы нейтральны по отношению ко всем этим признакам. С этим связан ряд особенностей этих форм:

Деепричастия как формы, указывающие на отнесенность к «последующему» одновременно указывают на зависимость действия, обозначенного деепричастием, от «последующего», т. е. от действия конечного глагола-сказуемого.

Чистые формы деепричастий не могут принимать ни аффиксов падежа, ни показателей принадлежности. Деепричастия не сочетаются с аффиксами принадлежности, так как синтаксические потенции этих форм направлены противоположно и несовместимы — деепричастия выражают отнесенность словоформы к «последующему», а аффиксы принадлежности — к «предшествующему». Падежные же аффиксы при деепричастиях, с синтаксической точки зрения, являются избыточными, так как они тоже выражают зависимость и отнесенность к «последующему». Однако исторически роль падежных показателей (и им подобных) в формировании и развитии деепричастий огромна, что связано с особенностями именных форм глагола.

Именные формы глагола, нейтральные по отношению к выражению отнесенности словоформы к «последующему» или «предшествующему», могут сочетаться с формальными средствами отнесения слова как к «последующему», так и к «предшествующему» (падежные и принадлежностные показатели). Поскольку падежные формы придают именной форме глагола синтаксическую потенцию выражения отнесенности словоформы к «последующему», падежные формы причастий и имен действий по своим особенностям сближаются с деепричастиями и нередко, в результате утраты падежным формантом семантической функции, переходят в деепричастия. Это наглядно видно из набора признаков деепричастной формы и причастия в падежной форме: деепричастий — «процессуальность + залог + отнесенность к «последующему» + зависимость»; причастий — «процессуальность + залог + 0».

Если к причастной основе присоединить падежный показатель, выражающий признак отнесенности словоформы к «последующему», то при реализации падежом обстоятельственных типов значения набор признаков деепричастий и причастий в падежной форме будет идентичным: причастно-падежная словоформа — «процессуальность + залог + отнесенность к «последующему»/зависимость». Поэтому из причастно-падежных словоформ могут развиваться деепричастия.

Присоединяясь к именным формам глагола, аффиксы принадлежности, как средства отнесения к «предшествующему» и указания на признак «главного слова», придают этим формам большую самостоятельность. Они становятся личными формами, хотя и нефинитными [123, 63; 250, 56—57] и могут образовывать развернутые конструкции посессивного строя. Поэтому наличие притяжательных аффиксов между показателем причастия и аффиксом падежа (или форм близких по своему функциям к падежам) ослабляет связь таких образований с деепричастиями: улуг болду-**гунча** түзүнрәк болуб [X-178] — «по мере того как ты становишься великим, став добрее».

Если формы залога, деепричастий, причастий, имен действия и лица/числа выражают отнесенность определенной словоформы к предшествующим или последующим словоформам в рамках предложения, то категории времени и наклонения не выражают синтаксические отношения словоформы к конкретным словам в составе данного предложения, а определяют отношение действия к экстралингвистическим факторам — к моменту речи и к действительности. Поэтому у этих форм «предшествующее» и «последующее» определяются экстралингвистическими моментами и принципиально отличаются от «предшествующих» и «последующих» форм залога, причастий, деепричастий и лица/числа. Противопоставление по собственному временному значению имеется только внутри форм, выражающих реальные действия, т. е. те действия, которые для говорящего являются объективно предшествующими или протекающими в настоящий момент. Поэтому сущность собственно временного значения категории времени можно определить как классификацию действия субъектом как предшествующее или непредшествующее.

Категория наклонения является по своей сущности противоположной категории времени и сигнализирует классификацию действия субъектом как последующее или не последующее. Поэтому противопоставление по временным значениям имеется только среди форм изъявительного наклонения, которое является нейтральным по отношению к признакам оппозитивности наклонений. Выраженные же признаки противопоставления наклонений имеются только у форм косвенных наклонений. Если для реализации синтаксической потенции форм залога, причастий, деепричастий и лица/числа контекст в объеме одного предложения является необходимо достаточным, то синтаксические связи форм времени и наклонений определяются широким контекстом. О том, что и формы наклонения, и формы времени синтаксически указывают на отнесенность к «последующему» и «предшествующему» свидетельствует относительное функционирование форм времени и сопряженное употребление форм косвенных наклонений.

Таким образом, синтаксическая сущность тесно взаимосвязанных друг с другом форм и категорий тюркского глагола могут быть определены через понятия отнесенности к «последующему» и к «предшествующему», которые своеобразно проявляются и у словоизменительных категорий имени. Поэтому при рассмотрении соотношения словоизменительных форм имени и глагола в языке памятников эти понятия послужат нам отправной точкой.

Глава четвертая

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИИ

По собственно морфологическому (по особенностям образования) все морфологические категории языка изучаемых памятников являются последовательно коррелятивными¹, т. е. все формы одной категории образуются путем присоединения аффиксов к одной и той же исходной основе слова.

По свойствам, присущим определенным частям речи или членам предложения морфологические категории языка памятников можно подразделить на три группы:

- 1) классифицирующие грамматические категории, характерные для определенной части речи, конструирующие и определяющие ее на лексико-грамматическом уровне независимо от позиций реализации в речи [ср.: 247, 8—9; 103, 31—32];
- 2) функционально-синтаксические категории, свойственные определенным членам предложения, независимо от того, какой частью речи выражены данные члены предложения;
- 3) грамматические категории, нейтральные по отношению к вышеуказанным признакам и не закрепленные ни за частями речи, ни за членами предложения.

Рассмотрим морфологические категории языка памятников в этом аспекте. Лексико-грамматическая категория залога характеризует только одну часть речи — глагол. Такими же классифицирующими являются формы сравнительной степени и усиления качества (типа «қып-қызыл») качественных прилагательных, категория числа, конструирующая имена существительные.

В качестве классифицирующей и свойственной только для глагола выступает категория репрезентации (функциональные формы глагола). Однако между категориями залога и репрезентации имеется существенное различие. Залог характеризует определенную глагольную лексику во всех случаях ее реализации, тесно связан с лексическим значением основы и носит лексико-грамматический характер [ср. 215 а], а функциональные формы

¹ Термин А. В. Бондарко [см.: 54, 6; 55; 49; 52].

выступают как единицы лексико-функциональной категории и свойственны определенным позициям реализации определенной части речи — глагола. Поэтому они тесно связаны как с глагольной лексемой, так и с позицией ее реализации в речи. Таким образом, категория репрезентации выступает как включенное третье в оппозиции классифицирующих и функционально-синтаксических морфологических категорий. Именно поэтому в результате слияния залогового показателя с корнем историческая залоговая форма могла изменить свое лексическое значение, перейти из одного разряда глаголов в другой, но остаться в пределах глагола как части речи, а лексикализация глагола в определенной функциональной форме приводит к утрате глаголом залогового значения, и лексикализованная словоформа переходит в разряд другой части речи, с которой связана данная функциональная форма глагола.

Категории падежа, лица/числа, наклонения/времени являются функционально-синтаксическими. Категории наклонения, времени, лица/числа — предикативные и свойственны только одному члену предложения — сказуемому, а категория падежа — непредикативная. С этим связаны некоторые явления.

Показатели, которые обозначают только лицо/число при глагольном сказуемом, при именах наряду со значением лица/числа могут выражать значение наклонения (модальности) и времени; в именном сказуемом реализуются значения этих категорий предикативности и при отсутствии в его составе особых материально выраженных показателей — наклонения/времени.

Падеж как непредикативная категория в диалектическом единстве своих семантической и синтаксической сторон выступает только в непредикативных позициях, прежде всего в позициях, противопоставленных предикативу (сказуемому). Таковыми являются позиции субъекта (подлежащего) и объекта (дополнения). Поэтому противопоставление падежных форм внутри своей категории как средства выражения синтаксической связи наиболее отчетливо выступает именно в этих позициях. Различные виды обстоятельства, выступающие в предложении в качестве детерминирующих членов предложения, занимают в предложении периферийное место и слабо противопоставлены сказуемому (предикату)², поэтому в позиции обстоятельства синтаксическое противопоставление падежей значительно ослабляется за счет усиления их семантической функции, а в позиции сказуемого синтаксическая сущность категории падежа нейтрализуется полностью, парадигматическое противопоставление падежей как форм выражения синтаксических отношений снимается, и реализуется только семантическая функция падежных форм.

Категория принадлежности не относится ни к частям речи,

² Ср.: классификацию членов предложения по их рангам в структуре предложения в теньеровской грамматике [266, 302—305].

ни к членам предложения. Поэтому синтаксическая и семантическая функции категории принадлежности могут реализоваться в позициях всех членов предложения и при всех морфологически изменяемых группах слов.

На категории принадлежности базируется особый, посессивный строй предложения, противостоящий номинативному строю, и категория принадлежности как фундамент, как ведущая категория посессивного строя противостоит всем остальным категориям номинативного строя.

Вышеуказанное деление грамматических категорий можно представить в виде следующей схемы:

Для выявления синтаксической сущности грамматических категорий важное значение имеет определение их синтаксических возможностей как средства отнесения словоформы к «предшествующему» или «последующему», по которым морфологические категории языка восточнотюркских памятников подразделяются следующим образом.

Категории залога, репрезентации, падежа, принадлежности, лица/числа как средства, выражающие в рамках предложения отнесенность одной словоформы к другой, противостоят категориям числа, наклонения, времени и формам степени сравнения, нейтральным по отношению к этому признаку. Нейтральность этих категорий проявляется в том, что изменение формы числа, наклонения, времени и степени признака не влияет в целом на

структуру предложения (или словосочетания), однако в определенных позициях и эти категории могут выступать как средства связи частей предложения с более крупными синтаксически целыми. Именно для этих целей служит сопряженное функционирование форм условного и повелительно-желательного наклонений, относительное употребление временных форм. Поэтому синтаксические потенции этих категорий реализуются, как правило, в достаточно большом контексте. Если категории залога, репрезентации, падежа, принадлежности, лица/числа обуславливают структуру словосочетания (предложения), служат для организации этих единиц, то формы наклонения/времени организуют более крупные единицы, чем предложение. Синтаксические потенции категории числа проявляются в том, что показатель множественного числа **-лар** в определенных случаях употребляется для согласования сказуемого с подлежащим и для образования особого неопределенно-личного типа предложения.

Категории залога, репрезентации, падежа, принадлежности, лица/числа, маркированные как формы отнесения одной словоформы к другой, дают внутри себя трихотомическое деление:

1) категории залога и лица/числа, выражающие отнесенность словоформы к «предшествующему»;

2) категория падежа и деепричастные формы, выражающие отнесенность словоформы к «последующему»;

3) категория принадлежности и именные формы глагола, нейтральные по отношению к отнесенности словоформы к «предшествующему» или «последующему».

Классифицирующие и функционально-синтаксические категории находятся в тесном взаимодействии — категории (формы), объединяющиеся по синтаксическим потенциям, различаются по их свойствам, определенных для конкретных частей речи или членов предложения, и наоборот. Оппозиции грамматических категорий по синтаксическим потенциям (по признаку сигнализации отнесенности словоформы) имеют привативный характер, с чем связан диалектический характер единства семантической и синтаксической функций в каждой из этих категорий.

Грамматические категории языка памятников являются двумерными и многочленными, т. е. план содержания представляется неоднородными грамматическими значениями, а план выражения — набором (минимум двух) оппозитивных форм [ср. 87, 123; 154]. Грамматические категории, состоящие из одной формы, в языке памятников отсутствуют [ср.: 76].

Характерной особенностью грамматических категорий в плане содержания является то, что различные грамматические категории и грамматические значения сосуществуют в тесном взаимодействии и очень часто перекрещиваются — одно грамматическое значение может быть выражено грамматическими показателями разных категорий, а формальные показатели какой-либо одной грамматической категории могут выражать значение раз-

ных категорий. Именно в этом проявляется асимметрический дуализм формы и содержания в морфологических элементах [см.: 134; 81, 45]. При этом следует различать синтезированность и сопряженность разных грамматических значений в одной форме [см.: 311, 15].

Сущность синтезирования состоит в том, что в одном и том же показателе находят свое нерасчлененное выражение разные грамматические значения. Туркские морфологические элементы с синтезированными грамматическими значениями по существу мало чем отличаются от флексий индоевропейских языков — первые также многозначны, как и вторые.

Синтезированными значениями обладают следующие форманты языка памятников:

1. Аффиксы принадлежности синтезировано выражают: а) синтаксическую и семантическую стороны форм и категории принадлежности (нейтральность по отношению к сигнализации отнесенности словоформы к «предшествующему» или к «последующему», ведущую роль словоформы, выражение партиципно-притяжательных значений); б) значение лица обладателя; в) значение числа обладателя³.

2. Аффиксы лица/числа I группы при глаголах выражают два значения — значения лица/числа субъекта, а при именном сказуемом — три (или четыре) значения — наклонения/времени, лица, числа.

3. Показатели повелительно-желательного наклонения (аффиксы лица/числа III группы) синтезировано выражают значения наклонения/времени и лица/числа.

Грамматические значения, выражаемые в одних случаях синтезировано в одном показателе, в других — с помощью отдельных грамматических показателей (ср., напр., қылынчым йайығ [К-1074] — «мой нрав (поступок) непостоянный», где в парадигматическом ряду аффиксов предикативности нулевая морфема при слове йайығ, занимающим позицию сказуемого, выражает значение настоящего-будущего времени изъявительного наклонения III лица единственного числа именного сказуемого, и «қыл + са + эрди + н + из», где каждое из однородных с предыдущими грамматических значений имеет свой формальный показатель).

Каждое из синтезированных в одном показателе грамматических значений имеет категорию, для которой выражение данного значения является основной, главной функцией, и в противополо-

³ О том, что значение принадлежности существует в некоторой автономности от значений лица и числа говорят факты возможности существования различных аффиксов принадлежности в ряде языков мира (ср., напр., в нанайском языке [14, 144]; ср. также русск. «свой» наряду с «мой», «твой», «его», «наш» и т. д.), а также существования в языке других способов выражения идеи принадлежности. Поэтому не случайно, что в работах Н. К. Дмитриева и Э. В. Севортяна [94, 21—37; 234, 38—44] семантическая сторона аффиксов принадлежности изучается в одном ряду со значением аффиксов -лы/-сыз, а также конструкций с родительным притяжательным и со словами «бар», «йоқ».

тавлении форм которой данное значение выступает наиболее ярко. Например, значения лица и числа имеются в аффиксах принадлежности и лица/числа, однако сущность значения лица может быть выявлена из взаимоотношений элементов самой категории лица, которая свойственна личным местоимениям.

Сопряженность разных грамматических значений в одном показателе состоит в том, что в каждом конкретном языке значение какой-либо одной грамматической категории всегда сопровождается другими грамматическими значениями, находящимися с ним в диалектическом единстве. Ослабление одного типа значений компенсируется усилением другого типа. Поэтому в каждой грамматической форме следует выделить два типа значений:

I тип — категориальное значение данной формы (т. е. проявление в конкретных формах парадигматического значения той категории, к которой она относится);

II тип — сопряженные грамматические значения (т. е. другие типы значения формы, которые сопровождают ее категориальное значение)⁴.

В грамматических формах языка восточнотюркских памятников выделяются следующие категориальные и сопряженные грамматические значения:

1. В формах числа: количественная характеристика предмета (категориальное); качественная характеристика имени (сигнализация определенности/неопределенности, однородности/неоднородности, компактности/распределенности и т. д.) (сопряженные).

2. В формах падежа: сигнализация положения словоформы в предложении (категориальное); выражение определенности/неопределенности, местоименности/неместоименности и разных пространственно-временных значений (сопряженные).

3. В формах принадлежности: сигнализация отнесенности словоформы к другому слову и ее независимости от этого слова (категориальное); выражение партитивно-притяжательных значений (сопряженное).

4. В формах залога: словоизменительное значение (выражение отношения действия к «предшествующему» (субъекту-подлежащему) (категориальное); словообразовательное значение (сопряженное).

5. В формах наклонений: выражение отношения действия к действительности (сигнализация его реальности/идеальности и

---

⁴ Термины «категориальное» и «сопряженное» употребляются нами условно. Значение «сопряженное» в одном отношении, может выступать «категориальным» в другом отношении. Напр., для временных форм в микросистеме времени модальные и видоаспектуальные оттенки выступают как сопряженные, но в микросистеме модальности модальные значения выступают как категориальное, а временное и видоаспектуальное — как сопряженные. Поэтому классификация тех или иных типов значения как «категориальное» или как «сопряженное» является условным и служит для подчеркивания двойственности грамматической формы.

выражение модальных значений) (категориальное); выражение отношения действия к точке временного отсчета (сопряженное).

6. В формах времени: выражение отношений времени совершения действия к моменту речи (или к другой точке временного отсчета) (категориальное); модальные и аспектуальные оттенки (сопряженные).

7. В формах лица/числа: сигнализация отнесенности «последующего» (сказуемого) к «предшествующему» (подлежащему) (категориальное); выражение лица/числа субъекта (сопряженное).

Следовательно, если наличие синтезированных значений для всех форм в языке памятников не является обязательным, то ни одна форма не может быть лишенной сопряженных значений.

Каждое грамматическое значение синтезированное с другими значениями в одной форме, должно изучаться изолированно в пределах своей системы (вокруг основных образований) при элиминировании других грамматических значений, например, в аффиксах принадлежности кроме синтаксической и семантической функции самой категории принадлежности содержатся и значения лица и числа. Каждое из этих значений имеет свою систему, в пределах которой проявляется его сущность и в которой оно существует. Значение числа в этих аффиксах должно изучаться при выявлении особенностей противопоставления форм единственного и множественного числа, значение лица — при изучении особенностей функционирования личных местоимений и форм лица/числа сказуемого. Семантическая функция форм принадлежности (выражение партитивно-притяжательных значений) вскрывается в системе средств обозначения обладания/необладания, целого, части и др., а синтаксическая и семантическая функции самой категории принадлежности — в системе средств осуществления синтаксической связи. Таким образом, аффиксы принадлежности включаются в четыре микросистемы языка, значение лица и числа легко выделяются от аффиксов принадлежности и охватываются категориями лица и числа. Что касается значений «сигнализация отнесенности словоформы», «независимость словоформы», а также партитивно-притяжательных значений, то первые проявляются как в парадигматических отношениях категории принадлежности с другими средствами осуществления синтаксической связи (с падежами, послелогами, союзами), так и в конкретных проявлениях форм принадлежности, т. е. являются тем общим, которое проявляется через единичные формы принадлежности. Однако выражение партитивно-притяжательных отношений составляет семантическую сторону только форм принадлежности, ее сущность может быть выявлена из взаимоотношения элементов в системе средств выражения партитивно-притяжательных отношений, охватывающей наряду с аффиксами принадлежности и ряд лексических (словообразование на **-лы/-лыг, -сыз, -ники**) и синтаксических элементов. Поэтому эти значения

в парадигматические отношения самой категории принадлежности не входят. Семантическая функция выражения партитивно-притяжательных значений и синтаксическая функция «сигнализация отнесенности словоформы» составляют диалектическое единство только в формах принадлежности, а семантическую функцию самой категории принадлежности составляет другой признак — сигнализация независимости словоформы от «предшествующего».

Сосуществованием в одной форме синтезированных и сопряженных грамматических значений объясняется причина отсутствия полного соответствия между парадигматическим значением грамматической категории и значениями ее форм, так как в формах категорий наряду со значением данной категории могут быть и другие грамматические значения, которые в парадигматическое значение этой категории не входят.

Синтезированные грамматические значения могут существовать не только в грамматических формах, но и в грамматическом значении частей речи. Например, в глаголе синтезированы семантический признак выражения процессуальности и морфологическое значение залога. Поскольку эти значения относятся к разным категориям, непротиворечивая классификация частей речи одновременно по двум или трем признакам невозможна⁵.

Способы изучения сопряженных значений принципиально отличаются от путей исследования синтезированных значений. Если они соединены в одной форме механически, то сопряженные значения в грамматических формах составляют диалектическое единство и не могут изучаться в отрыве друг от друга. Степень значимости сопряженных межкатегориальных значений является неодинаковой во всех формах данной категории и во всех случаях реализации форм какой-либо грамматической категории. Наиболее отчетливо это проявляется на примере соотношений значений модальности и времени в формах наклонения/времени, словообразовательного и словоизменительного значений в залогах, семантической и синтаксической функций в формах падежа и принадлежности. В парадигме грамматической категории имеются такие формы (или их функции), которые являются нейтральными по отношению к сопряженным (межкатегориальным) значениям (например, формы прошедшего времени на **-ды, -мыш, -ды эрди** и др. по отношению к сопряженному значению модальности), и такие формы, в которых межкатегориальные типы значения выражены ярче, чем внутрикатегориальные (например, формы будущего времени по отношению к значению модальности). Подобно этому степень проявления семантической и синтаксической функций в одной и той же форме в различных позициях реализации остается непостоянной.

⁵ Основываясь на том, что слово, оформленное нулевой морфемой, в позиции сказуемого выражает значения наклонения, времени, лица и числа, можно полагать, что эти значения синтезированы в этом члене предложения. Однако значение членов предложения является особым вопросом.

Сосуществование в одной форме значений, обусловленных внутри- и межкатегорияльными отношениями, является причиной ее внутренней двойственности и противоречивости. Оно выступает как источник развития данной формы и обеспечивает единство ее различных сторон. Наличие сопряженных значений и принципиальная двойственность любой грамматической формы (категории) обуславливают, предполагают друг друга и являются одной из причин вхождения каждой грамматической формы (категории) в два ряда оппозиций. Эти явления, в свою очередь, являются следствием и отражением в грамматических формах (категориях) двойственности самого языка как формы мысли, отражающей объективный мир, и как самостоятельной знаковой системы, независимой от экстралингвистических факторов [123, 91], существующей благодаря своей целостности и развивающейся по своим внутренним законам [см.: 105, 21—29; 241, 122—125]. Поэтому все единицы языка, в том числе и грамматические формы имеют две стороны — мотивированную и обусловленную реальным миром (значение, формы), и мотивированную системными отношениями в языке (значимостью формы)⁶ [123, 91].

Необходимо осветить роль включенного третьего в осуществлении взаимосвязи форм (категорий) и в обеспечении их единства.

Сущность элемента, выступающего в качестве включенного третьего заключается в том, что в этом элементе противопоставление двух единиц снимается. Таким образом, включенное третье выступает тем необходимым звеном, общим сегментом двух полярностей, где эти полярности сходятся, составляют единство. Именно через включенное третье осуществляется взаимосвязь, взаимопереход элементов и непрерывность языковой системы. Поскольку в включенном третьем противопоставление двух оппозитивных единиц снимается, по условиям контекстов, оно может иметь свойства обеих противопоставленных единиц. Поэтому по отношению к единице, выступающей в качестве включенного третьего, тезис формальной логики «либо...либо» («А есть В или не-В») не применим; сущность включенного третьего может быть отражена тезисом разрешения неантагонистических противоречий диалектической логики и («А есть В и не-В») [89, 180] (ср.

---

⁶ При рассмотрении форм категорий, маркированных по признаку «сигнализация отнесенности словоформы» (т. е. при рассмотрении форм падежа, принадлежности, залога, лица/числа) по отношению к «значению» и «значимости» грамматической формы (в вышеуказанном понимании) были применены, соответственно, термины «семантическая функция (сторона, сущность)» и «синтаксическая функция (сторона, сущность)». Однако, термины «семантическая функция» и «синтаксическая функция» являются явно неудачными, так как вызывают иллюзию семантической (неграмматичности) одного, и синтаксичности (грамматичности) другого явления. В то время, как, во-первых, и та, и другая стороны грамматической формы являются собственно грамматическими. Во-вторых, в определенных отношениях семантическую сторону грамматической формы может составлять собственно синтаксический признак.

напр., служебно-знаменательные слова, которые имеют все морфологические свойства имен, но семантико-функционально выступают как послелогои, т. е. являются и знаменательными и служебными словами; форму настоящее-будущего времени, которая может обозначать как реальные, так и идеальные действия; реализацию семантической и синтаксической функций падежей при глаголах II, III, IV групп; категорию репрезентации, которая характеризует одну часть речи в определенной синтаксической функции).

Понятие включенного третьего диалектическое, конкретное и относительное — одно и то же явление, составляющее полярность в одной оппозиции, выступает включенным третьим в другой оппозиции. Например, послелогои-частицы полярны в оппозиции «знаменательное слово: служебное слово», но занимают позицию включенного третьего в оппозиции «слово:морфема»; формы будущих времен полярны в оппозиции прошедших и будущих времен, но являются включенным третьим в оппозиции наклонений и т. д.

В качестве включенного третьего могут выступать не только отдельные формы (категории), но и определенные случаи функционирования (типы значения) многозначных грамматических форм (например, лексико-грамматические типы значений залоговых аффиксов в оппозиции словообразовательных и словозменительных значений этих показателей, вневременное значение настояще-будущего времени и др.).

Формы, категории, типы, значения, выступающие как включенное третье,— важный источник развития грамматического строя языка, так как противоречия каждой микросистемы наиболее ярко проявляются именно в включенном третьем каждой оппозиции. Например, из временных форм наибольшим изменениям в истории развития тюркских времен подверглись формы будущего времени, именные и деепричастные формы глагола являются важнейшим источником пополнения арсенала имен и наречий и т. д.

Таким образом, взаимосвязь разных типов одной и той же грамматической формы, а также разных форм одной категории и разных грамматических категорий осуществляется через включенное третье, которое обеспечивает единство этих явлений и непрерывность (взаимопереходность) языковых элементов.

Глава пятая

АФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ ПАМЯТНИКОВ

Вопрос о месте словообразования в различных разделах науки о языке является спорным [см.: 63; 71; 81; 169; 230]. Словообразование включается то в раздел морфологии, то в лексикологию и семантику, или же рассматривается как самостоятельная дисциплина. Видимо, наиболее целесообразно рассматривать словообразование как особый раздел языкознания, так как оно находится на стыке таких дисциплин как морфология и синтаксис, лексикология и семасиология. Механизмы (типы) словообразования в тюркских языках являются разнообразными [См.: 81, 38—39], и только продуктивные модели аффиксального словообразования имеют тесные контакты с формообразованием. Что касается непродуктивных моделей словообразования, то они должны рассматриваться в лексике и этимологии [300, 35].

Системные связи каждой словообразовательной модели¹ могут быть вскрыты при изучении разнообразных отношений каждой словообразовательной модели со всеми остальными моделями и с семантическими группами слов. Поэтому задача их определения в языке изучаемых памятников может быть поставлена в самостоятельной работе, посвященной изучению всех способов словообразования как целостной системы. В данной главе дается лишь краткое описание продуктивных и наиболее производительных моделей аффиксального словообразования языка памятников. Понятия «продуктивность» и «производительность» понимаются в том же значении, что и в работах Э. В. Севортяна [236, 31—32].

В тюркологии нередко одни и те же грамматические показатели (особенно форманты залогов, аффиксы *-даки*, *-лы*, *-сыв*, *-ча*, *-ники* и др.) рассматриваются то как словообразовательные, то как словоизменятельные [см., напр., 32а; 75, 36—41; 101; 270а], или же как средство функциональной транспозиции имени без изменения его лексического значения [37, 192—198; 74; 75; 100, 18; 238, 156]. Поскольку соотношение словообразовательного и

¹ О словообразовательных моделях см.: [62, 227; 255, 149; 256, 53; 281, 10—19].

словоизменительного значений в залогах было рассмотрено выше, остановимся на особенностях образований с помощью аффиксов **-лы, -сыз, -даки**.

Отрицание словообразовательной сущности аффиксов **-даки, -сыз** и некоторых других основывается, главным образом, на возможности присоединения этих аффиксов ко всем именам; функционального параллелизма между некоторыми падежными аффиксами (послелогоми) и аффиксами **-лы, -сыз**; включения аффиксов числа и принадлежности между основой и аффиксами **-даки** и **-ники**.

Возможность или невозможность присоединения аффиксов ко всем именам не может быть критерием разграничения словоизменения и словообразования, так как абсолютная производительность какой-либо словообразовательной модели или готовая воспроизводительность какого-нибудь слова определяют уровень принадлежности слова: слова, образуемые по продуктивным и широко производительным моделям, являются единицами речи, возникают в процессе речи по языковым моделям, а слова, воспроизводимые в готовом виде, являются единицами языкового уровня [см.: 205а, 12; 251, 148—163], выступают как корневые, лексические морфемы. Первые не поддаются учету и не могут быть полностью охвачены словарем, вторые — исчисляются словарями языка, так как «количество слов — единиц языка (точнее: корневых морфем. — Х. Н.) — на выбранный момент времени является конечной величиной (сочетаемой), а количество слов — единиц речи — не поддается учету в силу их главного свойства — производимости для нужд данного момента. Заранее никогда невозможно предсказать где, когда и в какой момент говорящий или пишущий создает то или иное производное слово» [251, 156].

Одной из характерных особенностей производимых в процессе речи слов является неидеоматичность значения производного слова и словообразовательной модели, т. е. сочетания значений производящей основы и словообразовательного аффикса. Всеми указанными выше свойствами обладают словообразовательные модели «имя + -лы», «имя + -сыз», «имя + -даки». Слова, производимые по этим моделям, возникают в процессе говорения, и продукты каждой модели имеют сходные значения: модель «имя + -лы» выражает наличие (обладание) какого-либо предмета или свойства, противоположное значение имеет модель «имя + -сыз», модель «имя + -даки» указывает на признак предмета по местонахождению (реже по времени). Таким образом, абсолютная производительность словообразовательных моделей на **-лы, -сыз, -даки** свидетельствует не о словоизменительном характере этих аффиксов, а о принадлежности слов, образуемых по данным моделям, к уровню речи. Поэтому слова, образованные по этим моделям, не могут быть охвачены словарями языка.

Семантико-функциональное совпадение послеложно-падежных форм с образованиями на **-лы, -сыз** встречается и в языке рас-

сматриваемых памятников: йашы қысқа эсиз **өкүнчүн** қарыр узун йашлығ эзгу **өкүнчсүз** йурыр [К-342] — «скверный молодой стареет в раскаянии, хороший пожилой живет не раскаиваясь». Ср. также: көңүл бирлә [К-4941] — «охотно», көңүлсүз [К-4940] — «неохотно».

Такой параллелизм в языке памятников наблюдается, в основном, между формой орудного падежа и ее аналитического синонима (конструкции с послелогом бирлә) и словами с аффиксом -суз/-сыз. Причина этого явления скрывается в двойственности функции падежных форм, т. е. в наличии у падежей наряду с синтаксической функцией семантической. Семантическая сторона падежных форм не зависит от управления и может реализоваться в самостоятельных неуправляемых позициях. Семантическая функция грамматической формы сообщает слову дополнительное семантическое содержание и по своему характеру сближается со словообразованием. Семантическая функция падежа приобретает грамматический характер только в диалектическом единстве его синтаксической функции; отрыв семантической функции от синтаксической приводит к лексикализации (к словообразованию), а орудный падеж синтаксической функцией не обладает и является полунаречным образованием. Поэтому формы орудного падежа семантико-функционально могут соприкоснуться со словообразовательными моделями. Таким образом, семантико-функциональный параллелизм некоторых падежных форм со словами, образованными с помощью аффиксов **-лы**, **-сыз** не связан со словоизменительным характером модели «имя + -лы/-сыз», а обусловлен словообразовательной сущностью семантической функции падежной формы, оторванной от его синтаксической функции.

Со словообразовательным характером семантической стороны падежей, оторванной от их синтаксической функции, связано возникновение аффиксов **-даки** и **-ники**.

Словообразование с помощью аффикса **-даки** широко представлено в языке памятников, а аффикс **-ники** находится в самом начале формирования. В аффиксе **-ники** обособилось значение обладания аффикса родительного падежа, которое является самостоятельным значением данной формы и может реализоваться даже в позиции подлежащего, а в аффиксе **-даки** — значение местонахождения, которое по своей сущности относится к наречным типам значения.

Включение между производящей основой и аффиксом **-даки** (позже и афф. **-ники**) показателей числа и принадлежности в языке памятников наблюдается редко и связано с двойственностью и синтагматическими отношениями первого элемента этого аффикса — показателя **-да**, который служит для образования формы местно-исходного падежа: элигиндәки [К-177] — «то, что в его руках». Необособленность элемента **-да** в составе **-даки** от показателя местно-исходного падежа делает возможным вклю-

чение между производящей основой и аффиксом **-даки** показателей числа и принадлежности, а неязыковой, речевой (контекстуальный) характер образований на **-даки** не препятствует этому явлению. Поэтому оно должно рассматриваться как реликт формообразовательного характера сочетаний «имя + -да», из которых развилась словообразовательная модель «имя + -даки».

Несомненно, решающим условием определения словообразовательного или словоизменительного характера какого-нибудь образования является изменение или неизменение лексического значения слова в результате присоединения к нему какого-либо аффикса. Сопоставим словосочетания: эв қызы [К-4373] — «домашняя девушка», эвда қыз — «девушка в доме», «дома — девушка», эвдаки қыз — «девушка, находящаяся в доме». Второе из них не образует словосочетания. Словоформа «эвда», как детерминирующий член предложения, тяготеет к сказуемому. В остальных двух определительных словосочетаниях ощутимо семантическое различие между их первыми компонентами — слово «эв» в сочетании «эв қызы» реализует качественно-предметное значение и является оппозитивным словоформе «эвниц» в сочетании «эвниц қызы», а «эвдаки» выражает характеристику предмета, отличного от «эв» по его местонахождению и является оппозитивным образованием типа «находящееся наруже», «находящаяся на улице», и т. д. Таким образом, один из важнейших признаков грамматической формы — оппозитивность другим формам этой категории при сохранении неизменным лексического значения в образованиях на **-даки** отсутствует. Оппозиция словосочетаний «эв қызы» и «эвдаки қыз» строится на лексико-семантической основе, т. е. имеет словообразовательный характер.

Определение продуктивности или непродуктивности какой-либо словообразовательной модели является трудной и в определенной степени субъективной задачей. При определении продуктивности/непродуктивности словообразовательной модели для нас решающее значение имеют сведения Махмуда Кашгарского о том, что может ли присоединяться данный аффикс ко всем или (многим) словам или же он встречается в составе определенных слов и возможность образования новых слов от основ, образованных по продуктивным моделям.

ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Аффиксальное словообразование имен в зависимости от принадлежности производящей основы глаголу или другим частям речи можно подразделять на отглагольное и отыменное образование имен. Однако, такое деление является в некотором смысле условным, так как нередко одни и те же словообразующие аффиксы могут присоединяться как к именам, так и к глаголу [236, 34].

Отыменные словообразования имен. Наиболее употребительными, продуктивными и производительными словообразующими аффиксами, образующими имена от имен, являются следующие (по степени частоты употребления производных основ в языке памятников) — **-лығ/-лы, -сыз/-суз, -лық/-лик, -чы/-чи, -дәки/-дакы, -даш, -ки, -/нч/-нчы, -ча, -сығ, -ағун/-ағу, -ар, -ла.**

Аффикс **-лығ/-лиғ/-луғ/-лүғ/-лы/-ли**, присоединяясь к конкретным (а) или абстрактным (б) именам, выражает обладание предметом (качеством, свойством), обозначаемым производящей основой: а) үч азақлығ [К-787] — «треножник», «имеющее три ноги»; б) тусуғлуғ [К-238] — «полезный».

Хотя Махмуд Кашгарский неоднократно говорит о семантико-функциональном различии между аффиксами **-лығ**, выражающим обладание, и **-лық**, образующим имена с абстрактным значением [I, 165; 459. см. также: 237, 61—66], в языке памятников имена со значением обладания каким-нибудь предметом (признаком) могут иметь аффиксы **-лық**: очақлық йәр [I, 166] — «место с очагом», йазуқлуқ киши [X-169] — «грешный человек».

Присоединяясь к названиям местности, аффикс **-лығ/-лық** выражает происхождение, принадлежность к определенному месту: күйаслық әр [III, 193] — «мужчина из Куяса».

В отличие от норм современного языка аффикс **-лы/-лығ** может присоединяться и к именам со значением качества: қара құл қарасы болур бәг өрүң қаралы өрүнли азырты көрүң [К-2046] — «чернота — это цвет (букв. чернота) раба, а бек является белым: Смотрите, [творец] отличил черное от белого (букв. то, что с чернотой, от того, что с белизною)».

Словообразовательная модель «имя + -сыз» семантически является антонимом предыдущей модели и обозначает отсутствие какого-нибудь предмета (а) или признака (б): а) атсыз [К-2606] — «без имени», «бесславный», б) йарағсыз [К-4374] — «недостойный», «неприличный».

В языке памятников имена на **-сыз** выступают преимущественно в обстоятельственной и субъектно-объектной функциях. В обстоятельственной функции к ним может присоединяться аффикс орудного падежа: игсизин тапунса [К-421] — «чтобы служить не заболев».

Аффикс **-лық/-луқ** является очень продуктивным и многозначным [см.: 83; 70; 238—20—53; 289]. Об этом аффиксе Махмуд Кашгарский пишет много раз и подчеркивает большую производительность данной словообразовательной модели [I, 167, 463, 467—468].

Аффикс **-лық/-луқ** сообщает производной основе разнообразные значения. Производная основа обозначает абстрактное, опредмеченное качество (свойство): ануқлуқ [I, 166] — «готовность», «конилик [К-29] — «праведность».

Производящая основа — имена прилагательные или существительные, характеризующие лицо по возрасту, занимаемому по-

ложенно, должности, по родственным или общественным связям; производная основа выражает состояние, положение, свойство, присущее денотату производящей основы: бэглик [К-1901] — «бекство», «положение бека», отунлуқ [К-1141] — «подлость», азашлық [I, 165] — «дружба». Когда такие имена существительные образуются от существительных, они выражают множественность по смежности, поэтому нередко форма множественного числа имен, характеризующих лицо по должности или по возрасту, и имена на **-лық** от этих имен выступают как семантико-функциональные синонимы: бу бэглик иши болды бэгләр иши бу бэгләр ишин билди бэглик киши [К-1901] — «управление (букв. дело) бекством — дело беков, с делами беков может справиться человек, достойный быть беком»; улуғлуқ турур бу хажиблық иши... хажиблар иши тут Һа бэкләр иши [К-2454] — «почетна обязанность хаджиба, будь на службе у хаджибов или беков»; йигитләр иши [К-4592] — «дела молодости»; қарылық иши [К-4588] — «дела старости».

Производные основы на **-лық/-луқ** обозначают место хранения, избытия определенных предметов: чачәклик [К-5847] — «цветник», бузлуқ [I, 124] — «холстидильник, место хранения льда».

Имена на **-лық/-луқ** выражают предметы, назначенные для чего-либо: эшүклүк [I, 168] — «[ткань], предназначенная для платья», қышлық [I, 440] — «предназначенное на зиму».

Со значением назначения тесно связан оттенок «быть достойным (пригодным)...»; йалавачлық эр [К-2556] — «мужчина, достойный быть посланцем».

Аффикс **-чи/-чы** может присоединяться к различным семантическим группам имен существительных и обозначает название лица по роду его деятельности, занятию, привычке, влечению, склонности: тэмүрчи [К-4354] — «кузнец»; атчы [К-5930] — «всадник»; ажунчы [К-2022] — «миродержавец»; борчы [Х-205] — «пьяница». Аффикс **-чы** может присоединяться к отглагольным именам и именам действия: басутчы [К-421] — «помощник» [12]. Образования на **-чы** от именной формы на **-ғу** обособились в имена деятеля.

Очень редко аффикс **-чы** может присоединяться непосредственно к глагольной основе: отачы [I, 71] — «лекарь».

Несколько отглагольных имен на **-чу/-чү** имеет пассивное значение: көмчү [I, 395] — «клад», кәзләнчү [III, 261] — «спрятанное». Можно полагать, что аффикс **-чу** и аффикс имен деятеля **-чы** являются афоаффиксами. Отглагольные образования на **-чу** в языке памятников являются малочисленными.

В памятниках встречается несколько слов, образованных с помощью аффикса **-чын**: фасадчын [К-2070] — «смутьян», балычын [I, 468] — «белая птица, ловящая рыбу».

Аффикс **-дәки** потенциально может присоединяться ко всем именам существительным и выражает признак предмета по месту локализации (а) и часто субстантивируется: а) қапуғдақы эрәт

[К-1737] — «слуги, находящиеся у дверей»; б) оқырлар өлүб йатғучылар нару сўрарлар қарындақылар қоп тэйў [К-5231] — «те, которые лежат мертвыми, призывают [нас] туда, те, которые [еше] в утробе, вытесняют [нас], поговаривая «отправляйся».

Аффикс **-даш** образует названия лиц, со значением близости, подобия, наличия общего признака с другим именем. Данный общий признак подобия, близости обозначается лексическим значением производящей основы [80; 145; 146; 238, 164—166]: йёрдәш [I, 386] «земляк», көңүлдәш [К-3259] — «единомышленник».

Аффикс **-ки** образует имена прилагательные от локальных, темпоральных имен и наречий: кәчәки түш [К-5871] — «сон, спившийся ночью», отруқы [К-4028] — «находящееся напротив».

Имен, образованных с помощью аффикса **-ч/(-)ч**, в языке памятников очень мало. Этот аффикс может присоединяться как к именам, так и к глаголам: ашыч [I, 86] — «котел», көмүч [I, 341] — «клад».

Аффикс **-сығ/-сық** присоединяется к именным основам и выражает подобие, сходство [III, 141, 142]; күлсығ [К-794] — «рабоподобный», оғлансығ [III, 141—142] — «детоподобный».

Аффикс **-(-)нч/(-)нчи** образует порядковые числительные от количественных: үчүнч [III, 450] — «третий», йнгириминч [III, 450] — «двадцатый», бәшинчи [К-131] — «пятый». От числительного эки — «два» порядковое числительное образуется двояко: экинч [X-5] — «второй» и экинчи [I, 159] — то же самое. В языке «Хибатул ҳақайик» один раз встречается аффикс **-ланч** «тортланч» [X-9] — «четвертый».

Аффикс **-(а)ғун/-(а)ғу** образует собирательные числительные. В языке памятников встречаются собирательные числительные, образованные от числительных «бир», «эки». «үч» — үчәгүн [К-1634]/үчәгү [К-1640] — «трое», экәгүн [К-4147]/экәгү [К-1248] — «двое», бирәгү [К-4560] — «один», «кто-нибудь». От числительного эки собирательность может быть выражена с помощью аффикса **-ла**: экилә [К-5553] — «оба», «двое».

Аффикс **-ар** образует разделительное числительное. В языке памятников встречается только слово бирәр [К-6185] — «по одному», «один раз». Значение разделительности может быть выражено и показателем орудного падежа: бирин кәлсә рахат кәлүр ранж онун [X-105] — «если наслаждение приходит по малу (в одиночку), то тяготы приходят по многу (десятками)».

Аффикс **-ла** образует наречия от имен: тириглә [К-6088] — «живьем», «когда жив»; арала [К-3540] — «между, посреди»; чынла [I, 113] — «по-настоящему».

Аффикс **-лайу/-лэйў** образовался в результате переразложения деепричастия на **-(й)у** и стал наречным показателем наречий: арсланлайу [К-2278] — «как лев»; рустамлайу [К-6315] — «как Рустам».

Аффиксы **-(-)ш**, **-(-)м**, **-(-)н**, **-(-)т**, **-(-)нч** образуют от глагольных основ имена со значениями названия процесса (а), результата действия (б), предмета (признака), связанного с действием (в), субъекта действия (г), реже со значением места действия (д): а) ағыш [К-5914] — «подъем»; қачут [I, 338] — «бегство»; б) қорқунч [III, 396] — «страх»; в) билиш [К-481] — «знакомый»; йығык [III, 29] — «куча»; г) кэзүт [I, 421] — «одежда»; йэйим [К-3041] — «еда»; қаршут [I, 421] — «противоречие»; қавшут [I, 421] — «мир»; г) кэлин [К-483] — «невеста»; ичкин [I, 133] — «добровольно сдавшийся в плен»; д) чықыш йол [К-5168] — «выход», тушун [К-477] — «место стоянки, оставка».

Аффикс **-чақ/-чық** встречается редко и образует имена прилагательные с пассивным значением: басынчақ [К-3071] — «униженный, подавленный», йарсынчық [III, 64] — «брезгливый».

Аффикс **-ға/-қа** выделяется в составе нескольких имен со значением субъекта действия: өгә [I, 116] — «мудрец», билгә [К-1669] — «знающий».

Аффикс **-ғуч/-қуч/-қач** образует, в основном, имена со значением орудия действия: бығғуч [I, 421] — «ножницы», қысқач [I, 424] — «щипцы».

Важнейшим источником пополнения арсенала отглагольных имен являются лексикализованные именные формы глагола, образованные с помощью разнообразных аффиксов. Именные формы глагола в результате лексикализации могут приобретать значения наименования действия, субъекта, орудия, объекта, результата, места и времени действия: айтығ [К-5166] — «допрос», «спрос»; йатық/йатығ [III, 19, 22] — «сон», «постель», «ночевка»; тайақ [III, 181] — «палка, посох»; қазағ [II, 221] — «арык»; суылағ [I, 431] — «водопой».

В языке памятников вышерассмотренные аффиксы не обладают высокой продуктивностью и их сочетаемость с теми или иными типами глаголов не имеет универсального характера и не регламентируется определенными правилами. Поэтому здесь нет имен, образованных от глагольных новообразований с помощью аффиксов **-ла**, **-лан**, **-лаш** и др. Отсюда можно сделать вывод, что в языке памятников высокопроизводительные модели образования имен от глаголов еще не сложились. Это явление тесно связано с наличием категории репрезентации (функциональных форм) у глагола. Категория репрезентации, функционально переносящая глагол в разряд тех или иных частей речи, делает избыточным необходимость существования универсальных моделей образования существительных, прилагательных и наречий от глаголов.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

В зависимости от принадлежности исходной основы к именам или глаголам глаголообразование подразделяется на отыменное и на отглагольное.

Важнейшими средствами словообразования глаголов от глаголов является словообразовательная функция и словообразовательные типы значения аффиксов, служащих для образования залоговых форм глагола. Другими средствами отглагольного глаголообразования являются аффиксы, вносящие в основу глагола видовые оттенки значения. В качестве таковых в языке памятников можно выделить аффиксы *-а/-а-, -ы/-и-, -гүр/-гур/-гир-*: күлгир [К-3762] — «улыбаться, усмехаться»; «кулгир [К-5559] — то же самое; қарағур [К-5967] — «смотреть»; барғыр [К-6398] — «уходить, не взирая ни на что»; туры [К-1004] — «жить, стоять [долго]». Однако эти аффиксы не являются продуктивными и производительными, они встречаются как лексикализованные в составе определенных слов, что связано с нейтральностью основы тюркского глагола и глаголообразующих аффиксов по отношению к виду-модальным значениям [см.: 199, 41—42].

Продуктивные и высокопроизводительные модели отыменного глаголообразования в языке наших памятников составляют модели «имя + -ла», «имя + -лан-», «имя + -лаш». Наряду с ними в разной степени производительными являются глаголообразующие аффиксы *-а-, -(а)з/- (а)р-, -(-)қ-, -сы/-сын-(-)мсын-, -са/-ғса.*

В глаголообразовательной модели «имя + -ла» продуктивными являются переходные (а), непродуктивными — непереходные (б) значения и функция внесения видовых оттенков (в): а) қулла [К-3690] — «поработать», «делать работ»; азла [X-180] — «считать малым», азақла [I, 297] — «бить по ногам», «бить ногами», «топтать»; б) сувла [К-439] — «пить воду», йылла [К-391] — «жить годы», бузағула [III, 100] — «отелиться»; в) отала [X-127] — «лечить», (ота [III, 269] — то же самое), қала [III, 266] — «сложить, складывать», қа [III, 266] — то же самое.

Продуктивными в модели «имя + -лан» являются непереходные типы значения приобретения какого-либо признака, предмета, свойства (а) и образование основ с медиальным значением (б). Переходное значение «считать кого-либо кем (каким)-либо» является для этой модели в XI—XII вв. непродуктивным (в): а) өглән [К-4036] — «умнеть, становиться умным», «этүклән» [I, 289] — «иметь, получать сапог»; б) қатығлан [К-5148] — «стараться», йалықлан [X-170] — «воспламениться»; в) ужузлан [I, 287] — «считать дешевым».

Глаголообразующий аффикс *-лаш* в языке памятников XI—XII вв. только начинал формироваться. Модель «имя + -лаш» имеет стабильное значение и образует основы с медиальным значением: элиғләш [К-4931] — «здороваться»; эзгүләш [К-

5376] — «быть в хороших отношениях»; эсәнләш [К-5332] — «прощаться».

Аффикс **-а/-у-ы** в XI—XII вв. начинает утрачивать свою продуктивность. Основы на **-а/-у** дублируют значение производных основ на **-ла** и имеют как переходное (а), так и непереходное значение (б): а) түзә [III, 289] — «солить», қына [III, 289] — «мучать»; б) кэнү [К-5537] — «расширяться» (кэнә [III, 405] — то же самое).

Аффикс **-(а)р/-(а)з/-(а)т** образует от существительных и прилагательных глаголы, выражающие становление или принятие какой-либо формы, вида, качества, свойства: буғрағур [II, 180, 23] — «становиться похожим на верблюда»; қутаз- [К-2226] — «быть счастливым», эрәт/эраз- [II, 393] — «возмужать».

Махмуд Кашгарский рассматривает аффикс **-сы/-си** как продуктивный, образованный от глаголов со значением «становиться подобным чему-либо» [I, 58]: сувсы [I, 279] — «становится похожим на воду». Аффикс **-сы** может присоединяться и к глаголам: ышансын [К-3995] — «верить, доверять». Однако как в «Диване», так и в других памятниках глаголов на **-сы** очень мало. Аффикс **-сы** вошел в состав аффикса **-(-)мын**, образующего от глаголов глаголы симулятивного значения (билимсин [II, 393] — «делать вид, что знает»), и **-сын**, образующего глаголы от имен: эшимсин [К-4344] — «быть в дружеских отношениях», «считать своим другом».

Аффикс **-(-)қ** может присоединяться к именам (а) и глаголам (б). Основы на **-(-)қ** имеют медиопассивное значение: а) жавық [К-3032] — «прославиться», сайық [II, 262] — «становиться каменной» (о местности); б) тириг [К-5069] — «оживляться».

По свидетельству Махмуда Кашгарского аффикс **-са (-/-(-)ғса)** мог свободно сочетаться как с именем, так и с глаголами и образовывал глаголы с desiderativным значением: ашса [I, 276] — «захотеть есть», барса/барығса [I, 278] — «хотеть идти».

Однако, глаголы на **-са/-/-ғса** в языке других памятников не встречаются.

Аффиксы **-(-)ғса** и **-(-)мын** — сложные аффиксы, первые элементы которых — аффиксы отглагольных имен **-(-)ғ** и **-(-)м**. Путем опрощения этих аффиксов с глаголообразующим аффиксом **-са** и **-сы**, которые могли присоединяться как к именам, так и к глаголам, достигалось разграничение отыменного и отглагольного глаголообразования, так как аффиксы **-(-)ғса**, **-(-)мын** присоединяются только к глагольным основам, а аффиксы **-са** и **-сы(и)** — к именным. В образованиях типа барығса — «мы не имеем»; двойное словообразование — образование от глагола именной формы барығ и образование от имени барығ глагола барығса.

Грамматический синкретизм глаголообразующих аффиксов, т. е. их сочетаемость как с именными, так и с глагольными основами явление, довольно распространенное в тюркских языках, и

представляет собой, по мнению ряда лингвистов, древнейшую особенность тюркских словообразующих аффиксов [236, 34]. В языке рассматриваемой эпохи грамматический синкретизм аффиксов наиболее отчетливо выступает в употреблении аффикса **-са**. Такое же явление наблюдается в порядке убывания у аффиксов **(-)к**, **-а/-у**, **-сы**, **-ла**. В глаголообразующих аффиксах проявляется тенденция к устранению грамматического синкретизма. Этим объясняется образование аффиксов **-(-)мын** и **-(-)гса**.

Если одной из тенденций развития отыменного основообразования глагола было стремление к устранению грамматического синкретизма, то другим направлением в развитии этой системы было отграничение друг от друга переходных и непереходных производных основ посредством специализации аффиксов глаголообразования и дифференциацией глаголообразовательных моделей переходных и непереходных основ. Этим объясняется возникновение аффиксов **-лан**, **-лаш**, устраняющих противоречие между переходными и непереходными типами значения в модели «имя + -ла», утрата продуктивности модели «имя + -ла» непереходных, а моделью «имя + -лан» переходных типов значения; полная утрата продуктивности аффиксом **-а/-у**. В производных основах, образованных с помощью этого аффикса, не обнаруживается ни тенденции к уточнению значений переходности/непереходности, ни стремления к устранению грамматического синкретизма.

Как известно, в современных тюркских языках основа глагола является нейтральной по отношению к видо-модальным значениям [156, 194]. В XI—XII вв. нередко глаголообразующий аффикс с образованием глагольных основ от именных привносит в производную основу оттенки модальных и видовых значений. К таким аффиксам в языке памятников XI—XII вв. прежде всего относятся аффиксы **-са**, **-сы** и некоторые типы значений основ на **-ла** и на **-лан** («считать...»). Поскольку все аффиксы, одновременно образовавшие от имен глаголы и придававшие им модально-видовые оттенки, утратили свою продуктивность, можно говорить о третьем факторе, обусловившем развитие тюркского отыменного глаголообразования — о тенденции к нейтрализации основы глагола по отношению к видо-модальным значениям. Этой тенденцией объясняется утрата продуктивности аффиксами **-са**, **-сы**, способности сочетания с глагольными корнями в аффиксах **-ла**, **-а/-у**, **-гүр/-гир** и других, которые, по всеобщему признанию тюркологов, сочетаясь с глаголами, придавали их значениям оттенки многократности, начинательности действия.

Таким образом, обзор системы отыменного глаголообразования в XI—XII вв. обнаруживает, что изменения в значении глаголообразовательных моделей, появление или отмирание тех или иных глаголообразующих аффиксов являются отражением тенденций развития глаголообразования в целом и что изменения

в словообразовательных моделях внутренне мотивированы ходом развития всей системы.

Рассмотренные выше модели глаголообразования в языке памятников XI—XII вв. являются в той или иной степени продуктивными. Однако значительное количество глаголов образовано от имен и глаголов с помощью непродуктивных для языка нашей эпохи аффиксов. Эти глаголы и изучение их морфологического состава могут быть предметом специального сравнительно-исторического и этимологического исследования тюркских языков [см.: 236, 203—358; 327, §§ 5—100; 328].

Заключение

Принципы конструирования научного понятия и определения объекта изучения в диалектической логике гармонируют с основами системно-структурного изучения языка. Поэтому принципы диалектической логики служат надежным методологическим руководством для адекватного изучения особенностей функционирования языковых единиц как элементов определенной системы и для выявления их новых связей, отношений и взаимозависимостей. При этом, однако, должен быть уточнен и дополнен диалектическим содержанием ряд положений системно-структурного подхода. Прежде всего, это касается определения характера взаимоотношения системы с составляющими ее элементами. Эти отношения понимаются нами как диалектические связи общего (система) и единичного (элемент) целого и части, что обусловлено иерархическим характером структурной организации языка — элемент (явление), выступающий в качестве общего по отношению к нижестоящим элементам (явлениям), входит в состав вышестоящих элементов (явлений) как единица. Поэтому общим для конкретных речевых типов значения какой-либо формы выступает парадигматическое значение данной формы, которое выводится из внутрикатегориальных и межкатегориальных отношений данной формы с другими единицами грамматического строя. По отношению к парадигматическому значению самой грамматической формы общим выступает значение грамматической категории, в которую включается данная форма. Парадигматическое значение грамматической категории выявляется из взаимоотношений соотносительных с нею категорий и т. д.

При системном подходе к языку необходимо соблюдать принцип историзма, т. е. проследить его развитие в системе. В языке изучаемых памятников момент развития находит свое отражение в наличии устойчивых (маркированных) и неустойчивых (нейтральных) признаков в противопоставлении грамматических форм (категорий) и во включении каждой грамматической формы (категории) минимум в два ряда оппозиций. Неустойчивые признаки

являются источником развития языковых единиц и обеспечивают переход одного явления в другое.

Одно из важнейших положений диалектики — объективность вещи (объекта изучения) — проявляется в субстанциональном подходе к изучаемому явлению, т. е. грамматическая форма рассматривается как диалектическое единство внешних и внутренних сторон и ее реальность не растворяется в ее отношениях. Поэтому несмотря на то, что какая-нибудь грамматическая форма на основании своих различных свойств входит в разные микросистемы языка и вступает во взаимоотношения с различными элементами, она является одной и той же, а не несколькими омоформами, и в каждой микросистеме проявляется сущность какой-либо одной стороны этой формы.

С двойственностью грамматической формы теснейшим образом связано включение каждой формы (категории) в ряд оппозиций. Оппозиции грамматических форм и категорий имеют, как правило, привативный характер. Однако парадигматическое значение слабого члена привативной оппозиции не ограничивается «не-сигнализацией признака сильного члена»; сущность слабого члена оппозиции прямо противоположна признаку сильного члена. Поэтому самостоятельные части речи (слабый член оппозиции по признакам «синсемантность», «неизменяемость») в семантическом плане характеризуются именно знаменательностью, а в морфологическом аспекте — наличием форм словоизменения, т. е. изменяемостью. Категория падежа слабый член в оппозиции по признаку «независимость словоформы», поэтому падежные противопоставления отчетливо выступают только в позициях зависимого и полузависимого функционирования падежей, категория принадлежности нейтральна по отношению к признаку «отнесенность словоформы к «последующему», поэтому формы этой категории служат, в основном, для выражения отнесенности словоформы к «предшествующему».

При нейтрализации привативной оппозиции следует учесть, что каждая грамматическая форма включает минимум в два ряда оппозиций, и, следовательно, имеет минимум два признака противопоставления с другими формами. Никогда в грамматической форме оба признака ее противопоставления с другими формами не могут нейтрализоваться; слабый член каждой оппозиции в определенных условиях может иметь признак сильного члена (т. е. привативная оппозиция может нейтрализоваться), характерный только в этом ряду оппозиций, но сохраняет свой признак противопоставления в другом ряду оппозиций. Например, послелоги-имена в служебном функционировании только семантико-функционально соприкасаются с послелогами, морфологически оставаясь именами, т. е. изменяемыми словами; повелительно-желательное наклонение (слабый член оппозиции по марке «сопряженность») в сопряженном употреблении выражает цель (т. е.

сохраняет марку другой оппозиции — указание на волеизъявление).

Система языка памятников, наряду с привативными оппозициями, не исключает также градуальные и эквиолентные типы оппозитивности грамматических форм (ср.: градуальное противопоставление временных форм на $-(-)р$, $-гай$, $-гу$ по степени выраженности модальных значений, эквиолентную оппозицию частей речи по морфологическим признакам, трихотомическое деление грамматических категорий, маркированных по признаку «сигнализация отнесенности словоформы»).

Преимущественный привативный характер морфологических оппозиций обусловлен наличием между полярно противопоставленными единицами языка включенного третьего, в котором противопоставление этих единиц снимается.

Оппозиция форм на $-ды$ и на $-гай/-гу$ является эквиолентной, однако существование элемента, выступающего в этой оппозиции включенным третьим ($-(-)р$), где полярности (признаки «реальность или идеальность действия») сходятся, превращает данную оппозицию в привативную. Элементы (формы, типы значения, случаи манифестации и др.), выступающие в качестве включенного третьего, осуществляют взаимосвязь языковых элементов, обеспечивают единство противоположностей и непрерывность языковой системы. Понятие «включенное третье» является конкретным, относительным и диалектическим; формы (явления), выполняющие роль включенного третьего в одной оппозиции, в другой оппозиции выступают полярностями.

Среди форм грамматических категорий имеется нейтральная по отношению ко всем признакам противопоставления других форм данной категории. Ни один из признаков, маркированных в других формах данной категории, для этой формы не является ни обязательным, ни невозможным; с помощью дополнительных (семантических, лексических, грамматических, контекстуальных и др.) языковых и речевых средств, вступающих во взаимодействие с данной категорией, эта форма может реализовать значение всех остальных членов грамматической категории, в которую она входит. Такие формы выступают как общий представитель (репрезентант) данной категории, связывают ее формы друг с другом и обеспечивают единство грамматической категории. В качестве таковых в системе частей речи выступают глаголы, семантикоморфологически очень развитые, и диффузные звукоподражания, в категории числа — форма единственного числа, в категории падежа — основной падеж, в категории лица — III лицо (имеющее и личное, и обобщенно-личное, и безличное значения), в категории залога — основной залог, в категории времени — настоящее-будущее время, в системе наклонений — изъявительное наклонение, в категории репрезентации — причастия.

По особенностям своего функционирования грамматические категории языка памятников распадаются на четыре группы:

1. Функционально-синтаксические — категории падежа, накло-нения, времени, лица/числа; значения этих категорий закреплены за отдельными членами предложения и реализуются при всех словах, выступающих в позиции данного члена предложения. Категории склонения (времени, лица), числа выступают как предикативные категории, а категория падежа — как непредикативная (субъектно-объектная) категория.

2. Классифицирующие (лексико-грамматические) — категории числа, залога и степеней сравнения, собственные отдельным частям речи и конструирующие их.

3. Лексико-функциональная категория — категория репрезентации (функциональных групп форм глагола), формы которой характеризуют слова одной части речи (глагол) в определенных синтаксических позициях.

4. Нейтральная — категория принадлежности, которая не закреплена ни за частями речи, ни за членами предложения.

Реализация каким-нибудь словом значений функционально-синтаксических и нейтральных категорий не переносит слово из одной части речи в другую, а реализация значений классифицирующих категорий переносит слово в разряд той части речи, за которой закреплена классифицирующая грамматическая категория. Значения форм лексико-функциональных категорий реализуются только при словах той части речи, за которой они закреплены, поэтому при словах других частей речи выступать не могут.

Система словообразования находится в тесном контакте со словоизменением. Особенно много общего имеется между словообразованием и семантической функцией грамматических форм. Поэтому по своей семантической функции залоговые являются словообразовательной категорией, сближается со словообразованием семантическая функция орудного, местного, местно-исходного, дательного и отчасти родительного (значение выражения притяжательности) падежей, в определенных взаимоотношениях находят значения словообразующих моделей на **-лы/-лыг**, **-ники** и семантическая функция аффиксов принадлежности (выражение партитивно-притяжательных значений).

В системе словообразования необходимо различать продуктивные и непродуктивные модели словообразования и определять степень производительности каждой модели. По наиболее производительным моделям словообразования образуются слова. Поэтому эти модели нередко рассматриваются не как словообразовательные, а как словоизменительные. Однако в образованиях на **-лы/-лыг**, **-сыз**, **-даки** имеется важнейшее свойство словообразования — различие в значениях производящей и производной основ. Поэтому модели «имя + **-лы**», «имя + **-сыз**», «имя + **-даки**» должны рассматриваться как словообразовательные; универсальность сочетаемости аффиксов **-лы**, **-сыз**, **-даки** с именами говорит не о формообразовательном характере этих моделей, а о том,

что образованные с помощью этих аффиксов слова являются единицами речи. Непродуктивные модели словообразования не могут быть объектом изучения грамматики синхронного языка и должны рассматриваться в лексикологии и этимологии.

В заключение коротко рассмотрим морфологические особенности языка каждого памятника. «Кутадгу билиг», «Диван» и «Хибатул хакайик» хотя и являются памятниками одной эпохи и, видимо, одного ареала, в языке каждого из них наряду со значительными общностями имеются и некоторые различия, о которых речь шла при рассмотрении конкретных форм.

Весьма специфическое различие между тюркским языковым материалом «Дивана», с одной стороны, «Кутадгу билиг» и «Хибатул хакайик», с другой, заключается в том, что «Диван» является филологическим трактатом, где описывается язык различных племен на большой территории. Поэтому в «Диване» зафиксированы и такие формы, которые в произведениях литературного языка — поэмах, не встречаются. К ним относятся формы на **-ан** (огузский вариант причастия на **-ған**), аффиксы имени деятеля на **-нчы**, **-(-)ғчы**, **-(-)ғсақ**, **-(-)ғсық**. Махмуд Кашгарский в своем описании ориентировался, видимо, на разговорный «тюрки хакани». Поэтому в его материалах много медиально-спрадательных глаголов на **-лын**; имитативное значение показателя возвратного залога **-(-)н** зафиксировано только в «Диване». Видимо, особенностью разговорного языка было также параллельное употребление вариантов показателя исходного падежа с широкими и узкими гласными (**-дын ~ -дан**), широко представленное в «Диване».

Специфическим отличием «тюрки хакани» «Дивана» от языка поэм является форма отрицательного деепричастия на **-мазыб**, которой в языке «Кутадгу билиг» и «Хибатул хакайик» соответствует форма на **-мадын/-мады**. В «Диване» не употребляются также аффиксы повелительно-желательного наклонения **-(а)лын**, **-су**, **-суны**, а также «усеченные» предикативные аффиксы I и II лиц единственного числа **-mä**, **-sä**.

В языке «Кутадгу билиг» и «Хибатул хакайик» сохраняются некоторые элементы, употребление которых может быть рассмотрено как результат сохранения традиций литературного языка. Этим, видимо, объясняется параллельное употребление имен деятеля на **-ғучы** и **-дачы** (о диалектно-племенной специализации которой пишет Махмуд Кашгарский), широкое функционирование наряду с аффиксом **-сун** аффиксов **-су** и **-суны** в формах III лица единственного числа повелительно-желательного наклонения.

По некоторым языковым особенностям «Хибатул хакайик» по времени своего возникновения относится к более поздней эпохе, чем «Кутадгу билиг» и «Диван». Об этом свидетельствует:

1) отсутствие варианта аффикса дательного падежа на **-гару** в языке этого памятника;

2) большая частота употребления варианта аффикса винительного падежа **-ны** (70% из всех словоупотреблений в форме винительного падежа) и редкость аффикса **-(-)ґ** (всего 2% из всех словоупотреблений) [47];

3) более яркая выраженность перфектного значения в причастии на **-ған**;

4) сравнительно редкое употребление аффикса орудного падежа при именах существительных и качественных прилагательных, выступающих в позиции приглагольного определения.

Эти данные говорят о том, что мнение С. Е. Малова о более архаическом характере языка «Хибатул хакайик», чем язык «Дивана» и «Кутадгу билиг» [180, 321], нуждается в более веском аргументировании.

Если вышеупомянутые различия между языками памятников объяснить отчасти жанровыми, отчасти диалектными особенностями этих памятников, то можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что «тюрки хакани» Махмуда Кашгарского, «кашгарский язык» Ахмада Югнакского и «тюркский язык» Юсуфа Баласагунского представляют собой единый литературный язык средневековья.

Список использованной литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18.
7. Абдуллаев А. З. Муасир азери дилиндэ -лај шэкилчисинин агибэти//Ученые записки Азербайджанского ГУ. Серия языка и литературы. 1968. № 5.
8. Абдуллаев Ф. Қелишиқ аффиксларининг генезисига доир//УТА. 1961. № 5; 1962. № 2; 1962. № 4.
9. Абдуллаев Ф. А. XV аср адабий тилининг диалектал асослари//Навий ва адабий таъсир масалалари, Тошкент, 1968.
10. Абдурасулов Я. Структура подражательных слов в узбекском языке. Автореф. канд. дис. ... филол. наук. Ташкент. 1972.
11. Абдурахманов Г. А. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М. 1967.
12. Абдурахманов Г. А., Шукуров Ш. Ш. Грамматический очерк старотюркского языка XI века//Девону луготит турк. Индекс-лугат. Ташкент, 1967.
13. Абуханов Г. А. Семантика и синтаксическая функция притяжательных аффиксов в казахском языке. Автореф. канд. дис. ... филол. наук. Алма-Ата. 1959.
14. Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I, М.; Л.: 1959.
15. Аврорин В. А. Особый способ выражения синтаксической связи//Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.; Л. 1960.
16. Аганин Р. А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М. 1969.
17. Азизов А. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Морфология. Ташкент. 1960.
18. Азизов А., Мирзаев М. и др. Ўзбек ва рус тилларининг қиссий грамматикаси. Тошкент. 1965.
19. Азиев П. Туркмен дили. Ашхабад. 1950.
20. Азнабаев А., Псянчин В. К проблеме исторического развития аффикса множественного числа *lag* в тюркских языках//СТ. 1971. № 5.
21. Адмони В. Г. О многоаспектно-доминантном подходе к грамматическому строю//ВЯ. 1961. № 2.
22. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. Л., 1964.
23. Адмони В. Г. Опыт классификации грамматических теорий в современном языкознании//ВЯ. 1971. № 5.

24. Айляров Ш. С. Развернутые члены предложения в современном турецком языке. М. 1974.
25. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. Ч. I. Вып. 1, М. 1860.
26. Александров Н. М. Проблема второстепенных членов предложения в русском языке. Л. 1963.
27. Аманжолов А. С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М. 1969.
28. Апресян Ю. Д. О сильном и слабом управлении//ВЯ. 1964. № 3.
29. Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка//Исследования по общей теории грамматики. М. 1968.
30. Аскарова М. Деепричастия в современном узбекском языке//Ученые записки Ташкентского госпединститута. Вып. 11, 1954.
31. Аслидинов С. Категория принадлежности в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дис. ... филол. наук. Самарканд. 1964.
32. Ахманова О. С., Абдукова А. М. Объективность существования морфологических оппозиций//ВЯ. 1978. № 5.
- 32а. Ахметов М. А. Залог глагола в языке орхоно-енисейских памятников и их отношения к современному башкирскому языку//СТ. 1978. № 4.
33. Балакаев М. Б. Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959.
34. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. 1965.
35. Барсов А. В. Значение и зависимость падежей и их соотношение между собой//Филологические записки. Вып. 3. Воронеж, 1880.
36. Баскаков Н. А. Залог в каракалпакском языке. Ташкент. 1941.
37. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Т. II. Ч. 1, М. 1952.
38. Баскаков Н. А. Причастие на -ды/-ты в тюркских языках//Труды Московского Института востоковедения. 1951. № 6.
39. Баскаков Н. А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы//ИСГТЯ. II. М. 1956.
40. Баскаков Н. А. Структура простого предложения в тюркских языках//Труды института языка и литературы АН КиргССР. Вып. VI, 1956.
41. Баскаков Н. А. Природа притяжательных определительных словосочетаний и их роль в эволюции сложных синтаксических конструкций в тюркских языках//СТ. 1971. № 4.
42. Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М. 1975.
43. Баскаков Н. А. Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках//ВЯ. 1975. № 1.
44. Батманов И. А. Употребление падежей в киргизском языке. Фрунзе. 1936.
45. Беглярбекова А. А. Артиклевая функция родительного, винительного падежей и слова «бир» в азербайджанском языке. М. 1971.
46. Беглярбекова А. А. «Бир» в функции неопределенного артикля в тюркском изафете//Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М. 1971.
47. Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М. 1982.
48. Благова Г. Ф. Строение форм желательного наклонения в тюркских языках и тенденция к сверхнормальному их усложнению//СТ. 1973. № 1.
49. Благова Г. Ф. О структуре грамматических категорий//ВЯ. 1981. № 6.
50. Богородицкий В. А. Эволюция окончаний родительного падежа//Этюды по татарскому и русскому языкознанию. Казань. 1933.
51. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М. 1935.
52. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М. 1983.
53. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л. 1971.

54. Бондарко А. В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий//ВЯ. 1974. № 2.
55. Бондарко А. В. Классификация грамматических категорий. В сб. «Типология грамматических категорий». М. 1975.
56. Боровков А. К. Природа «турецкого изафета»//Академику Н. Я. Марру. М.: Л. 1935.
57. Боровков А. К. О частях речи в тюркских языках. «Революция и письменность», 2, 1936.
58. Бунина И. К. Система времен старославянского глагола. М. 1959.
59. Бунина И. К. История глагольных времен в болгарском языке. М. 1970.
60. Валиев И. Махмуд Кашгаринин «Дивану лугатит-турк» да кечмиш заманын ифада васитэлари//Ученые записки Азербайджанского ГУ. Серия «Язык и литература», 5, 1968.
61. Виноградов В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка//ИАН ОЛЯ. Т. X. Вып. 3, 1951.
62. Виноградов В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексике//Вопросы теории и истории языка. М. 1952.
63. Виноградов В. В. Всегда ли система системна?//Система и уровни языка. М. 1960.
64. Виноградов В. В. Русский язык. 2-е изд. М. 1972.
65. Вопросы теории частей речи. Л. 1965.
66. Вукович Й. К проблеме классификации частей речи//ВЯ. 1972. № 5.
67. Гаджиева Н. З. Природа изафета в тюркских языках//СТ. 1970. № 2.
68. Гаджиева Н. З. О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменении структуры тюркских языков//СТ. 1972. № 3.
69. Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М. 1973.
70. Головин И. В. Принципы определения ценности лингвистических исследований//Методологические проблемы общественных и гуманитарных наук, М. 1981.
71. Грамматика современного русского литературного языка. М. 1970.
72. Грунина Э. А. Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XVI вв.//Вопросы тюркской филологии. М. 1966.
73. Грунина Э. А. Индикатив в турецком языке. Автореф. докт. дис. ... филол. наук. М. 1975.
74. Гузев В. Г. О словообразовательных и словоизменительных свойствах некоторых турецких и староанатолийских форм//VII годичная сессия ЛО ИВ АН СССР. Л. 1971.
75. Гузев В. Г., Насилов Д. М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория»//СТ. 1981. № 3.
- 75а Гузев В. Г. Парадигма глагольных финитных форм как морфологическая категория//СТ. 1982. № 4.
76. Гузев В. Г., Насилов Д. М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках//ВЯ. 1975. № 3.
77. Гузев В. Г., Насилов Д. М. Конкретно-предметное значение имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности/неопределенности//СТ. 1971. № 6.
78. Фуломоов А. Ўзбек тилида кўплик категорияси. Тошкент. 1941.
79. Фуломоов А. Г. Ўзбек тилида келишклар//Труды Узбекского филиала АН СССР. Сер. 2. Кн. 2. Ташкент. 1941.
80. Гулямов А. Г. О суффиксе -дош в узбекском языке//Белек С. Е. Малову. Фрунзе. 1946.
81. Фуломоов А. Ўзбек тилида сўз ясаш йўллари ҳақида//Тил ва адабиёт институти асарлари. I-китоб. Ташкент, 1949.
82. Фуломоов А. Фезл, Тошкент, 1954.

83. Гулямов А. Об аффиксе -лик в узбекском языке//Научные труды ТашГУ. Вып. 260. Ташкент. 1964.
84. Гусакиян Э. Л. Из истории структуральных теорий падежа//Ученые записки Ереванского ГУ. Т. 95. 1965.
85. Гухман М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетания частичного и полного слова//Вопросы грамматического строя. М. 1955.
86. Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М. 1964.
87. Гухман М. М. Грамматическая категория и структура парадигм// Исследования по общей теории грамматики. М. 1968.
88. Дешериев Т. И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам//ВЯ. 1975. № 2.
89. Диалектика и логика. Законы мышления. М. 1962.
90. Диалектика и логика. Формы мышления. М. 1962.
91. Джанмавов Ю. Д. Дееспричастия в кумыкском литературном языке. М. 1962.
92. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.: Л. 1949.
93. Дмитриев Н. К. Категория числа//ИСГТЯ. II. М. 1956.
94. Дмитриев Н. К. Категория принадлежности//ИСГТЯ. II. М. 1956.
95. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М. 1962.
96. Дмитриев Н. К. Детали простого предложения//ИСГТЯ. III. М. 1961.
97. Дулзон А. П. Происхождение падежных аффиксов алтайских языков//ВЯ. 1973. № 1.
98. Ельмслев Л. Прологоменты к теории языка//Новое в лингвистике. Вып. I. М. 1960.
99. Ельмслев Л. Язык и речь//Звегинцев В. А. История языкознания в очерках и извлечениях. Ч. II. М. 1965.
100. Закиев М. З. Хэзерге татар теле. Казань, 1958.
101. Закиев М. З. К вопросу о категории падежа в тюркских языках// Проблемы тюркологии и истории востоковедения, Казань, 1964.
102. Закиев М. З. Классификация частей речи и аффиксов в тюркских языках//СТ. 1973. № 6.
103. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М. 1967.
104. Захарова О. В. Дательно-направительный падеж в языке «Кутад-гу билиг»//Ученые записки Киргизского ГУ. Вып. 3. Фрунзе, 1957.
105. Звегинцев В. А. Внутренние законы развития языка. М. 1954.
106. Зейналов Ф. Р. Принципы классификации именных частей речи. Баку. 1959.
107. Зиёева М. Дательный падеж в узбекском языке. Автореф. канд. дис. ...филол. наук. Самарканд. 1966.
108. Зикриллаев Г. Н. Синонимические отношения временных форм в узбекском языке//СТ. 1982. № 2.
109. Зияева М. Т. Исследование памятника XIV в. «Китаб аттух—фатуз-закня...». Автореф. канд. дис. ...филол. наук. Ташкент. 1972.
110. Золотова Г. А. О синтаксической форме слова//Мысли о современном русском языке. М. 1969.
111. Ибрагимова Ф. Именное управление в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дис. ...филол. наук. Ташкент. 1972.
112. Иванов С. П. Категория залога в определительных сочетаниях с формой на —ган в узбекском языке//ВЯ. 1957. № 2.
113. Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л. 1959.
114. Иванов С. Н. Тюркские атрибутивные конструкции с показателем относительной связи//Ученые записки Ленинградского госуниверситета № 282. Серия востоковедческих наук. Вып. 11. Л., 1959.
115. Иванов С. Н. Категория залога в причастиях узбекского языка// Исследования по истории культуры народов Востока. М.; Л. 1960.
116. Иванов С. Н. О соотношении грамматического и лексического в узбекских залогах//Ученые записки Ленинградского ГУ, № 294. Серия востоковедческих наук. Вып. 12. Л. 1961.

117. Иванов С. Н. К интерпретации тюркского склонения//Исследования по филологии стран Азии и Африки. Л. 1966.
118. Иванов С. Н. Узбек тили перфектининг инкор формаси//УТА. 1967. № 5.
119. Иванов С. Н. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-Хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент. 1969.
120. Иванов С. Н. К истолкованию категории принадлежности//СТ. 1973. № 1.
121. Иванов С. Н. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний//СТ. 1973. № 6.
122. Иванов С. Н. К истолкованию многозначности грамматических форм //ВЯ. 1973. № 6.
123. Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Ч. I. Л. 1975.
124. Ильинская И. С. Управление как проблема лексики и грамматики// Ученые записки Московского городского пединститута. Вып. I. Т. V. М. 1941.
125. Иноятов Т. Основной и винительный падежи в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дис. ...канд. филол. наук. Ташкент. 1973.
126. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. II. Братислава. 1960.
127. Исаченко А. В. О грамматическом значении//ВЯ. 1961. № 1.
126. Исаченко А. В. Бинарность, привативные оппозиции и грамматическое значение//ВЯ. 1963. № 2.
129. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава. Ч. I. 1965.
130. Исхаков А. И. О классификации частей речи в казахском языке// Вопросы изучения языков Средней Азии и Казахстана... Ташкент. 1952.
131. Исхаков Ф. Г. Лексико-грамматическая классификация слов или части речи в тюркских языках//ИСГТЯ. II. М. 1956.
132. Исхаков Ф. Имена действия и состояния в узбекском языке. АКД, Самарканд, 1960.
133. Каримов Қ. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг». Автореф. канд. дис. ...филол. наук. Ташкент. 1962.
134. Карцевский С. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака//З вегинцев В. А. История языкознания в очерках и извлечениях Ч. II. М. 1963.
135. Канцельсов С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. 1972.
136. Кедров Б. Единство диалектики, логики и теории познания. М. 1963.
137. Глаус К. Введение в формальную логику. М. 1959.
138. Коклянова А. А. Категория времени в современном узбекском языке. М. 1963.
139. Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка, Л. 1970.
140. Кононов А. Н. Послелог в современном узбекском языке. Ташкент. 1951.
141. Кононов А. Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках//Тюркологический сборник. М.: Л. 1951.
142. Кононов А. Н. Тюркские этимологии//Ученые записки Ленинградского госуниверситета. Вып. 4. Л. 1954.
143. Кононов А. Н. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на -(-)п/-(-)б, -(-)б, -(-)пан/-(-)бан, -баны, -(-)банын(н). (Материалы к сравнительно-исторической грамматике тюркских языков)//ВЯ. 1966. № 5.
144. Кононов А. Н. О союзном слове *diye* в турецком языке//Академику В. А. Гордлевскому. М. 1953.
145. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.: Л. 1956.
146. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.: Л. 1960.
147. Кононов А. Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л. 1969.

148. Кононов А. Н. Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков)//Вопросы тюркологии. (К 60-летию академике АН УзССР М. Ш. Ширалиева). Баку. 1971.

149. Кононов А. Н. О фузии в тюркских языках//Структура и история тюркских языков. М. 1971.

150. Кононов А. Н. О некоторых типах бессоюзного сложного предложения в турецком языке//СТ. 1971. № 4.

151. Кононов А. Н. А. Н. Самойлович — грамматист//СТ. 1973. № 5.

152. Кононов А. Н. Актуальные тюркологические заметки//СТ. 1975. № 2.

153. Кононов А. Н. Рецензия на кн. Nuri Juçe, *Gerunden im Türkischen*//СТ. 1975. № 3.

153а. Кононов А. Н. Еще раз о генезисе тюркского аориста//СТ. 1983. № 1.

154. Коротков Н. Н., Панфилов В. З. О типологии грамматических категорий//ВЯ. 1965, № 1.

155. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история//Новое в лингвистике. Вып. III. М. 1963.

156. Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М. 1962.

157. Кремской И. Н. К проблеме артикля//ВЯ. 1963. № 4.

158. Криворучко П. М. Грамматические значения временных форм русского глагола. Киев. 1963.

159. Кротевич Е. В. Члены предложения в современном русском языке. Львов. 1954.

160. Крушельская К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения//ВЯ. 1956. № 5.

161. Кубрик А. Е. К типологии пространственных значений//Язык и человек. М. 1970.

162. Кубрякова Е. С. Об относительно-связанных (относительно-свободных) морфемах языка//ВЯ. 1969. № 1.

162а. Кузнецов Г. И. Система функциональных форм глагола в современном турецком языке//СТ. 1982. № 1.

163. Кулиев Г. К. Форма винительного падежа в «Диване»//СТ. 1973. № 4.

164. Кулиев Г. К. Семантические группы глаголов//СТ. 1975. № 1.

165. Кунгуров Р., Тихонов А. Н. Изобразительные слова как самостоятельная часть речи//Вопросы теории частей речи. Л. 1965.

166. Қўнгуоров Р. Ўзбек тилида тасвирий сўзлар. Тошкент. 1966.

167. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М. 1962.

168. Курышжанов А. Парадигма склонения в языке письменного памятника XIII—XIV вв. «Codex Sumanicus». Автореф. канд. дис. ...филол. наук. Алма-Ата. 1956.

169. Левковская К. А. О словообразовании и его отношении к грамматике//Вопросы теории и истории языка. М. 1952.

170. Ленин об элементах диалектики. М. 1965.

171. Леонтьев А. А. Фиктивность семантического критерия при определении частей речи//Вопросы теории частей речи. Л. 1965.

172. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М. 1956.

173. Ломтев Т. П. К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка//Язык и человек. М. 1970.

174. Лыков А. Г. Окказиональные слова как лексическая единица речи//Филологические науки. 1971. № 5.

175. Любимов К. М. Об одной группе словосочетаний в тюркских языках//ВЯ. 1969. № 5.

176. Любимов К. М. О числовом значении нулевой формы тюркских существительных//СТ. 1972. № 5.

177. Любимов К. М. Абстрактное наклонение в турецком языке//СТ. 1973. № 3.

178. Майзель С. С. Категория дефинитивности в турецком языке//Академику В. А. Гордлевскому. М. 1953.

179. Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М.: Л. 1957.
180. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.: Л. 1951.
181. Мартине А. Основы общей лингвистики//«Новое в лингвистике». Вып. III. М. 1963.
182. Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. Спб. 1900.
183. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Куль-Тегина, Спб. 1889.
- 183а. Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М. 1978.
184. Мельничук А. С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма//Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М. 1970.
185. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.: Л. 1945.
- 185а. Мещанинов И. И. Основные виды синтаксических группировок// ИАН ОЛЯ. Т. XVIII. 1959. № 6.
186. Мещанинов И. И. Прямое дополнение и объективные группы// ИАН ОЛЯ. Т. XIX. 1960. № 4.
187. Мирзаев М. М. Узбек тилининг бухоро группа шевалари, Тошкент. 1969.
188. Мирзаев М. М., Усмонов С., Расулов И. Узбек тили. Тошкент. 1962.
189. Моисеев А. И. О некоторых спорных вопросах морфологической структуры слова в русском языке//Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.: Л. 1963.
190. Москальская О. И. Развитие артикля в древних германских языках. Автореф. докт. дис. ...филол. наук. М. 1953.
191. Мухин А. М. Функциональный анализ синтаксических элементов. М.: Л. 1964.
- 191а. Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы// ВЯ. 1964. № 3.
192. Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма. XI—XV вв. М. 1974.
193. Насилов Д. М. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке. Автореф. канд. дис. ...филол. наук. 1963.
194. Некрасов Н. О значении форм русского глагола. СПб. 1865.
195. Нетьматов Х. XI аср туркий тилларининг М. Кошғарий томонидан қилинган таснифи//УТА. 1969. № 4.
196. Нетьматов Х. Феъл, унинг форма ва категориялари//УТА, 1972. № 1.
197. Никитин В. М. обстоятельство как второстепенный член предложения в русском языке в его противопоставлении дополнению//Ученые записки Ленинградского государственного университета. Т. XXVII. Л. 1961.
198. Нигматов Х. Г. Морфология тюркского глагола по материалам Словаря Махмуда Кашгарского. Автореф. канд. дис. ...филол. наук. Л. 1970.
199. Нигматов Х. Г. Отыменное основообразование тюркского глагола в XI веке//СТ. 1971. № 3.
200. Нигматов Х. Г. Залог глагола в восточно-тюркском языке XI—XII вв.//СТ. 1973. № 1.
201. Нигматов Х. Г. Принципы описания морфологии восточно-тюркского языка XI—XII вв.//СТ. 1973. № 6.
202. Нурматов А. Сигнификативная оппозиция синтаксических конструкций по признаку утвердительность—отрицательность. Автореф. докт. дис. ...филол. наук. Ташкент. 1983.
203. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб. 1912.
204. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М. 1972.
205. Панфилов В. З. Марксизм-ленинизм как философская основа языкознания//ВЯ. 1978. № 4.
- 205а. Панова М. В. О развитии русского языка в советском обществе// ВЯ. 1962. № 3.

206. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 2-е изд. М. 1920.
207. Пиотровский Р. Г. Формирование артикля в романских языках. М.: Л. 1960.
208. Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. М. 1964.
209. Попов А. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей//Филологические записки. Воронеж. Вып. IV—V. 1879. Вып. I—V. 1880.
210. Поспелов Н. С. О значении форм прошедшего времени на -л в современном русском литературном языке//Ученые записки МГУ. Вып. 128. Книга 1. Труды кафедры русского языка. М. 1948.
211. Поспелов Н. С. Учение о частях речи в русской грамматической традиции. М. 1954.
212. Поспелов Н. С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке//Исследования по грамматике русского литературного языка. М. 1955.
213. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. IV. Л. 1941.
214. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. I—II. М. 1958.
215. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. III. М. 1966.
- 215а. Проблемы теории грамматического залога. Л. 1979.
216. Псянчин В. Ш. История развития форм порядковых, разделительных и собирательных числительных в тюркских языках. СТ. 1973. № 3.
217. Рахматуллаев Ш. От лексемаларга қушиладиган баъзи бир форма ясовчилар ҳақида//УТА. 1975. № 2
218. Ревзин И. И. Так называемое «немаркированное множественное число» в современном русском языке//ВЯ. 1969. № 3.
219. Ревзин И. И. О специфике согласования по числу в русском языке//Язык и человек. М. 1970.
220. Реформатский А. А. Число и грамматика//Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.: Л. 1960.
221. Реформатский А. А. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков//Вопросы теории языка в современном зарубежном языкознании. М. 1961.
222. Решетов В. В. Об одном узбекском падеже//Тюркологический сборник. М.: Л., 1951.
223. Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М. 1960.
224. Сандов Ф. Формы глагола, выражающие нереальность в современном узбекском языке. СТ. 1971. № 1.
225. Салехова Н. Х. Грамматическая категория времени татарского глагола и темпоральность. Автореф. канд. дис. ... филол. наук Казань. 1975.
226. Санг-Ханссен Х. Глоссоматика//Новое в лингвистике. Вып. IV. М. 1965.
227. Санжеев Г. Д. Спорные вопросы в изучении грамматического строя узбекского языка//Вопросы узбекского языкознания. Ташкент. 1954.
228. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М. 1969.
229. Севортьян Э. В. К истории падежной системы в тюркских языках//Ученые записки Военного института иностранных языков. Вып. VI. М. 1948.
230. Севортьян Э. В. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках//Вопросы теории и истории языка. М. 1952.
231. Севортьян Э. В. К проблеме частей речи//Вопросы грамматического строя. М. 1955.
232. Севортьян Э. В. Категория сказуемости//ИСГТЯ. II. 1956.
233. Севортьян Э. В. Категория падежа//ИСГТЯ. II. М. 1956.
234. Севортьян Э. В. Категория принадлежности//ИСГТЯ. II. М. 1956.
235. Севортьян Э. В. Об историческом положении категорий переходности и непереходности в тюркских языках//ВЯ. 1958. № 2.
236. Севортьян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М. 1962.

237. Севортян Э. В. Из истории прилагательных в тюркских языках//Тюркологические исследования. М.: Л. 1963.
238. Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М. 1966.
239. Севортян Э. В. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике//СТ. 1970. № 3.
- 239а. Сепир Э. Язык. М. 1934.
240. Серебренников Б. А. Система времен татарского глагола. Казань. 1963.
241. Серебренников Б. А. Об относительной самостоятельности развития языка. М. 1968.
242. Серебренников Б. А. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа — log в тюркских языках//СТ. 1970. № 1.
243. Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражаний//Пражский лингвистический кружок. М. 1967.
244. Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М. 1954.
245. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове//Вопросы грамматического строя. М. 1955.
246. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М. 1957.
- 246а. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М. 1957.
247. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М. 1959.
248. Соколов С. А. Анализ значений и употреблений отлагательных имен на -dik и на -та в сравнительном плане//Труды Военного института иностранных языков. 1960. № 6.
249. Соколов С. А. Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными грамматическими категориями//СТ. 1970. № 4.
250. Соколов С. А. К вопросу о классификации сложных предложений в современном турецком языке//Структура и история тюркских языков. М. 1971.
251. Солднцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М. 1971.
252. Солдницын Ю. В. О цифровых показателях, характеризующих силу управления//ВЯ. 1966. № 2.
253. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М. 1933.
254. Степанова Ю. С. Проблема классификации падежей//ВЯ. 1968. № 6.
255. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М. 1968.
256. Степанова М. Д. Вопросы моделирования в словообразовании и условия реализации моделей//ВЯ. 1975. № 4.
257. Сунник О. П. Общая теория частей речи. М.: Л. 1968.
258. Стеблин-Каменский М. И. К вопросу о частях речи//Спорное в языкознании. Л. 1974.
259. Тарасенко Р. Ф. Категория принадлежности в тюркских языках//Исследования по восточной филологии. М. 1974.
260. Тахтаджян А. Л. Текстология, история и проблемы//Системные исследования (Ежегодник. 1971). М. 1972.
261. Тачмурадов Т. Категория принадлежности в современном туркменском литературном языке. Автореф. канд. дис. ... филол. наук. Ашхабад. 1969.
262. Тенишев Э. Р. Грамматический очерк древнейтурского сочинения «Золотой юлукс». Автореф. канд. дис. ... филол. наук. М., 1954.
263. Тенишев Э. Р. К истории условного наклонения//Studia Turcica, Budapest. 1971.
264. Тенишев Э. Р. Саларский язык. М. 1963.
265. Тенишев Э. Р. Новый источник чагатайского языка раннего периода//СТ. 1970. № 1.
266. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л. 1969.
267. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Л. 1974.
268. Тугушева Л. Ю. Порядок слов в определительных конструкциях (на материале татарского языка). Автореф. канд. дис. ... филол. наук. М. 1969.
269. Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого Со-

вета, посвященном дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов. (28—30 июня 1954 г. Институт языкознания. Москва). М. 1954.

270. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Т. I. М.: Л. 1950.

270а. Убрятова Е. И. Заметки по поводу падежей в чувашском языке// Ученые записки Чувашского НИИЯЛИ. Вып. XII. О дискуссии по некоторым вопросам чувашской грамматики. Чебоксары. 1955.

271. Фозилов Э. И. Узбек тилининг тарихий морфологияси. Тошкент. 1965.

272. Фазылов Э. И. Категория залога в узбекском языке в сравнительно-историческом аспекте. Автореф. канд. дис. ...филол. наук. Ташкент. 1961.

273. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языкознание//Избранные труды. Т. I. М. 1953.

274. Философия. Наука. Методология. М. 1972.

275. Философская энциклопедия. Т. V. М. 1970.

276. Харитонов Л. Н. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск. 1943.

277. Хлебникова И. Б. Опозиции в морфологии. М. 1969.

278. Ходжиев А. Недостаточный глагол в узбекском языке. Автореф. докт. дис. ...филол. наук. Ташкент. 1968.

279. Хожиев А. Фель. Тошкент. 1973.

280. Ходова К. И. Система падежей старославянского языка. М. 1963.

281. Хусаинов М. М. О природе словообразовательных моделей//СТ. 1975. № 1.

281а. Цалкаламандзе А. А. Семантико-синтаксические группы глаголов в узбекском языке. Тбилиси. 1987.

282. Чафаров С. Азэрбајчан диллинде сөз јападычылыгы. Бақы. 1960.

283. Чарьяров Б. Времена глагола в тюркских языках Юго-Западной группы. Автореф. докт. дис. ...филол. наук. Ашхабад. 1970.

284. Челпанов Г. И. Учебник логики. М. 1946.

285. Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М. 1967.

286. Чешко Е. В. К вопросу о падежных корреляциях//ВЯ. 1960. № 2.

287. Чешко Е. В. Система падежей древнеболгарского языка//ВЯ. 1967. № 2.

288. Чикобаева А. С. Части речи как понятие филологической грамматики и как понятие описательного научного анализа//Вопросы теории частей речи. Л. 1965.

289. Шарипова К. А. Словообразующие аффиксы -лик, -ли, -чилик, в узбекском языке. Автореф. канд. дис. ...филол. наук. Ташкент. 1972.

290. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. I. Л. 1925.

291. Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения//ВЯ. 1964. № 4.

292. Шведова Н. Ю. Существуют ли все-таки детерминантные распространители предложения//ВЯ. 1968. № 2.

293. Шендельс Е. И. О грамматической полисемии//ВЯ. 1962. № 3.

294. Шетинский М. Ш. К вопросу о природе артиклей//Ученые записки Московского областного пединститута. Т. 132. М. 1965.

295. Ширалиев М. Ш. Об этимологии деепричастной формы -ыбан, -ибэн, -убан, -убэн//ВЯ. 1970. № 3.

296. Шукуров Ш. Ш. -галыр/-галир формаси ҳақида//Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент. 1965.

297. Шукуров Ш. Ш. История развития глагольных форм в узбекском языке. Ташкент. 1966.

298. Штелинг Д. А. О неоднородности грамматических категорий//ВЯ. 1959. № 1.

299. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке//Избранные работы по русскому языку. М. 1957.

300. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л. 1958.

301. Щербак А. М. Выражение грамматических значений в тюркских языках//ВЯ. 1957.

302. Щербак А. М. Деепричастие на -а~й (j) в тюркских языках// Вопросы грамматики (Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова). М.: Л. 1960.

303. Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.: Л. 1961.

304. Щербак А. М. О лингвистической природе частей речи//Вопросы теории частей речи. Л. 1965.

305. Щербак А. М. Формы числа у имен в тюркских языках//ВЯ. 1970. № 3.

306. Щербак А. М. О некоторых особенностях образования падежных форм в тюркских языках//ВЯ. 1971. № 1.

307. Щербак А. М. К характеристике системы тюркских падежей в плане содержания//СТ. 4. 1972. № 4.

308. Щербак А. М. К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках//ВЯ. 1975. № 5.

309. Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.: Л. 1962.

310. Якобсон В. Круговорот лингвистических терминов//Фонетика. Фонология. Грамматика (К 70-летию А. А. Реформатского). М. 1971.

311. Ярцева В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков//Типология грамматических категорий. М. 1975.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	1
Глава первая. Классификация частей речи	1
Имена	1
Местоимения	1
Наречия	1
Глаголы	1
Междометия	1
Звукоподражания	2
Служебные слова	2
Послелоги	2
Союзы	2
Частицы	2
Соотношение частей речи	2
Глава вторая. Словоизменение именных частей речи	3
Категория числа	4
Падежи в языке памятников XI—XII вв.	5
Категория принадлежности	6
Глава третья. Словоизменение глагола	8
Залоги глагола в языке памятников XI—XII вв.	8
Предикативные формы глагола	10
Непредикативные формы глагола	13
Глава четвертая. Грамматические категории языка памятников	15
Классификация грамматических категорий	15
Глава пятая. Аффиксальное словообразование в языке памятников	16
Именное словообразование	16
Отглагольное образование имен	17
Словообразование глаголов	17
Заключение	17
Список использованной литературы	18